

5770030
7-50



А. ОЛЕННИЧ-ГНЕЧЕНКО

В БОРАХ КАВКАЗА



4390

Министерству просвещения
секретариата Министерства просвещения
г. Москва
с и сержант Кургановичева и сыновья
г. Омск

1922
XII
Почта-Дон

А. Денис-Курганов

57(06)
0-5

А. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

В ГОРАХ КАВКАЗА

*инв. 7638
4390*

~~1949~~

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ПОКАЗАТЕЛЬ



Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1949



ЛЕТО

*Ростов-Дон—Хаджох,
27—28 июня 1937 года*

Меня, писателя-натуралиста, уже давно привлекал Кавказский заповедник с его могучими горами, вековыми лесами, коврами альпийских лугов, стремительными реками и разнообразным миром животных.

Я хорошо представляю себе, во изученной мной литературе, что в заповеднике я смогу плодотворнее всего наблюдать интересующий меня целостный процесс жизни природы, в неразрывной взаимосвязи и взаимодействии всех ее сторон и в ее внутреннем движении. Здесь до революции была Кубанская охота и бессмысленно губились ценнейшие звери. Теперь советский человек, как разумный хозяин, взял эти горы и воды, леса и зверей под свою охрану, восстанавливает и обогащает замечательную природу Западного Кавказа. Новое отношение человека к природе неизбежно должно влечь за собой и новое «отношение» природы к человеку.

Все это я хочу видеть собственными глазами...

Наконец я на пути в Кавказский заповедник. Двадцать седьмого июня, в полночь, скорый поезд Москва—Сочи доставил меня на станцию Безореченскую, и на следующее утро я выехал местным поездом на Хаджох—последнюю железнодорожную станцию на пути в заповедник.

Погода теплая, ясная, хотя на западе над синеватыми вдали горами вспухли белые кучевые облака. В открытые окна вагона льется свежий воздух, пропитанный запахами цветов и трав. Зелень садов и полей вымыта недавними дождями. Вверху — веселая голубизна летнего неба.

Своеобразным, пырющим полетом высоко проносятся щурки. Влеся на солнце золотисто-зеленым оперением, они стайками отдыхают на проволоке телеграфа, совсем близко от железнодорожного пути. С резким криком взлетают над медной сетью проводов большоголовые сорокопуты.

Проехали Майкоп, Тульскую, Шунтук, Абадзехскую. Вдоль полотна железной дороги между Абадзехской и Хаджохом встречаются десятки древних гробниц — долменов. Они тут называются «богатырскими хатками». Одни из них почти полностью сохранились, от других остались только груды камней и щебня. Их разрушали хищники-кладонскатели, привлеченные рассказами о тысячелетних сокровищах, а сейчас буквально взрывают разросшиеся здесь деревья. Корни сдвигают и переворачивают огромные плоские камни, проивкают в трещины и расширяют их все больше и больше, ломают и дробят долмены, далеко в сторону разбрасывая обломки мшистых плит, видевших зарю бронзового века.

...Станция Хаджох.

Рядом раскинулась станция Каменномостская.

Все вокруг затянула сетка мелкого упорного дождя. С рюкзаком за плечами, в плаще я стою на перроне. Тут же кутаются в пледы старик-профессор из Ленинграда и его жена, худенькая маленькая старушка, похожая на белоголовую девочку. Она тонким голяском, в котором слышатся слезы, кротко укоряет мужа за склонность его к рискованным путешествиям. Несколько лет назад, как выясняется, этот неутомимый путешественник завез ее в самую глубь саянской тайги.

Вместе с хозяином-хакасом профессор ловил в ледяных горных ручьях харизузов, промышлял в лесах рябчиков и даже принимал участие в охоте на медведя, пахально забравшегося в пчельник во дворе. Профессор остался безмерно доволен «дачей», по жене его до сих пор и во сне и наяву слышится медвежий рев.

Сконфуженно покашливая профессор то потирает нос, то выжимает из намоченной седой бородки капли дождевой воды.

Но ты же знаешь, Наточка, что только так я и умею отдыхать...

У профессора есть письмо к одному из местных жителей. Вспомнив об этом, он просит меня присмотреть за багажом и решительно шагает по лужам, под руку с женой.

К счастью, адресат живет совсем близко. Профессор вскоре возвращается вместе с молодым человеком и веселой черноволосой девушкой. Забрав профессорские чемоданы, мы поднимаемся по скользкому глинистому откосу и через несколько минут сидим на широкой веранде в доме Андрея Ивановича Речкина — члена производственно-промышленной артели «Пищепром». На столе, покрытом вышитой скатертью, сверкает никелем ведерный самовар. Приподнимая самоварную крышку, с тонким свистом бьет вверх упругая струйка прозрачного пара.

Андрей Иванович, высокий смуглый мужчина лет пятидесяти, угощает нас крупными темнокрасными вишнями и фруктовым вином, вырабатываемым артелью. Хозяин утверждает, что вино не хуже виноградного. Пожалуй, с ним можно согласиться.

Андрей Иванович говорит, что в предгорьях, да и высоко в горах, очень много фруктовых деревьев. Часто это одичавшие сады на местах «каулиц» — бывших черкесских поселений. До сих пор еще среди деревьев-дичков встречаются настоящие садовые груши. Такие деревья с крупными сладкими плодами называются здесь сладкой или азиатской грушей. Признаки бывших черкесских садов многочисленны и разнообразны.

Например, в окрестностях Хаджоха есть одичавшая культурная слива — белый терн. В станции Даховской, вблизи кирпичного завода, растет алыча без косточек.

Сотни местных жителей в сентябре и октябре целыми семьями выходят в леса, разбивают палатки, делают балаганы из драни и собирают дикие фрукты. Тут же, в лесу, устроены приемочные пункты. На полянах разостланы брезенты, стоят весы. На брезентах желто-золотистой грудой насыпаны груши, кислицы, алыча. Воздух насыщен пьяным ароматом бродящего яблочного и грушевого сока.

...Я должен задержаться в Хаджохе и в некоторых других местах на подступах к заповеднику, так как хочу ближе познакомиться с предгорьями главного Кавказского хребта, их природой и живущими там людьми.

Я договорился с Андреем Ивановичем, и мне отвели комнату. Единственное, но очень большое око моего временного жилья не застеклено и только завешено куском парусины. Меня обвезает влажное дыхание летней кавказской ночи.

Порывистый ветер подхватывает парусину. Беда во мра-

ке, она трелещет, как гигантское крыло, и взлетает к потолку. В темном квадрате окна мне видны большие, дрожащие, словно прозрачные звезды. Нависшие над домом черные ветви деревьев со скрежетом царапают жести крыши. С тяжелым глухим стуком падают сорванные ветром плоды...

Хаджох, 29 июня—5 июля

Хаджох — преддверие заповедника.

Со всех сторон к станции подступили леса, сбегające по горным склонам. Это край лесорубов, драшников, золотоискателей, геологов-практиков, охотников.

Семидесятилетний старик Александр Тимофеевич Кондраков, житель станции Каменноостровской, говорит, закручивая свивые щетинистые усы:

— Мы с малых лет находимся в горах и лесах невылазно. Леса, воды и горы у нас богатые. В реках наших полно разной рыбы. Гор своих мы толком еще не знаем, а сколько в них добра захоронено! Тут недалечко текут три ручья рядом: в одном вода черная, в другом — кислая, ну прямо квасцы, в третьем — серная. Срубил я раз дерево, выдолбил корыто, вскипятил серную воду — тухлым яйцом она пахнет — и стал по два раза в день купаться. Лежал в этой воде по пятнадцать минут — больше не выдержать. После шести раз будто снова на свет народился. С тех пор прошло пятнадцать лет, поясница не болит, а то меня соасем было в дугу согнуло. Есть тут такая особая желтая земля, легко разминается. Ею черкесы сафьян обрабатывали, и от ящура сильно помогает. До революции из Петрограда профессора приезжали, взяли каменную доску, серая, легкая она, точно как та, на которой пишут. Есть много каменных змей, узлом скрученных, — аммониты называются, — каменных листьев много, ракушек. В одном месте руду нашли; пробовали ее (давно это было) и говорят, большой процент серебра в ней. Каменные деревья, уголь, золото есть. В Мишохо, в самой верхине, я раз забрал в пещеру, а в пещере — колодец с человеческими костями.

...Я зашел к здешнему охотнику Павлу Ивановичу Енину. Я уже наведывался к нему, но не заставал его дома: он был в горах. Он искусный охотник. Любопытен один из применяемых им способов ловли волков.

Где-нибудь в подходящем месте он выбирает дерево, обрубает одну из наиболее крепких веток, зависающих над тропой на высоте хорошего подчьего прыжка, расщепляет оставшуюся часть ветки, раздвигает обе половинки расщепки и вставляет между ними так, чтобы они не сошлись, деревянный брусок. К нему подвешивается привада.

Почуввав мясо, волк прыгает, пытаясь схватить лапой добычу, и выбивает брусок. Мгновенно половинки расщепки соединяются. Зверь повисает в воздухе, как клешнями, схваченный за лапу.

Павел Иванович, примостившись на табурете, сиденье которого сделано из огромного высушенного древесного гриба, рассказывает о зверях заповедника.

— Кабан и медведь — чуткие звери, осторожные... Волчица учит детей, как охотиться, волчата догоняют мать — лопит за хвост, за бока, хватают за шею. Волк промеж людей среди белого дня идет: от собаки ни за что не отличить. Очень умный зверь!

С сыном Речкина мы много бродили в ближних горах. Однажды поднялись к Овечьему базу — к старой пещере.

В камнях по тропе и на стенах лещеры спуют тысячи юрких ящериц. Они двух цветов: зеленые и серые, очень изящные и быстрые.

Замечательны защитные положения, которые принимают достигнутые врасплох ящерицы. Вот одна, зеленая, как изумруд, метнулась вверх по каменному отвесу почти у самого моего лица и вдруг остановилась. Вытянув вдоль стены длинный острый хвост и зацепившись задними лапками за неровности известняка, она откинула туловище в воздух, привала передние лапки вплотную к бокам и встыла, словно неживая. Ящерицу совершенно невозможно было бы отличить от зеленых стеблей, свисающих из трещин, если бы не легкое трепетание ее горла.

Речкин говорит, что летом, в семь-восемь часов утра, на тропе, ведущей к пещере, всегда можно встретить очень большую змею цвета стали или старого серебра. Свернувшись и положив огромную плоскую голову поверх колен, она греется на освещенной солнцем площадке у самого основания отвесной стены. Часто хвост змеи бывает протянут поперек тропы. Речкину случалось отодвигать его палкой, и змея не просыпалась. Повидному, это очень старый полоз...

*Дажовская—Сахрай,
6—7 июля*

Шестого утром с подводами кустарно-промысловой артели отправился в Сахрай. Со мной едет студент Ленинградского горного института Званцев — живой, веселый юноша, почти мальчик. Он работает коллектором геолого-разведочной группы в районе Сахрая. За три года учебы в институте он успел побывать практикантом на Шницбергене, в Дальневосточном крае и Восточной Сибири.

Он привык делать лешком большие переходы в любой обстановке. Только вчера утром он вышел из Сахрая в Хад-

жох, не застал поезда, пешком отправился оттуда в Майкоп, а сегодня уже вернулся обратно с рюкзаком, туго набитым консервными банками. Званцев соблазняет меня изменить маршрут. Он описывает замечательные свойства и красоту «белого камня» — исландского шпата, поисками которого занята его группа, и приглашает заглянуть в их лагерь. Я охотно соглашаюсь, тем более, что, как я узнал, в течение ближайших дней все работники Кавказского заповедника будут сопровождать членов Международного геологического конгресса, экскурсирующих по заповеднику.

...В глубокой каменной теснине, пенясь и прыгая через пороги, стремительно мчится Белая. По обоям берегам ее на волнообразных невысоких горах кудрявится свежая зелень дубов и диких фруктовых деревьев. При ярком, горячем солнце накрапывает дождь.

За Даховской дорога пошла все выше и круче в горы. На широких веселых полянах, в посевах пшеницы и ржи звонко бьют перепела. Мы едем уже несколько часов. Темнеет. В вечерней мгле бесшумно проносятся летучие мыши. Высоко дрожащим огоньком загорается первая звезда.

Впереди в стужающемся мраке мелькнуло светлое пятно. Это «Домики», здесь мы ночуем.

Нам отворил дверь коренастый, с короткой шеей старик. В руке он держал фонарь. Пока мы складывали вещи на дощатые нары, старик зажег лампу и растопил печурку. У него совсем белые голова и борода, седые с чернью кустистые брови.

За чаем завязалась беседа. Нашего хозяина зовут Николаем Никитичем Бугаенко. Он попал на Кавказ девятилетним мальчиком. Сейчас ему девяносто лет. В Майкопе и Сахрае он живет уже полвека. В летнее время занимается заготовкой дран, зимой охотится. Старик крутой и гордый. Недавно он разбранился с сыновьями и поступил сторожем в «Домики» — леревалочный пункт лесопромышленной артели. Он прирабатывает еще тем, что гнет дуги и колесные ободья. По словам возчиков-сахрайцев, Бугаенко у них лучший мастер по этой части.

Старик рассказывает спокойно, деловито, со снисходительной усмешкой бывалого человека:

— Здесь много зверья водилось: зубры, туры, олени, джейраны, козы, медведь, кабан, пантер*. Зубров белые казаки в революцию побили. Найдут стадо голов в восемь — всё перебьют. Потом скот домашний болеть стал. Вот болезнь на

* Местное название барса.

зубров и перекинулась. Зубр — зверь мягкий: передох, зубра стрелять неопасно — скот как скот. Били зубра из ружья. Убьют, шкуру сдерут, а мясо медведям бросят.

За турами ходить не любили — далеко. Охотились у нас только на крупную дичь, мелочью не интересовались.

В наших лесах водится поросня, куница-желтодушка и куница черкесская и водяная. Есть еще куница — под горлом красное с черным и, не в пример желтодушке, маленькая, хоть и старая. Она всегда на деревьях живет. Лисиц у нас две породы: серая и красная, серая побольше будет. Лесных котов, чтоб им пусто было, гонять надоело, кур крадут. Много здесь хорька, есть рыси.

Медведь — он глупый: он только дураку страшен. Одиному такому медведь ляжки выел. Кабан — очень строгий зверь, а пантер — это кошка. Пантер, как ишак, ревет. Другого такого зверя нет.

Страшнее всего кабан: человека перескачет пополам. Бежит кабан, головой трясет, пена бьет клубом, тогда сторонись, если хочешь быть живым.

*Сахрай — лагерь,
8 июля*

Перепочевал в Сахрае, на квартире у лесника, где остановились геологи, и вместе с ними в шесть часов утра вышел в горы. С нами две вьючные лошади. До самого лагеря геологической группы шли пешком, сделав за день тридцать пять километров.

Десятки раз пришлось переходить вброд изгибы реки Сахраи и впадающих в нее быстрых горных ручьев. Сначала по сторонам тропы встречался только дубяк, потом к дубовому лесу стали примешиваться столетние буки, иногда в четверть обхватов, осина, береза, черная ольха.

Еще выше начался пояс буковых лесов с примесью пихты, за ним — могучие мшистые пихтарники и, наконец, буковое и березовое криволесье и поляны субальпийских лугов.

Лагерь расположился у самой границы заповедной территории.

В трех брезентовых палатках живут начальник группы инженер Кустов, шесть рабочих и три студента-практиканта, в том числе две женщины: Нина Георгиевна и Мария Деметривна.

После ужина у горящих костров начинается оживленное обсуждение предстоящей работы. Из походных сумок извлекаются карандаши и блокноты, шуршат карты, пунктиром отмечаются маршруты.

Группа разведывает месторождения исландского шпата.

Это ценный минерал. Раньше его приходилось ввозить из-за границы. Теперь мы добываем исландский шпат у себя дома.

В палатке начальника партии под покрыт ветками пихты, на них положен брезент. Это постель. Сыро и холодновато. Пахнет смолой, лесом, и кажется, что спишь под открытым небом.

*Лагерь,
9 июля*

Встали рано. Геологи с рассветом ушли в разведку. Я отправился в расположенный недалеко от лагеря имеретинский кош. Меня встретил с церемонной вежливостью высокий старик, зовут его Давид Илларионович. Три имеретина и один русский пасут здесь, в горах, стадо молочнотоварной фермы. Кош — это летний балаган из горбылей и драни. Вдоль стен устроены нары. Посредине помещения сложен из камней простой очаг. Балаган обнесен обширной оградой из целых березовых стволов; сюда на ночь загоняют коров. С полдюжины громадных желтых псов днем и ночью охраняют кош. Псы очень злы, и когда они нападают в отсутствие хозяев на случайно забредшего человека, ему остается одно: присесть на корточки и не двигаться, пока не подоспеет выручка.

Имеретинцы угощают меня айраном — кислым молоком — с мамалыгой и чуреками. Перед собой молодой имеретин предлагает каждому деревянный ковш с водой и колотенце, чтобы вымыть руки.

Кислое молоко и мамалыга подаются в больших деревянных чашках, которые, как и ковши, превосходно вырезаны из прочного, словно кость, и почти прозрачного дерева. Едим деревянными ложками чрезвычайно тонкой художественной работы, с изогнутыми, подобно лебединым шеям, длинными ручками. Твердую пищу имеретинцы берут руками, режут ее кривым турецким ножом. На лезвиях ножей выбиты клейма — тамги — старых мастеров-оружейников, а рукоятки украшены серебряной и золотой инкрустацией. Вся деревянная посуда изготовлена тут же, на коше. Делает ее один из пастухов — статный человек лет сорока восьми, очень красивый, с большими, опущенными по-запорожски усами и добрыми печальными глазами.

Голова его изящно повязана белым башлыком.

Старый пастух Давид Илларионович хорошо знает русских и грузинских классиков. На память, очень точно он приводит выдержки из Пушкина, Горького, Льва Толстого. Когда речь зашла в предстоящем юбилее Шота Руставели, он достал с некрашеной пихтовой полка томик «Витязя в ти-

ровой шкуре» на грузинском и русском языках и стал читать вслух, сранивая перевод с оригиналом.

Пастухи приручили молодого оленя. Неподалеку от коша в долбленном корыте стоит подсоленная вода. Каждый вечер, точно тень, из березняка появляется ланчук, подходит к корыту и пьет. Он привык к людям и подпускает их совсем близко.

Возвращаюсь в лагерь. По ту сторону субальпийского дуга высятся обрывистой грядой обнажения известняков; там геологическая партия разведывает шпат. Под вечерним, гаснущим солнцем причудливые изломы известняковых громад принимают самую разнообразную окраску. Розовый, фиолетовый, голубой и синий цвета сменяют друг друга. Сквозь них пробиваются красноватые и золотисто-желтые оттенки. Великолепие этой игры красок и света подчеркивается спокойным фоном окружающих изумрудно-зеленых полей и темной зеленью пихтового леса.

Спускается ночь, тихая, влажная, благоухающая. Внизу, на склоне, где разбиты палатки, слышен неумолкающий говор горного ручья. Ярко вспыхивают в черноте деревьев зелено-голубые искры светляков.

Лагерь собрался у костра. Идет разговор о «золотой» пещере, открытой в горах старым чабаном. Там, говорят, известковые столбы, летучие мыши и богатые жилы белого камня. После беседы Мария Дементьевна читает вслух Некрасова.

Снова сон в палатке, снова прохлада и освежающая бодрость горной, полной воздуха ночи.

*Лагерь,
10 июля*

Краснов уходит к «золотой» пещере вместе с чабаном и проводниками.

Я иду с другой группой на ближайшую разработку исландского шпата.

Трона сбегает вниз, пересекает ручей, затем круто под-



нимается к высоким, в причудливых изломах, обнажениям известняков. В пещере перекинут широкий мост через узкую черную расщелину. Она очень глубока и далеко врезается в толщу породы. На противоположной стороне расщелины, опираясь о каменный уступ, тянется вверх по стене, к самому потолку пещеры, головокружительная лестница, сделанная из двух поставленных одна над другой берез. Необрубленные сучья служат ступеньками. В куполе пещеры находится обширное углубление, вернее — вторая маленькая пещера. Там тускло мерцают огромные ромбовидные кристаллы и змеятся жилы шпата, окруженные коричнево-ржавым «футляром» и многослойными натёками кальцита. В углублении сыро и холодно.

Вдвоем с рабочим геологической группы идем к другой, еще не обследованной пещере. Сдираем кору с берез и зажигаем ее. Факелы горят ярко, и нам видна каждая песчинка. Пройдя шагов пятнадцать по коридору пещеры, мы вынуждены остановиться. Ход резко суживается, с потолка и стен каплет вода. Мой спутник с трудом ползет дальше по узкому коридору и обнаруживает в конце его расширение, а в нем почерневшие остатки травы и кости оленей и серн. Несомненно, это очень старое логово какого-то крупного зверя: волка, рыси, а может быть, и барса. За логовицей ход круто поворачивает влево, но он очень узок, вода со стен течет струями. Изнутри горы дует сильный леденящий ветер и гасит факел. Дальнейшее обследование приходится отложить.

Выбираемся из мрачного подземелья. Светит яркое солнце. Разминаем заколенившее тело и наслаждаемся свежим, живительным воздухом.

...Издали гора Крепость похожа на древний рыцарский замок. Гигантские, совершенно отвесные стены серо-голубого и желтого песчано-глинистого известняка вздымаются к небу на сотни метров. Стены там и здесь прорезаны трещинами. Из глубин трещин беспрестанно дует холодный, сырой ветер. Гора будто дышит.

Отделившись от горы, одиноко стоит высокий утес песчано-глинистого известняка. Он сплошь исчерчен поперечными и продольными трещинами и, в сущности, сложен из отдельных громадных глыб, которые держатся каким-то чудом. Проходить в его мрачной тени страшно: вот-вот грянет он на землю всей тяжкой грудой и гром нового сброса сотрясет горы.

По склонам, ниже осыпи, горы поросли пихтами, соснами, березой. В нежной яркозеленой траве брызнули синие, красные, желтые искры цветов. Травяной ковер во всех направлениях прорезан тропами медведей. По тропам и в осыпях —

медвежья порода, под большими, брошенными друг на друга камнями и прохладных пещерах — медвежья лежка. Камни помытые перевернуты. Черная земля под ними обнажена и мерзла. Медведи добывали здесь жуков и личинок.

На макушке отвесных скал чуть видны саблеобразно изогнутые деревья. В синем воздухе, на уровне вершин, с пронзительными криками парят соколы.

Вечерет. Сложу, точнее скользну, едва удерживаясь на носках, по крутому травянистому склону. Далеко на горизонте виднеются массивы Большого Тхача и Чортовых Ворот: они сторожат вход в горы и леса заповедника...

Черно-коричневые и черно-синие тени туч ложатся на Крепость. Ее отвесные стены, наполовину уже скрытые надвигающейся тучей, напоминают суровые картины старинных мастеров.

Падает тяжелые капли дождя.

*Лагерь,
12 июля*

Меня снова пригласил в гости пришедший в лагерь Давид Илларионович.

Когда мы с ним беседовали на коше, подъехал верхом на горном рыжем коне имеретин из их колхоза. В руке он держал на гибком ивовом пруте около десятка больших пестрых форелей. Прут был продет сквозь жабры, еще красные и трепещущие. В это время лета, когда вода низкая и чистая, форелей ловят здесь с помощью матишки. Матишка — это свободная скользящая петля в два конских волоса, обязательно черного цвета. Она укреплена на конце палки или прута. Матику при помощи удильщика подводят так, что она оказывается за жабрами форели. Тогда удильщик быстро дергает вверх и в себе, и захлестнутая под самые жабры рыба уже не может сорваться и только судорожно бьется в воздухе.

Форель всегда стоит головой против течения и привыкла к тому, что прозрачная быстрина несет на нее ветки, сучья и вымоченные, почерневшие в воде обрывки корней и трав. Поэтому она не пугается олуцнейного в глубину удильщика и матишки.

В лагере по обыкновению уже горят костры.

Цица Георгиевна, сидя на «стуле» — деревянном обручке, скалывает полорченую трещинами и примесью оболочку кристаллов. Из-под маленького полета, по которому



она точно и размеренно ударяет молотком, летят светлые брызги. Очищенные кристаллы блестящими прозрачными ромбами сыплются на подставку.

Подходит рабочий, с которым я разведывал пещеру.

— Вот, Нина Георгиевна, сегодня я добыл.

Он протягивает огромный, чистый, как слеза, кристалл, уже обработанный им.

— Самый красивый из всех! — говорит она, завешивая на ладони тяжелый кристалл: — Полномер, граммов двести будет. Ну, Петро, поздравляю!

... Постепенно все вокруг заволокли густые тучи. Пошел дождь с крупным градом. Мы забилась в палатки.

К ночи небо прояснилось. Высыпали звезды. В степи звезды теплые. Здесь они излучают горный холод и кажутся осколками льда.

Сахрай, 13—15 июля

В шесть часов утра выехал в Сахрай верхом вместе с двумя геологами и бригадиром колхозной конфермы, пасущей табуны вблизи лагеря. На этот раз наш путь лежит напрямик — через высокий лесистый хребет.

Густой темный лес дышит сыростью и прелью. Среди старых буков и лихт светлеют поляны. Они поросли белокопытником и крапивой. В сорной траве, покрывающей поляны, повсюду видны подуставившие, почерневшие деревянные срубы, кучи замшелых камней и щебня, могильные курганы. Это остатки черкесских поселений — аулиц — и казачьих сторожевых постов. В теперешних названиях мест, где были расположены военные посты, в искаженном виде сохранены их старинные обозначения: Блонкауз, Вокет (бложгауз, пикет).

В Сахрае мы остановились на прежней квартире, у лесника Митрофана Даниловича, опытного охотника, хорошо знающего здешние леса.

— Встречаются здесь, — рассказывает Митрофан Данилович, — по-моему, такие породы медведей: бурый побольше — стервятник; черный, белогорлый — поменьше и серый, седой — муравьятник.

Кунца я знаю три породы. Это желтодушка большая, желтодушка малая — медовка: она меньше ростом, а пух у нее не синий, а белый, когда дунешь на шкурку, и каменная кунца — белодушка. Говорят, что есть еще водяная кунца, но это путают: кунца бродит всюду, попадаетея и в камнях у воды. По рекам же приходилось встречать только выдру и норку.

Оленей мы различаем так: одни — пониже, с тупыми ушами, с различными рогами и частыми отростками, другой — вы-

сокий, остроухий, рога у него прямые и отростки более редкие.

Лисиц, зайцев, диких котов тоже считаем по две породы: красная лисица — поменьше и серая — более крупная. Есть еще мартовик — в марте катается; он поменьше, цветом серый и очень быстрый: от собак лучше бегаёт, а большой будет поспетлее. Кот рыжеватой окраски — тот всегда длиннее, а кот сероватый — этот короче.

Кабана есть длиннорылые и тупорылые. Длиннорылые — те на высоких ногах, туловище у них короткое и худое. Они самые злые.

Сахрай — Даховская, 16 июля

С рюкзаком за плечами иду на почту договариваться о поездке в Даховскую.

Мне дали почтовую лошаадь, и сопровождает меня сын ведущего почтой Саша.

На привале у нас с Сашей завязался разговор.

Саше четырнадцать лет. Он живой, любознательный мальчик, учится в седьмом классе Даховской школы. Саша — пионер и юный натуралист. Для коллекций школьного юннатского кружка Саша ловит змей и тритонов, собирает растения, бабочек, жуков и яйца птиц. Недавно он застрелил филина для чучела.

В трех километрах от станции Даховской есть большая пещера, которую до конца никому не удавалось пройти. Саша был там с товарищами. Ребята взяли с собой факелы и фонари.

В пещеру ведет широкое темное отверстие. Под высокими сводами пещеры кружатся легучие мыши. С потолка стекает вода и висеают сталактиты. В пещере три «комнаты». Первая комната переходит вскоре в узкий коридор — отсюда можно двигаться дальше только гуськом: это вторая комната. Ребята нашли ее заваленной камнями и закрытой деревянной дверью. Они разбили дверь и проникли в третью комнату, такую же обширную, как и первая.

Тут они увидели сложившуюся из камней кровать и много костей и черепов, человеческих и звериных. В третьей комнате течет родник, и вдоль него по щебню идет след, похожий на человеческий. Дальше ребята не пошли: слишком узкий ход и высокая красная глина охладили их исследовательский пыл.

Мы беседуем, отдыхая в тени молодого дубка. Над нами раскинулось чистое синее небо. Кругом стадом зеленорунных овец рассыпались холмы и невысокие пологие горы. Из лесу доносится шипящий крик сойки.

В траве, у наших ног, сонно передвигаются истомленные полуденным зноем яркозеленые кузнечики, раздумчиво шевелят усам блестящие бронзовые жуки.

В Даховскую мы прибыли в полдень.

По дороге в дом заповедника меня догнал крепкоскулый, приземистый человек в военной форме, с бронзовыми дубовыми листками на фуражке и тремя синими звездочками в петлицах. Он оказался начальником охраны и партгором заповедника.

Помещение в доме заповедника было уже занято студентами-геоморфологами — мужем и женой, едущими из Москвы в Кавказский заповедник на летнюю практику. Мы с моим спутником устроились на колхозной квартире для приезжих, небольшой, но замечательно чистой.

Иван Леонтьевич Деревянко — так зовут моего нового знакомого — неторопливо рассказывает окаяющим говорком:

— Туристы, даже вузовцы-биологи, считают, что зверь «кусается». Лично я знаю лишь один достоверный случай нападения зверя на человека: это учинил медведь, зашедший из охотничьего района и раненный там. Напротив, очень часты случаи, когда животные не пугаются людей и даже ищут у них защиты. Прошлой зимой к костру, зажженному остановившимся на почлег научным работником заповедника, подбежала лань. Она дрожала и еле держалась на ногах. За ней показался волк. Снег в эту зиму был очень глубокий, и лань, которую гнал волк, проваливалась в него почти по брюхо. Волк бежал рядом со следом лани: подмерзшая корка его выдерживала. Увидев костер и человека, он метнулся в сторону.

Интересно наблюдать, как ведут себя дикие животные в лесу и горах, где человек бывает редко.

Когда медведь разгребает муравейник, он совершенно не обращает внимания на окружающее. Он никого не боится, поэтому у него и чутье некоторым образом ослабевает. Олени, козы, серны, те всегда на чеку, потому что на них охотятся волки и рыси.

Даховская—Гузериэль, 17 июля

Выехали в Гузериэль с подводой. На ней устроилась и чета геоморфологов. Начальник охраны сопровождает нас верхом. Так как идет дождь, он накинул на плечи косматую бурку и стал похож на черкеса.

По пути встречается много речных террас, и геоморфологи слезают с подводки, бесстрашно бредут по глубоким лужам и грязи, производят измерения и заносят их в блокноты.

С гор ползет тяжелый серый туман. Небо заволокли низко нависшие тучи. Берег Белой, по которому мы едем, очень крут. Река с шумом несется через пороги, роет берега, кипит и бьет водопадами в каменных теснинах.

Проложенная в скалах дорога сначала идет через сплошную лес диких груш и кислиц, затем появляются дубы, смешанные с буками и пихтой. Чем выше в горы, тем больше бука, пихты, осины и граба.

За первым кордоном заповедника — Лагерная — открывается дикой красоты вид. На добрую сотню метров берег обрывается отвесной стеной. Внизу, на широкой террасе стоит лес мертвых пихт. Снова обрывается берег, и, сжатая с двух сторон скалами, бешено бурлит Белая. Это место называется Веселое. Вероятно, оно названо так потому, что впереди радостно и вольно разворачивается панорама темнохвойных пихтовых и светозеленых лиственных лесов, синие-бирюзовых гор и блистающих снегами вершин. Белая несет в своих стремнинах бревна-кряжи. К воде ведут лотки для спуска кряжей, и с берега на берег перекинуты на стальных канатах зыбкие владки.

Мы приехали в Гузериэль под вечер. Меня поместили в небольшом домике на берегу. Налитая паводком Белая мчит в мутных водах бревна, камни, коряги. Гул передвигаемых стремительным течением камней не умолкает ни на минуту.

Гузериэль, 18 июля

Управление заповедника находится на правом берегу Белой. Несколько деревянных домов вразброс запряталось среди буков и пихт над самой водой.

Шум Белой слышен здесь и днем и ночью; он подобен прибою моря. Справа, между горами, раскинулась болотистая поляна Гузериэль, поросшая луговыми травами. Когда-то здесь паслись стада оленей и зубров. По ту сторону Белой — рабочий городок леспромхоза. Через реку перекинут высячий мост.

Вокруг высятся покрытые хвойными лесами горы.

На открытом склоне, перед усадьбой заповедника стоит тысячелетний долмен — сооружение из громадных плит песчаника; четыре стены и крыша. Половина верхней плиты отбита и сброшена на землю. Видна внутренность долмена. Кто-то проникал туда и разрывал могилу. В головной плите древяными стропилами искусно просверлено круглое, очень правильной формы, сквозное отверстие. Раньше оно было закрыто точно пригнанной каменной пробкой.

...Смеркается. Еще немного — и вот уже ночь: в горах она падает внезапно.

Я сижу в комнате для научных занятий. Передо мной подробная карта Кавказского заповедника. Парторг Деревялко знакомит меня с его «хозяйством». Оно не маленькое: три тысячи квадратных километров высоких гор, стремительных стремительных рек, густых, опутанных лаванами лесов, изумрудно-зеленых и радужно пестрых альпийских лугов. Территория заповедника — это западная часть главного Кавказского хребта: от долины Гузерипль на севере до Красной поляны и Хостинской рощи на юге; от станции Псебай на востоке до Бабук-Аула на западе.

Территория заповедника расположена вдоль северных и южных склонов западной части главного Кавказского хребта в верхнем течении рек Большой и Малой Лабз, Шахе (Головинки) и Мзымты.

Заповедник создан советским правительством в 1924 году для сохранения, восстановления и обогащения замечательной природы этого района.

Горы и леса его богаты ценнейшими видами растений и животных. Тут сохранились представители третичной флоры — тис и самшит, и живут и множатся на свободе под охраной человека уже почти повсюду истребленные олени, туры, серны...

Кавказский заповедник — одно из самых влажных мест нашей страны. Количество осадков здесь весьма значительно. Чрезвычайная влажность и особенности рельефа вызывают бурные паводки и оползни. Передко можно наблюдать так называемый «пьяный лес»: наклонившиеся во все стороны, как бы пьяные, деревья — последствия оползания почвы. Зимой снежные лавины, скатываясь, уничтожают целые участки леса, а остающиеся на корню деревья постепенно под тяжестью снегов прогибаются, принимают искривленный, саблеобразный вид. На местах смылов почвы и сползания лавин растут лиственные деревья, чаще всего бук, береза, осина, ма-торсские и искривленные.

Реки здесь прорывают русла поперек хребтов. Продольные реки немногочисленны. Подпочвенных вод очень мало. Озера и болота образуются в результате стока вод с гор в низины.

Интересны «исчезающие» озера в выветренном известняке и высокогорные озера ледникового происхождения. Многие горы заповедника покрыты вечными снегами и льдами. Ледников насчитывается свыше сорока.

Погода в районе заповедника очень капризна. Поразительна частота смены дождей, туманов и ясной погоды на протяжении одного дня. Среди лета нередко выпадает снег и на длительное время делает перевалы недоступными.

Любопытное зрелище представляют горы поздней осенью и в начале весны. Осенью снега наступают сверху вниз, и темное пятно на склонах гор уменьшается со дня на день. Весной, наоборот, идет отступление снега к вершинам, и стремительно растет темное пятно.

Процесс горообразования Кавказского хребта до сих пор еще не окончился. Он характеризуется частой смесью — миллионами лет назад — морей и новых поднятий, непрерывными скачками и сдвигами, перемещением и тасованием пластов. Наиболее интересны и типичны для района заповедника геологические формации: каменноугольная, триас, полная свита которой представлена Большим Тхачем, и юра. Горные массивы Северо-Кавказского главного хребта сложены преимущественно из известняков и сланцев, но есть и глубинные породы.

В широко распахнутые окна и дверь вливаются влажные запахи ночи, летят на свет бабочки и жуки. Они кружатся над лампой, бьются под потолком, садятся на листы рукописей и диаграмм. Где-то в лесу хохочет неясно.

*Гузерипль — Горелое,
19 июля*

Решил пройти на Горелое. Со мной отправился научный работник — климатолог и студенты, попутчики из Даховской. Оба идут по маршруту: Гузерипль — Бабук-Аул, будут изучать ледники Фипта. Они все время измеряют и описывают встречные террасы, отбивают геологическими молотками образцы породы.

Но дороге на прииски через Белую построен постоянный мост. В этом мосте река сжата сланцевыми стенами. Сланцы поросли яркозелеными мхами, серо-голубыми и розовыми лишайниками. С отвесных стен сквозь трещины слоистой породы миллионами капель просачивается вода.

Неподалеку в Белую впадает река Гузерипль, и немного дальше видно устье реки Тепляка. Притоки эти скатываются, гремя, по наклонному узкому ущелью и падают в Белую пенными, бурными каскадами.

Узкая тропа бьется в высоких травах и папоротниках, в путанах колючих зарослей ожинника, малины и вечнозеленых рододендрона и лавровишней. У рододендрона и лавровишней листья толстые, кожистые, продолговато-овальные. Они коричнево-зеленого цвета и блестят, как лакированные.

В конце мая или начале июня понтийский рододендрон покрывается красно-фиолетовыми цветами, большими, красивыми, но лишеными запаха. Там, где рододендрон заглушил остальную растительность, почти невозможно пробраться: настолько густы его заросли. Недаром они служат любимым убежищем для диких свиней.



Васюк над травой вздымаются старые буки и пихты. Они перебиты кавказской лианой, плющом и лимонником. Со стволов и кроны свисают зелено-желтые лучки омелы и седые кисти козлячьего лишайника — уснен. Лес загромажен ветроломом. Мшистые стволы упавших буков и пихт похожи на сраженных в бою гигантов, лежащих с раскинутыми корнями-руками. Слышен однозвучный и гулкий стук дятла. Тут дятлам раздолье: в гнилой мякоти мертвых деревьев гнездятся миллионы жуков и жирных личинок.

Климатолог показал мне странное растение — орхидею-гнездовку. Она лишена хлорофилла. Хлорофилл ей не нужен. Она — сапротиф и питается продуктами разложения органических веществ. Мертвенно-белые корни ее, как клубок черной.

Чем ближе к приску, тем чаще в зелени трава видны темные отверстия старых разведочных шурфов — вырытых в земле колодцев четырехугольной формы, глубиной в несколько метров. Деревянные поперечные и продольные крепления вдоль стен уже успели покрыться плесенью и мхом. Некоторые из шурфов до половины залиты зеленоватой водой.

Золотой присек утонул в дремучей лесной глуши. Это небольшая поселка: пять дощатых построек и прочный бревенчатый дом, в котором помещаются присековая лавка и красный уголок. На присеке работают старатели — «золотничники». В красном уголке мы застали человека пить. Старатели читали газеты и журналы, играли на билларде.

У самого присека, на берегу Белой находится карьер. Разрез пластов карьера свидетельствует о частом перемещении русла реки: сверху лежит песчаная почва, под ней толстый слой гальки и под галькой «погребенная» почва.

Недалеко от карьера два золотничника моют золото с помощью простого приспособления. В реку против течения наклонно опущена металлическая труба, и в нее ударяет сильная струя воды. Один из присекателей равномерно движет поршень, вставленный в трубу. К концу поршня приделан кусок кожи, обращенный вогнутой стороной вверх и похожий на маленький парашют. Поданная в трубу вода увлекает гальку и песок из верхнего деревянного ящика в расположенный ниже ящик с «ситом». Золотоносный песок уносится водой сквозь отверстия сита в третий, самый нижний ящик. Тут золото задерживается поперечными планками и оседает, а более легкая порода вымывается напором струи.

Старатели показывают нам консервную банку с намытым с утра песком: в воде, на дне жестянки тускло мерцают тяжелые чешуйки золота.

Бродя рано утром в лесу неподалеку от Гузериэля, я встретил наблюдателя Алексея Григорьевича Лабинского, жителя станицы Темнолесской. Станица эта населена потомками польских повстанцев, которых царское правительство сослало на Кавказ и насильно зачисляло в солдаты и казаки. Фамилии старожилов Темнолесской почти сплошь польские: Поптели, Вербицкие, Кришневские, Вольвичи, Домбровские...

Лабинский рассказывает мне о своих охотничьих приключениях:

— Засел я на ночь в кукурузе с ружьем. Караулю. Слышу — словно ветка хрустнула. Гляжу: медведь кукурузу ломает. Почувствовал мой дух — как грохнется со скалы, — больше ему некуда было податься, — только загудело. Я засел там и на другую ночь. На этот раз место выбрал немного поодаль, чтобы был виден весь огород. Ночь темная. Смотрю: идет медведь, как колна, поднимет голову (против неба мне заметно), поведет носом и дальше по тропе — прямо на меня. Шумит: шу-шу. А мне и повернуться нельзя — я боком к нему сижу. Он поравнялся со мной, опять голову подвинул, покрутил носом. Я затаил дыхание. Медведь прошел мимо. Я тогда навел на него двустволку — мушки не видно, так я по стволам метил. Прицелился, а сам думаю: «Надо лучше навести». Навел еще раз и ударил из одного ствола. Медведь только зашумел: опять шу-шу. Я же думаю: «Должно быть, затаился». Когда медведь не знает, откуда опасность, он затаивается.

Жду. Взошла луна. Гляжу — лежит. Я сияя виджак — да в него. Не долетел. Лежит медведь поперек стволу. У меня осталась одна пуля в другом стволе. Я все-таки встал, подошел к медведю. Вдруг показалось, что шерсть на загривке вздыбилась и медведь поднимается. Я в него в упор из другого ствола. Пуля попала в плечо, пробила шею, голову и в ухо вышла (это, конечно, я увидел потом, когда свежал медведя). Дым по шкуре пошел. Я наклонился, поглядел медведю в морду: опять кажется, что живой, — будто искоса смотрит. Только пригляделся, а у него и духу нет. Кровь на носу давно застыла. Он готов был еще с первого выстрела. Давай я его тащить с огорода (там земля мягкая) на камни, чтобы распластать. Тяну, тяну, а он ни с места — такой тяжелый. Закинул я медвежьи лапы к себе на плечи, переваливаю тушу со стороны на сторону, еле перекатил на камни. Снял шкуру, отнес домой.

Пришли домашние, срезали жир, мясо. Взвесили: девять пудов оказалось. Когда потрошили медведя, в брюхе у него было полно чинарников — буковых орехов. Я прежде думал,

что это громом поблизости в лесу на буках ветки пообломало, а теперь понял: это он ломал толстые, и руку, ветки. Обломает и давай есть буковые орехи. Как убил его, больше не видел новых сломанных веток.

Особенно люблю охотиться за кунницей желтодушкой. Охота за кунницей ведется так: один охотник стоит, топориком по стволу постукивает (кунница в дупле сидит), а другой караулит с ружьем на изготовку. Ружье дробью заряжено, третьим номером. Первый все выше и выше постукивает, подражает собачьему лаю — пугает кунницу. Вот она выскакивает, тут ее и стреляют. Если промахнешься, начнет она, как птичка, с ветки на ветку перелетать, тогда уж держись — набегашься. А как угадаешь ладно, хоть одной дробинкой, она и готова.

Прислушиваясь к птичьему гомону, он объяснял мне голоса пернатых:

— Вот слышите: «ки-ки-ки» — это маленький красный дятел кричит. Черный большой дятел кричит иначе. По его голосу я погоду узнаю. На хорошую погоду он туркает: уставится носом в сухое дерево и быстро-быстро затрещит: «тр-р-р». На непогоду он кричит: «ти-и-и, ти-и-и». Сойка шипит: «ки-и». Она разное кричит, даже как наседка хвочет.



Сегодня разнепогодилось. С утра низко нависли облака, гремит гром, и с редкими перерывами льет обильный дождь. К полудню небо прояснилось. Но опять напоздали тучи, и еще пуще зачастили холодные дождевые капли.

В моей комнате сидит старший наблюдатель cordona Лагертия Григорий Иванович Бессонный, и рассказывает о том, как он попал на Кавказ.

— Отец мой — печник и занимался столярной частью. Жил я в Харьковской губернии, на Кавказ меня привезли семилетним мальчишкой.

Первым долгом мы приехали в Сочи. Отец поступил сторожем к помещику Губову. Сочи в то время были маленьким селом — домов сорок. Там прожили мы года два, потом переселились в аул, в пятидесяти километрах вверх по реке Головинке. Это место тогда только населлось, и мы пришли первыми. У нас был верблюд, на нем мы перевозили свое

изумство. Пробраться в горы было очень трудно: приходилось раз тридцать переезжать через Головинку гудя-сюда.

На новом месте мы построили маленькую хатенку. Питались грушами, яблоками, орехами и каштанами, так как хлеба почти нельзя было купить. Если доставали кое-когда малость муки, собирали черешни, примешивали в тесто и пеки хлеб.

В окрестностях было очень много зверей. Они не давали нам покоя. Вокруг хаты росли фруктовые деревья. Медведи залезали на них каждую ночь и ломали ветки. Пойдешь часов в семь-восемь утра за водой, смотришь: медведь сидит на дереве. Мы очень боялись. Отец мой не был охотником.

Раз вышел такой случай. Мать испекла хлеб с черешней и положила его на лавку возле окна, чтобы он остыл. Дело было вечером, в сумерки. Окна нашей хатенки без стекол, даже рам не было, мы занавешивали разным тряпьем.

Не успела мать отойти от лавки, вдруг видим: кто-то отводит мешок от окна, появляется темная фигура и берет буханку хлеба. Мать подняла тревогу. Мы тоже закричали. Медведь, — это был он, — уронил буханку, зафыркал и исчез.

— Смотришь: на этом берегу пасутся кони, а на том — олени и козы. Здесь зверя было много, — говорит Бессонный, указывая на поляну.

Мы с отцом ездил сюда на покое. Бывало, когда холодно, передомаешь несколько кос в день: сюда олени ходили сбрасывать рога. Чтобы очистить поляну, мы в один день вывезли четыре воза оленьих рогов.

Гузериэль, 23 июля

По горам ползет дымный туман. Голубые просветы в облаках почти исчезли: будет дождь.

В восемь часов утра мы выехали верхом вдвоем со старшим наблюдателем Григорием Ивановичем Бессонным. Наш маршрут — пастбище Абаго и гора Тыбга.

Едем берегом реки Малчепы к гребню хребта. Сланцевые берега Малчепы обрывисты. Течение быстрой реки сжато каменными теснинами. На многочисленных порогах вода пенится каскадами, подкапывается под гигантские камни, прыгает через них. В воздух летят радужные брызги.

Подъем все круче. Курчавую зелень дубов сменяет высокий и строгий буковый лес. По сторонам тропы стоят серебристые колонны вековых буков, по-адепшему — чинарей. Среди буков попадаются отдельные пихты и грабы. Еще выше, за поясом бука, синеют пихты.

Деревья перевиты лианами. Стволы покрыты изумрудно-зелеными пятнами мха. На ветвях и сучьях повисли седые клоки бородатого лишайника. Кроны многих деревьев сплошь спутаны его косматой гривой.

У подножья старых буков рассыпана треугольная колючая скорлупа разгрызенных полчками чинариков — буковых орехов; сотни зверьков трудились здесь ночью. Полчок — ночное животное. Днем он спит, и недаром его называют сонливой белкой, соней. Невидимые в темноте полчки бесшумно пробегают по стволам и ветвям деревьев. Только высоко в кронах слышится их неумолчное «цоканье» и, шурша, падает на землю пустая скорлупа чинариков. Утром полчки забираются в дупла и выходят оттуда лишь после заката солнца. Поэтому ловят их просто. Делают закрытый со всех сторон ящик, оставляя небольшое круглое отверстие в одной из боковых стенок. В ящик насыпают древесной трухи и к ночи ставят его под деревом. Наутро в ловашке находят двух-трех серых зверьков; они крепко спят, спрятав носы в пушистые хвосты.

Повсюду вдоль тропы встречаются горы кустарниковой полянки. В траве шныряют ящерицы. Змей не видно. Ниже, в долинах рек Малчепы и Белой, водятся ужи, медянки и небольшие полозы; выше, на субальпийских и альпийских дугах, — красная гадюка Казнакова, красивая и очень ядовитая змея. В поясе вечных снегов она выплзает на сугробы и часами греется на солнце.

...Над нами синева вымытого дождем неба. Голубовато-золотые косые столбы солнечного света прорезают лесной полумрак. Местами яркие лучи окрашивают листву деревьев и траву в теплый желтый цвет. Будто обрызганные росой, блестя продолговатые листья рододендронов и лавровишни. Широко развернули свои веера папоротники.

Мы поднялись высоко. Впереди, на вершинах еще далекой Тыбги, белеют снега. Справа и слева от нас, в голубом тумане, сбегают с гор леса.

Из травы вылетел с негромким кваханьем черный казакский дрозд. По-зменному вытягивая шею, с ближайшей пихты воровато и зло смотрит на нас сойка. Резкий звук ее голоса похож на шипенье кошки. В лесу не умолкают свист и щебетанье птичьей мелюзги: малиновок, зябликов, горихвосток, синиц.

Начался пихтовый лес с островами бука и граба. Все чаще попадаетея крупнолистый горный клен — явор. На высоте двух тысяч метров стоит старый одинокий тис с густой, низко нависнутой кроной. Короткая хвоя тиса иссиня-черна, в он возвышается среди светлой зелени буков и грабов, как черная пирамида.



Между зеленеющими деревьями лежат поваленные бурей и старостью их соседи и предки. Они покрыты разноцветной чешуей лишайника и мха. Одни из мертвых стволов переплели свои сучья с ветвями живых деревьев и как будто падают и не могут упасть. Другие, сломанные до половины, все еще поднимают над землей оголенные от коры могучие пни. Вокруг торчащих обломков растут молодые побеги. Многие из упавших стволов уже сгнили, но остались вывороченные их корнями холмы земли и сланца. Трава всюду примята оленями и медведями. У самой тропы чернеет полулунием свежевскопанная земля. Это рылся

дикий кабан. Рядом четкий отгусь небольших и острых кабаньих копыт.

Мы выехали из пихтарников. На опушке их белым частоколом рассыпался березняк. За ним расстилается необозримая, полная свежести и света поляна — субальпийские луга пастбища Абаго. Здесь верная граница леса.

Слева от нас вздымается гряда черно-коричневых высоких гор — Абаго, Атамажи, Джемарук, Тыбга. На их вершинах, в каменных складках лежат вечные снега и льды. По хребтам медленно катятся клубы тяжелых сизо-синих облаков. Синева заволакивает горы.

...В три часа послышались раскаты грома. Пошел дождь. Сплошная пелена туч затянула горизонт. Пережидаем непогоду в туристском домике. Вскоре дождь перестал. С гор поплыл серый туман. Все окутано им, как ватой. Снова раскаты грома и проливной дождь. Через час дождь прекратился совсем, тучи рассеялись. Лишь кое-где на склонах, зацепившись за верхушки старых пихт, курятся клубы тумана. В ущельях слоистой дымной грудой залегли «солнцез» облака.

Продолжаем путь. Отсюда ясно видны снежные пятна на горах. Вершина Тыбги иссечена глубокими поперечными трещинами и белыми полосами снегов. Из-под огромной снеговой глыбы почти отвесно тянется к подножью хребта тонкая, извилистая нить: это река Малчепя, берущая начало в снегах Тыбги.

Показалось яркое предзакатное солнце. Субальпийский луг весь осыпан цветами. В зелени травы, среди поросших осокой кочек расплескались голубые озёрки.

Внизу, в долинах и ущельях, далеко под нашими ногами, отдыхает громада белых облаков. Налево, в синей дымке влажного воздуха, в зеленых, голубых и розовых бликах вы-

свела дна утеса-близнеца: Ачешбок — Чортовы Ворота, и виднеются дальние луга Пшекиша.

Насыщенный медвячайшими каплями влаги воздух создает необычайные сочетания цветов и оттенков. Синие и черные тени уступаются визгу, ложатся на подножья гор. Вершины тонут в дыме вечернего света, в фиолетовой и розово-лиловом тумане. В узком ущелье у истоков реки Малчепя снега в тропных полосах. Это пролившийся дождь испит над свега и до краев наливает паводком тесное русло реки.

Встают пихты на грани лугов. Солнце скатилось за горы. Последние лучи окрашивают в алый цвет гряду беловатых облаков над далеким хребтом.

Алые отблески тускнеют. Серо-синие тени все гуще. Скоро ночь.

В меркнувшей синеве неба возвышается перед нами черной конусе горы Экспедиция. Острую вершину ее будто облитое расплавленным серебром. Выходит луна. Светлый шар висит над затихающими лесами. Вспыхнула яркая первая звезда. В покоем на юрту кочевника пастушьем шалаше горит костер. От костра тянет горьковатым смолистым запахом. Серой тенью медькнула над пихтами летучая мышь. Как капли росы, сверкают в траве отяжелевшие после дождя цветочки.

Ходил я еще парнем по той стороне Пшекиша, в устьях реки Киши, — рассказывает у костра Григорий Иванович Бессонный. — Слышу, ревет кто-то, как ишак: «и-о», а что за зверь — не знаю. Чаще всего зверь ревел в одном месте, в скалах над Кишой. Раз вечером, часов в семь, я туда пошел. Поднялся высоко в скалы, вижу: тропа в камнях пробита, крутая, узкая. Я по ступенькам забрался вверх, смотрю: пещера, а в ней полно костей разного зверя. У меня даже волосы дыбом встали: барс трудился!

Молодой я был, испугался, а место было беззащитное. И быстро спустился вниз. Думаю, больше зверь не придет в пещеру: мой дух почует. Охотюсь я на другой день на той стороне Киши. Слышу в тех скалах, где я был: «и-о! и-о!» Барс опять там. Тогда я понял свое счастье: он уходил на охоту, когда я пробрался в его логово.

В другой раз я встретил барса на горе Ногой-Кошки. Он лез на скалы. Я стрелял в него — не попал. После того на северном склоне Пшекиша егеря Кубанской охоты Ермоленко ранил барса. Барс прошел по склону километров пять, там егеря и добил его на отроге Пшекиша. В заповеднике и теперь есть барсы. Шесть лет тому назад барс заел на горе Джемарук двух медведей. Сейчас барс живет на Чугуше. Его следы нашел и зарисовал зоолог Насимович у подножья Чугуша, в ущелье реки Березовой. Барс спускался туда ночью.

Отрог, где сперь барса убил, так и называется — Пантерный бугор. Здесь много безыменных гор. Я сам назвал два хребта: Черкесский и Армянский. Когда не было заповедника, в эти места выезжали черкесы и армяне с семьями и стадами на все лето. Жили они там хуторами, балаганов до сорока.

Григорию Ивановичу под пятьдесят. Уже одиннадцать лет он бесменно работает наблюдателем в заповеднике.

Загорелое, бритое лицо Бессонного словно высечено из камня. У него острые, с постоянным прищуром глаза охотника. В глазах и тонких, сжатых губах — решительность и ум и временами — сурово-сдержанная улыбка. Говорит Бессонный скупо и точно. Несмотря на возраст, он по-молодому гибок, и походка его легка. Он идет неторопливо, осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Этим неторопливым шагом он нсходил хребты и леса заповедника.

*Пастбище Абаго-Тыбга,
24 июля*

Выехали рано утром. Прохладно. Ясная голубизна неба почти безоблачна. Едем опять субальпийским лугом пастбища Абаго. На влажной почве отпечатки оленьих копыт. Широкими полосами смятой травы легли медвежьи тропы. У подножья горы Экспедиции, на берегу замшелого озерка, заложен искусственный солонец. Земля вокруг него изъедена и втоптана оленями. Следов десятки, и все свежие. Добывая соль, олени выгрызли две глубокие ямы.

То спускаясь по косогору, то поднимаясь, едем вдоль реки Безымянной. Прозрачная ледяная вода стремительно мчится с крутизнами, вскипая на камнях тысячами каскадов. Кажется, что река прыгает по ступенькам. С правой стороны реки, на верхней границе леса, видны лежки оленей — овалы, темные пятна среди яркой зелени окружающей травы. Насчитали шестнадцать лежек.

— Зубр любил места в низинах поляны, где не было скал, — говорит Григорий Иванович. — Много его было по рекам Безымянной и Малчеле. Вот это место — ущелье в поляне под горой Абаго — называлось Зубровое царство. Только здесь и на реке Холодной ждало свыше пятисот голов. Была еще Сенная поляна: там зубрам заготавливали сено.

Увидев человека, зубр долго к нему присматривался и, если соображал, что это человек, или чуял человеческий дух, стремительно бежал, ломая кусты и деревья.

Зубра я сам в царское время стрелял. Были зверя пудов до сорока и больше. Величиной с двух быков. Грудь у зубра

очень широкая, а бока узкие. Шея поросла густой длинной гривой. Зимой зубры почти черные, осенью — черно-коричневые, а летом — больше коричневые. Когда зубр неожиданно на тебя наткнется и, проходя мимо, посмотрит своим свирепым взглядом, страшно становится так, что волосы шапку поднимают. И рев у него свирепый. Очень был большой и грозный с виду зверь, а на самом деле безобидный. В 1928 году пригласили сюда на розыски зубров профессора Филатова — он еще в Кубанской охоте служил. Мы с ним объездили весь заповедник, все зубровые места, но зубров не нашли. Встречались следы больших оленей, и Филатов не раз призывал их за следы зубренка: «Это зубр», говорит. Но я ему объяснял, что след у зубра совсем другой: круглый, двадцать пять на двадцать пять сантиметров, и без заноса на краях, как у оленей. Кости зубра и черепа мы еще недавно находили.

Слева от нас раскинулось зеленое плоскогорье Пшекиша и Бамбака. Справа тяжелой черво-синей грядой, пересеченной во всех направлениях белыми полосами вечных снегов, встали гребнистые хребты. Это горы Абаго, Атамажи, Тыбга и Двонярук. Как двойная чаша, темнеют друг за другом налитые густой синью верхний и нижний цирки ледников Джемарука, откуда вытекает река Холодная. Ледники окружены остробрами яснещренного поперечными полосами снега. Там, в «холодах», в дневные часы лежат туры. По крутым бокам гор, повсюду бегут из-под снегов тонкие серебряные нити рек и ручьев. В темных ущельях-руслах, падающих почти отвесно, слышен неумолкающий шум воды.

На самой вершине хребта растут карликовые березы; они покривлены и словно ползут по земле. Вокруг яркозеленые, как мхи, кусты можжевельника, телесно-белые цветы альпийского рододендрона. В горах все еще весна!

Спускаемся на противоположный склон, к опушке высоких пик, где стоит зимний балаган — постройка из драги и горбылей. Здесь мы должны встретиться с зоологом Насимовичем. Балаган уже населен, на нарах лежат бурки, спальные мешки и разные припасы. В балагане остановились двое, их седьмое нет.

Поднимаясь на Тыбгу, мы увидели на склоне первого тура. Он гриз солонок.

Со стороны балагана раздался оклик: нас звал Насимович. Тур поднял рогатую голову. Затем легкими скачками, останавливаясь временами и приглядываясь, стал уходить ввысь, в скалы. Дважды он, как изваяние, застыл на голых отвесных утесах и пристально смотрел вниз, на балаган. Потом, успокоившись, повернул обратно, приостанавливаясь и срывая траву.

Мы двинулись к вершине хребта. Начались альпийские дуга. Низкая трава заткана то голубыми цветами необычайно яркой окраски, то не менее яркими — золотисто-желтыми. Местами цветочный ковер изумляет радужным смешением красок и оттенков — синих, голубых, желтых, розовых, изумрудно-зеленых. Венчики цветов — огромные, на короткой ножке.

В камнях выбиты турами ступенчатые тропки. То там, то здесь земля изгрызена — это естественные солонцы туров.

Из-за скал впереди нас показалось стадо туров — семь величественных козлов. Стоявший на страже на одиноком уступе борогатый, большерогий тур свистнул, и все стадо, приостановившись на несколько мгновений, перевалило на другую сторону хребта.

В зарослях рододендронов, метрах в двухстах от нас, мы увидели пасущуюся серну. Она спокойно двигалась по склону хребта. Вдруг, очевидно, заметив нас, серна замерла. Ее светлорыжевато-коричневое тело сделалось неразличимым среди цветущих рододендронов. Только после нескольких бесплодных попыток мне удалось поймать серну в фокус бинокля. Чтобы лучше ее рассмотреть, мы, скрываясь за грядками камней, подошли к ней и поднялись на скалу. Серна издала резкое шипенье — знак тревоги — и быстрыми скачками стала уходить в горы. Теперь ясно были видны коричнево-рыжие бока серны, ее черноватые стройные ноги и маленькие рожки.

Мы вышли из-за скал прямо на стадо туров в восемь голов. Наше внезапное появление вызвало у них удивление и замешательство. Два-три тура бросились было назад. Но тотчас же все стадо остановилось, с любопытством глядя на нас. Затем туры, не торопясь, повернули и один за другим скрылись за хребтом.

Мы вошли в полосу вечного снега: он лежит в теневых местах большими сугробами, припорошен космической пылью и истоптан копытами туров. На каменную осыпь поднялся тур. В течение нескольких минут он смотрел на нас и в разное промежутки времени издавал предостерегающий свист, но не уходил.

Снова перевалили за правый склон хребта, мы увидели девять туров и немножко выше столько же туров.

Солнце склонилось к закату. В лицо нам подул прохладный ветер. Мы приближались к высшей точке Тыбги.

Неожиданно на скалистом отроге показалось стадо туров в двадцать шесть голов. Мы шли, не прячась, и туры увидели нас сразу. Внимательно глядя на нас, стадо направилось к снежным вершинам, вытянувшись цепочкой по узкому карнизу. Впереди — два борогатых тура. Они легко несут свои сильные песочно-серые тела. Следом идут две или три тури-

ны, за ними — могучий старый козел с огромными саблевыми рогами, и пять турицы, которых легко узнать по более темному, почти коричневому цвету шерсти и коротким рогам. Караван замыкают четыре турицы с козлятами.

Одна из них еще не вылиняла, и белый, зимний, подшерсток на ее спине резко отличается от коричневой окраски остального тела. Эта турица безрогая и кажется очень старой, но за ней идет козленок. С величавой медлительностью стадо спустилось за хребет. На отвесном выступе скалы остался только один тур, старик с саблевыми рогами, стоявший в середине стада. Невольно стоял он на уступе и смотрел на нас. Так прошло десять-пятнадцать минут. Но вот и этот тур исчез за гребнем, будто растаял.

В балагане нас встретил зоолог Андрей Александрович Насимович и студент-практикант. У Насимовича ослепительно темные глаза под темными, почти сросшимися бровями. Глаза на его хрупкую с виду фигуру в лыжном костюме и на его росту больших горных ботинок, не верится, чтобы он мог добраться сюда с тяжелым альпийским рюкзаком за плечами. А ведь о его высокогорных походах с уважением и завистью рассказывают самые бывалые наблюдатели заповедника. Беседуем у костра, разложенного внутри балагана. Андрей Александрович говорит:

Условия работы научных сотрудников заповедника своеобразны и пеленки. Зимой идешь на лыжах по глубокому снегу, несешь с собой около двадцати пяти килограммов продуктов. А какие здесь снега, показывает хотя бы роспись, оставленная на пняте коллектором на высоте в три человеческих роста. Мой коллектор Никифоров однажды «ездил» на туре. Тур попал в глубокий снег, здына была лишь рогатая голова. Коллектор сел на тура, а я сфотографировал ведника на его необычном коне.

Андрей Александрович Насимович — молодой советский ученый биолог. Он все свое время отдает наблюдениям за копытными животными заповедника, изучает их взаимоотношения с естественной средой.

Продолжая работу известных исследователей фауны Кавказа — Сперцева, Динника, Сатунина, он внес много нового в экологию животных Западного Кавказа, особенно оленя и высокогорных копытных — тура и серны.

Среди его многочисленных исследований выделяется работа о минеральном питании (солонцевании) диких копытных животных. А. А. Насимович дал научное решение вопроса о питании диких копытных искусственными минеральными кормами.

На территории заповедника находится много солонцов, которые посещаются дикими животными. Из числа известных



солонцов свыше ста семидесяти, или восьмидесяти пяти процентов, — водные солонцы, одни содержащие кальций, другие — магний; есть также серные, назные, углекисло-щелочные, соляные, железистые солонцы.

На солонцы ходят олени, серны, косули, туры, медведи, кабаны, рыси, куницы и заяц-русак. Охотно солонцевался и зубр. Не раз приходилось наблюдать, как солонцовую воду пьют птицы — витютень, зяблик, черный дрозд, большая синица и гавчик.

Посещения солонцов животными согласовано с потребностью их в минеральных кормах в различные сезоны года.

Большинство копытных охотнее всего ходит на солонцы весной, когда меняются корма, животные линяют и сбрасывают рога, а у самок идет созревание плода.

Тыбета, 25 июля

Из-за горных вершин выкатилось огромное пылающее солнце. Стало совсем светло. В траве тают последние клочки ночного тумана. Крупными каплями сверкает на листьях утренняя роса.

Прилетела сойка. Воробьята птица села на молодой горный клен в пяти шагах от балагана. Попрыгала на месте, сорвала несколько листочков, поточила клюв о дерево, нахлебавшись, деловито почистила перья. Ее очень красят два черных пятна по бокам хвостной головы и зелено-радужные перья на верхней части сложенных крыльев.

Закончив туалет, сойка с любопытством возаралась на меня и резко крикнула: «ки-ш», будто прогоняя непрошеного гостя.

Похоже было на то, что мое неподвижение рассердило ее. Перепрыгивая бочком с ветки на ветку, она придвинулась ближе, искоса посмотрела на меня и еще раз издала тот же пронзительный крик, перенеслась на соседнее дерево, с него на другое и скрылась в лесу. Сойка летает быстро, но слишком шумливо и прерывисто, присаживаясь на несколько секунд на каждое встречное дерево или куст.

Полдень. Отдыхая, мы сидели вместе с Бессонным в балагане. Вдруг Бессонный предостерегающе прошептал: «Змея!» и показал на щель в стене, у самого входа. Я осторожно выглянул в дверь. Из-под драпи, покрывающей балаган, на освещенную солнцем площадку у дверей выползла великокопной красно-черной окраски гадюка. Мигкими извивами, похожая на пеструю шелковую ленту, она двигалась к порогу. Видно

было, как мелко дрожат ее раздвоенный черный язычок. Издавая чуть слышимый свист, она уверенно вползла в балаган. Было ясно, что этот путь ей хорошо знаком. Тут Бессонный ударом палки разможил голову этому прекрасному, длиной в три четверти метра, экземпляру гадюки Казнакова. Но еще долго после этого тело убитой гадюки продолжало судорожно извиваться.

Я вскрыл гадюку: ее желудок и кишки были полны непереверенными остатками множества зеленых кузнечиков.

Бранясь и отплевываясь, Бессонный тщательно выскреб и выбросил далеко за порог землю, на которой лежала мертвая змея. До появления этой гадюки он решительно заявлял мне, что за пятьдесят лет своей жизни не видел гадюк в балаганах и не слышал о таких случаях и что вообще гадюк в балаганах не бывает; они живут в специальных норах. Теперь же он, убежденный очевидностью, не только признал свою ошибку, но и грозит сечь балаган.

Снова отправились с Бессонным в горы. Небо ясное и чистое. Только над Джемаруком и Джугой, скрывая вершины, периодически стоят клубы облаков. Путь лежит по узким оленьим тропам. Ручьи, падая с отвесной крутизны, дробятся о камни миллионами сверкающих брызг. Пенятся водопады. Ложа ручьев поросла яркозелеными мхами и серо-голубыми лишайниками.

Кругом полумгла и влажная свежесть. Велюду олени следят. Месты солонцевания словно вслаханы. Вслутнули взрослую черного тетерева и двух его птенцов. На тропе видна их выделка — выбитая и взрыхленная крыльями круглая ямка в почве.

Вскоре встретил тура. Он разбивал копытами солонец и время от времени опускал голову в яму, грызя землю. Поодаль на скалистой скале стоял другой тур. Мощное песочно-серое тело тура, волнистая борода и серповидные, изогнувшиеся над ошейником рога четко выделялись на синеве неба. Мы прошли довольно близко, но тур даже не повернул головы. Его одинокий вылет долго был виден над скалами.

Спустившись ниже, мы совсем близко подошли к молодому туренку. Отбившись от стада, он растерянно кружил в ослях. Призывая мать свистом. Его тонкий жалобный свист был похож на плач ребенка.

На верхней границе леса, по яркой зелени поляны прощала, еривая на ходу траву, молодая ланка* и скрылась в чаще куст.

Опять мы увидели туров: козла, который несколько раз пробежал перед нами, издавая тревожный свист, и старую ту-

* Местное название самки оленя.

рицу с козленком. Он шел по следам матери, вверх по склону. Когда козленок отставал, мать останавливалась, и вновь они вместе продолжали подъем. Немного выше паслись, поднимаясь на гору, три турицы.

У самого гребня хребта, обратив к нам рогатые головы, в неподвижности застыли четыре бородастых тура.

Идем назад теми же узкими оленьими тропами, теперь уже спускаясь по крутизне склона. Усталые ноги скользят в сырой от росы траве; глаз в ступающемся сумраке с трудом находит выбитые оленьими ступеньки. Дует свежий ветер. Где-то далеко, под нами, скрытая нависшими пахтовыми лесами, шумит река Холодная. В двух местах в глубине ущелья лежат грязно-белые глыбы пераставшего снега. Вокруг них в беспорядке разбросаны вырванные с корнем деревья. Это следы снежного обвала. Лавины прикрыли русло реки, и вода течет под ними.

Западные склоны хребта, по ту сторону реки Холодной, еще освещены солнцем. Впереди, сквозь толстую дымку тумана, видны серо-голубые скалы Тхачей. Справа отвесные, ребристые стены Джемарука и Джуги в синих и черно-зеленых тонах и золотых полосах вечернего света. Над вершинами гор все так же неподвижно стоят облачные громады.

*Тыбга — пастбище Абаго — Гугрипль,
26 июля*

Решили с Бессониным идти пешком до пастбища Абаго; в дороге будем наблюдать оленей и медведей. Вышли из лагеря рано утром с рюкзаками за плечами.

На склоне горы в низкорослом березняке, шагах в тридцати от меня, пасся олень. На фоне зеленой поляны он был виден весь: рыжее с золотым отливом крупное тело, стройные тонкие ноги, ветвистые рога, с шестью отростками на каждом.

Сорвав мякини губами два-три листка, олень поднимал голову и, подрагивая ушами, чутко прислушивался. Тогда можно было различить биешие артерии на круто изогнутой шее, движение округлых мускулов под рыжим золотом шерсти, тревожное трепетанье поздрей, ловивших подозрительные запахи.

Олень медленно подвигался все ближе, ближе; слышался тихий шелест пригибаемых ветвей. Невадалеке от нас он опустился на траву в тени кривой березки. Он лег головой против ветра, выставив острое шерстистое ухо и непрестанно шевеля им. Рога оленя неподвижно застыли над кустом, похожие на огромные сухие сучья. Я вышел из укрытия, олень поднял голову, но продолжал лежать. Я тихо свистнул. Качну тяжелыми рогами, олень встал. Насторожив уши и раздувая

ноздрю, он смотрел на меня. И его больших глазах было удивление и любопытство. И еще раз свистнул; олень мгновенно повернулся и двумя легкими прыжками, отталкиваясь от земли задними ногами и подгибая передние, пронес свое стройное тело — будто передетел — через ближайшие кустарники. Он скрылся в лесу, раздвигая рогами и грубо переламывая ветвей. Несколько секунд был слышен удивляющийся треск валежника.

Мы поднялись уже на самый гребень хребта. Вскивая на кланых сотнями пенястых водопадов, сбегает вниз река Безымянная. Она течет из-под вечных снегов, нависших над нами. Чуть ниже снежных сугробов, у истоков реки, на крутизне мелкого березняка видно движущееся темное бурое пятно. Это медведь. Он медленно бредет в гору среди цветущих рододендронов и зарослей долуха-белокопытника.

На несколько минут медведь исчезает в кусте берез, потом снова появляется на открытом месте, продолжая свой путь к вершинам хребта. Временами останавливается, роется в земле и опять взбирается на гору. Вот он неуклюже поворачивается боком, и тогда видна опущенная лобастая голова с остро торчащими, обрубленными ушами, горбатый загривок, короткие мохнатые лапы. Медведь припадает к чему-то в траве, поднимает голову, поводя носом в воздухе, и, повернув в другую сторону, спускается к руслу ручья. Разбрызгивая воду, движется по ручью, приостанавливается, пьет и снова вылезает из ручья. Идет, недовольно помахивая головой, к березняку, в тень, и скрывается в гуще деревьев. Больше он не вылезает. Медведь отправился на лежку: из березняка он выйдет только вечером, когда спадет дневная жара и угостятся свирепые слепки.

Сделали небольшой привал на берегу Безымянной. Пью прямо из реки горстью; холодная чистая вода необычайно вкусна.

Григорий Иванович знакомит меня с повадками зверей:

— Рысь нападает на серн, оленей, но больше на серн. Она или крадется между камней, подползает, или на ветке растянется, ждет. Бросается на серну и разрывает ей когтями и зубами жила на шее. Я сам, когда еще не было здесь запо-



ведника, убил в горах рысь на серне. Я подкрадывался к стаду серн на самых снегах. Вдруг стадо бросилось за хребет, осталась только одна серна. Подхожу ближе, смотрю: она стоит на коленях, бьется, не может подняться, а на ней сидит рысь, рвет и грызет ей шею. Я выстрелил и убил рысь. Когда глянул на серну, у нее все жилы на загривке, как пожом разрезаны: пришлось пристрелить и ее.

Часто бывает, что рысь едет на олене и рвет мясо и жилы у него на шее до тех пор, пока он не упадет.

В октябре и ноябре часто слышен крик рыси: он похож на собачий визг, только грубее. Сейчас рысь поднялась высоко в горы, к снегам, следом за сернами.

Олени режут с двенадцатого сентября. Когда рогаки режут, они ничего не замечают, а ланки стоят в стороне и все прислушиваются и следят, чтобы зверь не подкрался. Приходится часто слышать рев оленей в ноябре и даже в декабре.

— Я так думаю, — объяснил Григорий Иванович, — что это тогда случается, когда олень болеет во время обычного рева. Выздоровев, он отправляется ревать.

Остатки остались на пастбище Абаго, у подножья зеленого конуса горы Экспедиции. На солонце у заболоченного озера еще больше свежих оленьих следов, еще глубже выгнана оленьими земля. Решили подкараулить оленей.

Игра красок, смена цветов и оттенков, света и тени здесь причудливы и невероятны. Только что голубое безоблачное небо, серо-серебряные стояли Тхачи и Ачешбок — Чертовы Ворота, белели снега и ледники на ближних коричневых хребтах, светлозеленым ковром стлались субальпийские дуга плоскогорий, а сейчас небо покрыто свинцово-сизыми кучевыми облаками, густою и ярко синью наполнил воздух, и все горы вокруг висят легкими синя-бирюзовыми пирамидами и кажутся сами сгустками синего воздуха. Гигантский веер золотистых и фиолетовых полос упал на синеву неба и гор. Край туч порозовели. Плавают алые паруса облаков. На западе в багрянец заходит солнце.

Косые лучи заката прорвались из-за туч. Бледнеют и гаснут алые и синие краски. Их сменяют бледные голубые и серые тона. Серо-голубая дымка заволакивает горы. Внизу уже ночь. Над горой Экспедиции вспыхнула первая звезда.



ОСЕНЬ

*Станица Дагостан
7—10 ноября*

Осенний лес в горах окрашен багрянцем увядания. В пожелтой опавшей листве золотятся плоды диких груш и яблок. Кружатся в воздухе желто-золотой, почти прозрачный лист клена и, словно парашют, плавно опускается на землю. Кое-где видны неяркие дальние цветы. На оголенных колючих кустах, как застывшие капли крови, алеют ягоды шиповника. Сколь пурпурную и желтую сетку несомнанных листьев голубеют клочки безоблачного неба и льется мягкий одиночный свет.

Тяжело поднимаются с цветов полосатые осы. В пятнах скудного солнца греются сонные ящерицы. Медленно ползет уж.

...Отправился в Гузерипль. По сторонам дороги пламенеют цветущие деревца. По-осеннему мелка и сонно медлительна в излучинах Белая.

В тени под копытами лошадей хрустит ледяная тонкая корка. Трава и упавшие стволы вокруг — в седине вься.

Выехал верхом на Кишу — зоологический сектор заповедника.

Переправился вброд через Белую.

Деревья по сторонам троп стоят голые, и только внизу, в ущелье реки, еще золотятся клены и ольхи. На полянах черные мертвые травы, по сторонам серо-серебряные стволы буков и грабов и почти воздушное переплетение оголенных ветвей и сучьев. Небо по-осеннему блекло-голубое.

За кордоном Лагерная луть лежит по левому берегу реки Киши. Снова мост. Переправляюсь на правый берег. Дальше тропа идет между хребтами Черный Шахан и Дудугуш — справа и хребтом Пшекиш — слева.

Сквозь сетку ветвей впереди мелькнуло рыжебурое пятно: медведь неуклюже затрусил по тропе, а затем, свернув в сторону, начал быстро уходить в скалы. Из-под мохнатых лап зверя сыпался щебень. Медведь скрылся в пнях.

Хрустнула ветка, скатился одинокий камень, и все смолкло. Только полрежнему в тишине осеннего леса звенят опадающие листья, тонкают сныщи и с резким криком перелетают с дерева на дерево сойки.

Темнеет. Тонкий туман застилает деревья. Пролетают сумеречные бабочки. Они бесцветны, как будто кто-то стер краску пыльцы с их крыльев.

Взошла ущербленная луна. Отблески лунного света упали золотыми листьями в черную воду крутых излучин реки.

Снова переправился через Кишу, на этот раз вброд, и мшистой две-три широкие, озаренные лунной поляны, въезжаю во двор Кишинской зоологической станции.

Киши, 13 ноября

Утром отправился наблюдать форель; сейчас она мечет икру.

Холодная глубина Киши чиста и прозрачна. Сквозь зелено-черную рябь быстрого течения видны камни и зернистый песок на дне.

Чуть шевеля плавниками, со дна поднимается голубовато-серебряной тенью крупная форель. У самой поверхности воды она остановилась, двигая плавниками и широко раскрывая жабры: кажется, будто рыба заснула и мерно дышит во сне. Вдруг, заметив мое отражение, она стрелой метнулась вглубь и мгновенно скрылась из виду.

На поверхности впадающего в Кишу ручья плавают золо-

тыми кораблями покоробившиеся мертвые листья. Берега ручья поросли влажным мхом и завалены буреломом. В неглубокой воде, против течения, стремительно мчатся форели. Отчетливо видны их серебристые крапчатые тела. Сейчас форель выходит на мелкие места, в ручьи и ключи, и всюду на донном песке рассыпаны большие яитарные зерна икры.

Быстро подыавшись против струи, форели одна за другой уходят на дно, заплывают под прибрежные коряги. Вот форель замерла на песчаном дне, пригнувшись к кучке потонувших листьев. Ее выдает только легкое надрагивание плавников и жабр. Рядом, на круглой гальке, пучит сквозь воду стеклянные глаза раздувшийся лягушонок. Вокруг шныряют черные головастики и рачки-бокоплавы.

Для метанья икры форель поднимается по горным рекам и ручьям, перепрыгивает через камни и пороги, выскакивая из воды высоко в воздух. В мелких местах она ползает, цепляясь за неровности дна плавниками и судорожно изгибая тело. В это время на форель охотятся лисички. Они сторожат добычу у перекатов.

Киши, 14 ноября

С утра все кругом затянуло густой свинцово-серый туман. Днем пошел дождь. Когда дождь прекратился и туман рассеялся, открылись побелевшие вершины гор: там выпал снег.

Ясно чувствуется приближение зимы. Снег на горах скакается очень низко. В ущелье Киши солнце почти не греет, и в тени кожу царапает острый холодок. Когда мы с Насимовичем подъезжали к Гузерилю, перед нами встала почти совсем белая вершина Филияновой Лысины. Два дня назад она была в зелени лиху.

...Снова провели короткий день в дороге. В камнях у тропы кое-где встречаются ящерицы, но движения их стали замедленными, сонными.

Мы вернулись на Кишу уже в темноте. Ночью горы в тумане, как серые призрачные громады. Над горами взошла золотая и словно помятая луна.

Я ночую в лаборатории зоологического сектора. Из-за стекла шкафа грозят пожелтевшими кривыми клыками черепа кабанов и медведей. Со стены смотрит пустыми стеклянными глазами голова зубра, покрытая курчавой коркинской шерстью.

Осматриваю зоологическую коллекцию Киши. Здесь много черепов и выкурок снежной полевки, прометеевой, или слепой, мыши, тушканчиковой мыши, мыши-малютки.

В застекленных шкафах лежат черепа зубра, оленей, туров

и многих других зверей. В ящиках, осыпанные блестками нафталина, хранятся их шкуры.

Разнообразен мир летучих мышей Западного Кавказа, их насчитывается свыше двадцати видов, начиная от длинокрида и кончая маленькой вощицей и совсем крошечкой, которая имеет только латинское название. Отдельные экземпляры всех этих видов, подсушенные и набитые ватой, переселились сюда, под стекло.

Не менее богата коллекция птиц заповедника: тут и огромный гриф, и рыжая, и малая рыжая цапля, альпийская галка, клушица, кавказский черный тетерев и птицы горной индейки.

Утром иду умываться к холодному звонкому ручью.

Тропа подмерзла. Воздух прозрачен и сух. Только местами, в низинах, дымятся клубы тумана. Хребет Пшекиш запышен снегом до пояса лиственных лесов.

Над входом в здание лаборатории работы оленья рога. На столбах веранды развешаны для просушки недавно добытые черепа лисиц, куниц, сонн-полчка и мелких грызунов. На каждом черепе — контрольный ярлычок.

Сами «охотники за черепами» уже заняты делом. Высоко под крышей, на мезонине, работает младший сотрудник зоологического сектора Полина Алексеевна Шикина. На столах и подоконниках — клетки с подопытными полевками и мышами, капканы и мышеловки.

Перед Полиной Алексеевной лежат запамятые парафином и воском колбы с ягодами и ягодами — кормом полчка — и листы ватманской бумаги для зарисовок.

*Визит — Гузерипль,
18 ноября*

Возвращаюсь верхом в Гузерипль вместе с коллектором зоологического сектора Александром Васильевичем Никифоровым.

Сегодня день ясный и теплый. Местами еще цветут голубые колокольчики и желтые лютики. Летают бабочки, мухи, и я видел даже пчелу.

На Кише наблюдал оляпку. Коричнево-серая, с светлой грудкой птичка сидела на камне посредине текучей реки. Она вдруг сналась, быстро перелетела, почти касаясь воды, на другой камень у самого стержня и, пробежав, нырнула в пенящийся водоворот. Секунд через двадцать она появилась на поверхности и поплыла против течения и только что покинутому камню. Она вытянула шею и помогала себе, загребая воду крыльями. В этот момент она была очень похожа на маленького утенка. Подплыв к камню, оляпка легко вспор-

хнула на него, но, заметив людей, снова сплясала и попрежнему высоко полетела над водой с резким криком, похожим на смягченный скрип дугового коростеля. Хвост у нее почти такой же кудрявый, как у зимородка.

В лесу, в стороне от тропы, на водных лазях, недавно поставлены доушки: конические, свистящие из прутьев плетения; один шалаш, поменьше, прикрыт бобовым, как колпаком. В большом шалаше сделана дверца, открывающаяся только плуть. В маленький шалаш сажют поросенка: визг его привлекает хищника. Волк заходит в коридор между двумя плетеными стенами и уже не может выбраться наружу. Тихо пытаюсь уйти, он кружится в узком проходе всю ночь, пока не подоспеет охотник.

На берегу Киши, у звериного брода, мы заметили двойной, совершенно свежий кабаньей след. Ночью кабан спускался на кормежку в охотничий район, где большие фруктовых деревьев, и ночью же вернулся обратно в заповедник.

На Белой, вблизи жордона Лагерная, я впервые увидел полевку Роберта, водяную крысу горных рек Западного Кавказа. Это довольно крупный, пепельно-серого цвета, тупоносый зверек. Заметив нас, он стремительно скатился с крутого берега в воду.

*Гузерипль — Тегени,
20 ноября*

В пять часов утра вдвоем с проводником выехали из Гузерипля через пастбище Абаго на Тегени. Место это находится у подножья горы Гефо и хребта Пшекиш. Там достраивается дом для зимовки научных сотрудников зоологического сектора.

Едем крутым берегом Малчены. Чем выше в горы, тем веселее темная зелень пихт. Под деревьями зеленеют купы и целые поляны рододендронов, лавровишни и листья стелющегося по земле оживника. Яркозеленые, почти желтые стоят папоротники. Стволы деревьев покрыты свежими гирляндами плюща, кустами омелы и пестрят изумрудными и голубоватыми пятнами мха и лишайника. Кое-где попадаются бирюзовые цветы.

В морозном звонком воздухе ясно слышен неумолчный птичий разговор. Сейчас голоса птиц не те, что в июле, изменилось и пернатое население леса, и поют птицы теперь совсем по-иному, на зимний лад. Мелодический треск, дребезжанье, шелканье, отрывистый свист — вот основной тон птичьего гомона накануне зимы.

Пролетела высоко в прозрачном сухом воздухе стайка красногрудых сизгирей. За сеткой обнаженных ветвей мель-



квуд пестрый дятел. На черной тропе отпечатки медвежьих следов.

Пастбище Абаго — огромная поляна субальпийского луга — кажется мертвой и пустынной. Сочные, зеленые летом, травы сейчас лежат серые и безжизненные, придавленные к земле ветрами, холодом и недавним снегом.

Все же и здесь, на высокогорье, жизнь продолжает существовать бок о бок со смертью. На теневых склонах — заволодах — зима, и холод, и смерть. Но на выгревах, там, где ярко светит горное солнце, тепло по-весеннему, цветут крупные голубые колокольчики, летают белые и красные бабочки. По засыпанной снегом тропе на теневом склоне цепочкой протянулись круглые следы дикого кота. Тонкий зеленовато-голубой лед на солонцовом болотце разбит копытами оленей.

Вот острый конус горы Экспедиции. Он с северной стороны порос березняком и запылен снегом.

У самого березняка, неподалеку, застыла большая стройная лань. Я придержал лошадь. Среди деревьев мелькнули рыжие тела еще нескольких оленей. Через мгновение на открытое место вышла пара молодых ланок. Они стали рядом с первой ланью и внимательно глядели в мою сторону. Снова какое-то движение в березняке, и на опушке появился огромный олень. Он стал ближе ко мне, вперед лапок, живо охраняя их от опасности. Он вскинул голову, ветвистые рога высоко поднимались в голубом небе. Олени следили за мной несколько минут, затем спокойно повернули к горе — сначала ланка, за ними рога — и скрылись в чаще.

Тропа идет северным склоном горы Экспедиции. В пихтовом лесу все зелено. Особенно ярко зелен густых зарослей рододендронов и осыпины — зимнее пастбище оленей и серн.

Но тропа покрыта зернистым снегом. Он блестит и между кустиками травы. Видны широкие медвежьи уже заледеневшие следы и отпечатки оленьих копыт. Следы оленей встречаются всюду.

На этом северном крутом склоне горы Экспедиции зимой

снег не тает и накапливается, деревья от тяжести снежных сугробов у основания изогнуты.

В долине реки Безымянной вода у берегов уже скована льдом, быстрое течение также несет куски льда. Еще подъем, и я выезжаю на долину, всю изрытую дикими ущельями. Здесь их летние пастбища и купалки. Поустынивший ствол большой пихты кругом охвачен кабанями. Они выкапывают тут корни и клубни, добывают червей.

Миновав пихтовый перелесок, я выехал к лагерю Тегеня. Это широкая, поросшая высокой травой и белокопатынником поляна. Она со всех сторон окружена горами, покрытыми пихтарником. Лагерь-зимовка представляет собой деревянный домик в одну комнату. Ближе от него, под горой, бежит по круглым камням небольшая река Тегинка. Справа от лагеря серебрятся снега на ребристых вершинах Бамбака и Аспидной. Слева — в зелени, голубизне и фиолетовых отблесках — вздымается Большой Тхач, похожий на гигантский петуший гребень.

В лагере сейчас живут двое: коллектор зоологического сектора и рабочий.

В окрестностях Тегеня встречается много оленей, серн, диких коз, бивают и туры. Но сейчас все они временно отжили: их беспокоит шум вокруг отстраивающейся зимовки. Кроме того, появились в большом числе волки и распугали серн. Вчера здесь видели двух волков, гнавшихся за серной.

В комнате тепло и уютно. Поужинав консервами, ложусь спать. За окном в холодном мраке хрипло хохочет и ухает сова.

Тегеня, 21 ноября

Все же я надеюсь встретить серн. С утра отправился на гору Гефо, где обычно их держится много. Еще несколько дней тому назад здесь видели стадо серн и тридцать голов. Они спускались на пастбу очень низко. Сейчас у них гов. В это время они разбиваются на небольшие группы и делают частые и длинные перекочевки.

На Тегинке уже лед, и, чтобы напиться, его приходится проламывать.

Поднимаюсь к хребту по южному склону. Всюду высохшая серая трава на корню и зонтичные, высотой больше чем в рост человека. Среди сухой травы краснеют на оголенных ветках примороженные грозды шиповника. В траве шныряют быстрые зеленые пауки. Вот пробежали две полевки с травинками во рту и скрылись в норе под корнями бурьяна.

Иду опушкой соснового леса с примесью пихт, горного клена и осины. У молодых широколиственных деревьев обглодана кора на стволах и обгрызены нежные концы веток: здесь были олени. На старой разлапой сосне золотятся в солнечных лучах паутины. Солнце хорошо греет, и кажется, что сейчас лето. В выхтах стучит дятел. В блекло-голубом небе парит сокол.

В стороне от оленьей тропы, по которой я иду, среди соломенно-желтой мертвой травы то тут, то там бурым пятном выделяется круглая поланка — точок, вытоптаный оленем во время рева.

С заснеженных вершин дует холодный порывистый ветер. Под его ударами гудят стволы сосен и кленов. Шумят и рождают, пригибаясь, вершины деревьев. Но пролетит ветер — и снова тихо и тепло. Спокойная тишина стоит над горами и в глубоких ущельях.

Над черно-зеленой щетинной низкорослых сосен и пихт поднимаются голубые мшистые скалы, похожие на остатки полуразрушенных колонн. В трещинах камней топорщится зеленая трава и пылают желтым огнем какие-то очень мелкие альпийские цветы. За этими скалами мысок пересечен неширокой, но очень глубокой щелью. Перейти через нее нельзя: по другую сторону расщелины — крутой обрыв в причудливых изломах голубовато-серых и коричневых каменных глыб. Вершина его покрыта шапкой сосен. Это крепь, где держатся серны.

Посреди мыска зияет в каменной толще воронкообразный колодец глубиной в пятьдесят-семьдесят метров. Старожилы называют его «Котлом». С большим трудом взобравшись на изогнутый ствол нависшей над Котлом сосны, я заглянул в него: внизу чуть брезжит свет, пробиваясь сквозь отверстия в отвесной осине. Тут же, рядом с зевом Котла, в густом переплетении можжевельника, в камнях — нора куницы: на черном переплетении у входа — ее следы.

Возвращаюсь по тенивому склону, по рябым его снегам. Снег лежит большими лучевидными кристаллами, у самых корней травы. Вокруг следы оленей, серы, волка и медведя. Под тяжелой медвежьей лапой снег сильно сжат и заледенел. Особенно много следов серы. На прогалинах, в чаще рододендрона снег плотно утопан десятками копыт и испещрен янтарными пятнами.

В глубине долины дрожит синяя дымка озона. Заходит солнце. Небо в бледно-голубых и жемчужно-розовых тонах. По горам, переплетаясь, медленно ползут полосы синих, черно-коричневых и зелено-бурых теней. Подножья гор окутаны сизой мглой. На вершины падают багряно-золотые отсветы.

Тесны, 22 ноября

Утром вышел с коллектором Василием Александровичем Деметриевым в горы. Небо заволокли синцово-серые тучи. Накрапывает дождь.

Поднимаемся северным склоном Гефо к «присколкам» — скалистым уступам, на которых днюют серны. Мимошли по пихт. Выше — зеленая шапка сосновых лесов. Кавказская сосна — могучее красивое дерево. Хвоя ее длиннее и суше, чем у пихты, зелень яркая, с оттенком желтизны. Хвоя пихты темная, до синева. Ветви сосны подняты, у пихты они опущены вниз.

Опушка соснового леса поросла кленами, ольхой, осинником и рябиной. Ягоды рябины — одна из основных кормов куницы с октября и по февраль. В этом году на Гефо рябина не уродилась, и куница ушла в другие места. На земле золотисто-пурпурными звездами лежат опавшие листья клена. Везде свежие следы оленей и серы.

Здесь, на тенивом склоне, почва промерзла и трава присыпана снегом. В прозрачном воздухе чувствуется зимний холодок, но все еще летают бабочки и комары.

Внизу за голубой дымкой тонкого тумана сбегают с гор высокоствольные леса. В иссиня-черном окружении пихт островками поднимаются сквозные, полупрозрачные вершины облетевших широколиственных деревьев. Леса тут почти на треть состоят из бука, осины, ивы, высокогорного клена и кавказского ильма. В этих лиственных островах сейчас ищут медведи и кабаны.

Мы поднялись к отвесным, голубым от лишайника скалам. Над ними, на снежном крутом скате, раскинулась цепь кривых берез с густым зелено-коричневым подлеском рододендрона.

Взбираемся по острым ребрам горы к березняку. Игги очень трудно. Приходится осторожно нащупывать ногой ма-



лейшую шероховатость на узкой тропе, чтобы не поскользнуться на обледеневшем снегу и не сорваться в ущелье. На самом подъеме виден свежий след серны: она уходила вниз огромными прыжками от какой-то смертельной опасности.

Из поблекшей, белой от инея травы вылетел тетерев. Под моими ногами серым крохотным комочком пробежала мышь-малютка. На голых ветках берез, нахохлившись, сидят стайками красногрудые дубоносы. Их посвистыванье и целканье свальных кловов нарушает окружающую нас тишину.

Мы долго путемся в зарослях рододендронов. Нас выручает тропа, проложенная медведем. На снегу отпечатки его широких ступней, как будто человек шел здесь босыми ногами. Посредине большой поляны, вытоптанной медведем в рододендронах, стоит береза, сложенная на двухметровой высоте от земли. В месте излома — следы медвежьих закусков. Муравейник в корнях березы слизан медведем.

Перевалив через хребет, выходим к южному склону. На гребне хребта нас встречают удары холодного ветра. Шумят вершины сосен. В сияющем под нами ущелье раздался протяжный вой волка. Теперь для меня стало понятно, почему ни вчера, ни сегодня я не встретил серы.

Возвращаемся к лагерю. Обратный путь недалог. Спускаясь, смотрю на далекие горы. Там извиваются и плещут под ветром пепельные полотнища снежных облаков, крутятся дымное курило буранов. Сквозь выжужную мглу чуть пробивается тусклый свет заходящего солнца.

Стайка синиц пронеслась к пихтовому лесу. На склоне Пяекиша под защитой старых пихт лежит на поляне олень.

*Тегени — Гузеринль,
23 ноября*

Выехал прежней дорогой обратно на Гузеринль.

Над горами клубятся тучи. Ключья серого тумана сползают вниз по склонам. Моросит мелкий дождь.

На снегу, вдоль тропы, узоры бесчисленных следов рассказывают лесные были.

Вот почти след и след пробежали за ланкой пять волков. О том, что это была горячая погоня, говорят широко раздвинутые в беге копыта ланок. Вот большие округлые следы рыси. Она спустилась со скалистых вершин и направляется к Тегеним за сернами. Мягкие подушки рысьих лап чуть отиснуты на примороженном снегу. Протянувшиеся цепочкой по белизне снега дробные кресты — следы черного тетерева. Цепочка крестов вдруг прерывается: снег вслушен ударом крыльев. Тетерев взлетел. Совсем близко введен след лисыцы. Он похож на собачий, но только отпечатки лап меньше.

Метели рассыпают снега над горами. Ниже синеет тяжелая дождевая завеса. Пастбище Абаго окружено молочно-белым туманом. Он быстро надвигается с двух сторон и, словно губкой, стирает березовые лески в низинах, и понакские травы, и черную ленту оттаявшей тропы. Надо спешить!

На верхней опушке пихтового леса, вблизи туристского домика, на мгновение, будто легкая тень, среди стволов мелькнуло и скрылось рыжее тело ланки. В лесу влажно, как в теплице. Под пихтами зеленеют кусты рододендрона, лавровишнии и узорчатодящего надуба. Стволы отдельных пихт обвиты зеленью лиан так густо, что эти пихты кажутся помесью хвойного и широколиственного дерева.

Дождь усиливается. С отяжелевшей бурки струями стекает вода. Облака спустились низко. Еду сквозь облако. Впереди над тесниной реки Белой неподвижно стоит жемчужно-пепельная стена водяных паров.

Гузеринль, 25 ноября

В Южном отделе заповедника, в Красной Поляне, работает Нищенко. В гражданскую войну он с отрядом красных партизан скрывался в тылу у белых, в горах Черноморского побережья.

Однажды Нищенко получил приказ штаба захватить живым известного белогвардейца — черкесского князя. Нищенко пришел к нему под видом странника. На груди у «странника» под одеждой был спрятан паган.

Князь все время был на-чеку и не выпускал из рук оружия. Нищенко он встретил подозрительно, но потом немного успокоился. После сытного обеда князь задремнул. Нищенко только этого и ждал. Он бросился на князя, завладел его паганом и с двумя паганами в руках привел князя в лагерь красных партизан.

После разгрома Денякина ночью в Красную Поляну внезапно ворвался высаженный на берегу моря белый десант. Десятки красных партизан, в том числе и Нищенко, были схвачены во время сна. Утром белые повели пленных на скалистый обрывистый берег Малхаты, к месту, где над бездонным ущельем реки изогнулась древняя одинокая сосна. На кривом стволе этой сосны, как на плахе, белые бандиты рубали шапками головы партизанам, одному за другим.

Нищенко был последним. Он отшвырнул коновзоров и прыгнул вниз, в кипящую и воющую пропасть. Беленная стремнина помчала его, захлестывая пеной и водой, швыряя на дно омутов и на острые камни.

В нескольких километрах ниже по течению шпалуты подобрали на прибрежной гальке обезображенное, с переломанными

руками и ногами, тело неизвестного человека. Человек еще слабо дышал. Шапсуги унесли его в горы и стали лечить.

Нипенко выжил.

*Гузериэль,
26 ноября — 1 декабря*

По горам стелется непроглядный, слоистый туман. Над ущельем реки клубятся и пузыряются белые и синие-сизые пары. С однообразным глухим шумом и плеском без перерыва льет дождь. Кругом в низинах стоят озера зелено-желтой воды. Вечером и ночью свистит и воет ураган. В каменистых теснинах гремит Белая.

Двадцать седьмого наблюдался особенно высокий уровень паводка; за долгие годы — это второй по небывалому подъему. Мутные бурлящие волны Белой несут вывороченные с корнем деревья, забрасывают могучие кряжи на вершину утесов-порогов, которые обычно высоко торчат над водой. Грохоча, сталкиваются друг с другом огромные камни, сдвигаемые павором мчащейся с гор тысячетонной струи. Дождь и паводок рождены феями — теплыми плажными ветрами. Двадцать восьмого и kloкочущем тумане вспыхнула короткая радуга, расцветила клубы паров над горами и через несколько секунд растаяла. На следующий день дождь продолжал лить с ослабевающей силой. Но уровень воды в Белой заметно снизился: высоко в горах выпал снег.

Ежеминутно под дождем и ветром климатолог спускается к реке: следит за уровнем паводка и берет в горластые скважины пробы замутненной илом воды.

Научными работниками заповедника создается своя, очень интересная теория климата.

«Местные», или «малые», климаты и общий, «большой», климат находятся в тесной взаимосвязи и должны в этой живой связи изучаться. Воздушные массы и подстилающая поверхность, то есть климат и топография района, также взаимосвязаны и действуют друг на друга. Воздушные массы заполняют выемки рельефа, текут по ним или упираются в возвышенности, через них переползают, обходят их.

Неразрывна теснейшая связь между климатом, рельефом и растительным миром. Они воздействуют друг на друга, а следовательно, определяют и животный мир.

Эта диалектическая теория климата в огромной степени объясняет «парадоксы», которыми полна здешняя природа. Только она дает правильный ответ на вопросы: почему у некоторых рек южного склона господствует северный режим, и наоборот. Почему наблюдаются одновременно самые

низкие и самые высокие модули (показатели) водостока на противоположных склонах одного и того же хребта, когда получается положение, точно хребет «сам себя загорает»? Она совершенно правильно объясняет снижение рельефа глубокое продвижение лесов в степные районы, как это наблюдается у Майкопа: снижение рельефа открывает путь насыщенным водяным паром воздушным массам, идущим от Черного моря, а за ними движется и влаголюбивая лесная растительность.

*Гузериэль — Хамышки,
2 декабря*

Зима наступила неожиданно, без переходов. Ночью похолодало, подул резкий северный ветер, а утром все горы и леса вокруг были заворочены чистым, сверкающим снегом.

Выехал верхом в Хамышки. Белые молчаливые леса призрачно-пустынны. Среди серо-синих низких облаков видны куски неба нежной голубизны. С ветвей хихт и лиственничных деревьев сыплются искрящиеся и переливающиеся всеми цветами снежинки. Кое-где на дубах трелецуют под легким ветром зеленые флаги неопавшей листвы. Слышатся редкие голоса соек, синиц и гулкий стук дятла.

Белая залила паводком огромные пространства пойма.

Великолепен закат. Черно-синие снизу и багряно-огненные сверху вечерние облака клубятся над опущенными снегом дубовыми лесами на конусообразных горах. Небо по-зимнему замутненное и мягкое. Острая, как крупинка соли, звезда дрожит в мглистой синей дали.





ЗИМА

Гузериэль, 25 января 1938 года

Утром бродил по берегу Малчены. В верхних деревьях шишат и воются синицы. На ветвях белыми хлопьями лежит снег. Ноги тонут в сугробах. Среди ослепительной белизны снегов вода кажется черной и словно неживой. На берегу много волчьих следов.

У туристских балаганов под буками чернеют свежие следы и покопы диких свиней. Поворачиваю по кабаньей тропе. Свиньи заходили в балаганы. В одном из них они съели пепел на старом кострище. Известны случаи, когда копытные животные — олени, кабаны — при недостатке или отдаленности содопцов отыскивали оставленные в лесу погасшие костры и поседали в них золу. Теперь я сам убедился в этом.

Осторожно идя по следам против ветра, я вскоре набрел на гурт свиней. Сначала я услышал легкий треск слева на крутом склоне, затем заметил неясное шевеление в поросли

молодого пихтарника, над которым высились буки и пихты. Затаившись за пихтой, я наблюдал свиней на очень близком расстоянии. Они долго рылись у подножья деревьев. За сугробами и кустами я не мог их видеть, и лишь то здесь, то там над укрытием искрилась на солнце всеми цветами радуги взбрасываемая кабанями снежная пыль.

Первой вышла на поляну старая свинья. Ее клинообразное серебристо-серое с пепельным оттенком тело, двигавшееся по брюхо в сугробах, было так огромно, что сгоряча мне показалось, будто это медведь. Моя ошибка неудивительна: в здешних лесах медведи залегли лишь недавно, и следы их встречались на снегу еще несколько дней назад. Вслед за свиньей появились два подсвинка такой же серебристой окраски, как мать. Немного погодя к ним присоединился довольно большой кабан. Он был покрыт черновато-бурой грубой щетиной. Из-под верхней губы кабана торчали загнутые назад клыки. Особенно привлекал внимание «калкан» — мощное утолщение подкожного хряща на загривке, на груди и лопатках зверя, которое делало его похожим на воина, надевшего боевой нагрудник. Калкан служит кабану защитой от смертельного удара клыков в схватках с соперником.

Свиньи передвигались в глубоком снегу с неожиданной быстротой и живостью, непрерывно вспахивая рылом снег и взметая радужные облачка сухих снежинок.

Я свистнул. Кабан мгновенно остановился и повернулся грудью ко мне, высоко подняв рыло и насторожив уши. Хвост его ощерившись и изогнулся злым крючком. Секунда — и весь гурт бесшумно и молниеносно исчез.

Гузериэль, 26 января

Старший сотрудник зоологического сектора Сергей Сергеевич Донауров — молодой талантливый зоолог. Он в советское время учился в Казанском университете и уже несколько лет работает в Кавказском государственном заповеднике.

Высокого роста, с цыганским, смуглым лицом и буйной копной волос, он очень похож на васнецовского Алешу Поповича.

Недавно вместе с коллекторами Никифоровым и Деметриевым он ходил для наблюдений за животными по одному из самых трудных маршрутов — в верховья Киши.

Бросив лыжи на Тегеня, они отправились в центр своего района — на Сенную поляну. Ночью пошел снег. К утру наметало полуметровые сугробы. Стоял мороз в 27 градусов, дул сильный ветер. Все вокруг заволок густо сыпавший снег; ничего не было видно в четырех шагах.

Остались на месте пережидать.

За день толщина снега дошла почти до двух метров.

На второй день решили все же возвращаться на Тегеня. Сделали «круги» и пошли. Круги тонули на метр в рыхлых сугробах. Приходилось, вытаскивая их, заодно поднимать столб насаженного на них снега. Пригрело солнце. Начало таять, и люди проваливались по грудь. С пихт падали тяжелые пласты мокрого снега.

Все трое промокли до нитки, изголодались, продрогли до костей.

Снова ударил 22-градусный мороз. Одежда, вплоть до белья, заледенела и резала тело в кровь.

Отдыхать было невозможно: замерзли бы насмерть.

У Донаурова сломался снегоступ. Ковыляя, как хромой, Донауров беспрестанно проваливался одной ногой в снег.

Утопая в двухметровых сугробах, исследователи не прерывали научной работы. Они видели, как через щель между Лохмачевым и Джемаруком звери отхочевывали с занесенной снегом поляны и спускались вниз, в долины рек. Кабаны прокладывали глубокие траншеи; они в полном смысле слова шли под снегом. Почти всем животным удалось уйти.

Так они одолели шестнадцать километров. Козлиную поляну, недалеко от Тегеня, длиной в три километра, едва прошли за пять часов.

Донауров предложил товарищам пробиваться вперед, не дожидаясь его.

Первым на стоянку в Тегеня пришел Дементеев. Он развел костер. За ним дотянулся Никифоров, и последним буквально приполз и, не снимая уцелевшего снегоступа, свалился на полу балагана Донауров. Пятнадцать часов он лежал без движения. В течение двух дней все трое были больны от страшного переутомления. У всех поднялась температура, но дело ограничилось насморком и кашлем.

На третий день стали на лыжи и вновь отправились к Сенной наблюдать поведение животных в глубоком снегу.

Во второй выход, после метели, Донауров и его спутники застали на Сенной поляне громадного кабана-секача. Он выбрал себе место, поросшее пихтами и буками. Корма было очень много. Жил он на площади в четверть гектара и всю ее изрыл своими траншеями. Он устроил две лежки под старыми большими пихтами. Когда секач был достигнут людьми в одной из траншей, он стал уходить от них в сторону, медленно прокладывая дорогу в глубоком снегу.

*Гузериэль — Безымянный балаган,
27 января*

Утром мы вместе с Григорием Ивановичем Бессонным и младшим наблюдателем Пономаренко с рюкзаками за плечами поднимаемся в горы. Дует сильный ветер, порошок.



Входим в буковый лес. Сухой глубокий снег рассыпается под ногами на мельчайшие морозные пылинки. Многоцветными звездочками переливаются они в солнечных лучах. Время от времени беззвучный вихрь, прорываясь между стволами, несет в воздухе долго не опадающую, радужную, тончайшую пелену снежинок, сметенных с веток. Белый ковер снега испятнан кабаньими следами и поклонами.

Мои спутники идут размеренно-спокойным и в то же время скорым шагом. Мне кажется, быстроте их ходьбы по снегу очень помогает обувь — поршни из сыромятной кожи. Помимо того, что поршни легки, — у них нет каблуков, и снег не налипает на подошвы. Мне же в тяжелых охотничьих сапогах идти довольно трудно.

Время от времени Григорий Иванович и Повомаренко останавливаются и осматривают капканы и заложенную для волков отравленную стрихнином приваду. Капканы стоят настороженные, и вокруг не видно волчьих следов. Здесь недавно Бессонный со своей охотничьей бригадой взял двух волков и попавшего в капкан дикого кота. Теперь, очевидно, волки избегают этих мест.

Мы вошли в старый пихтарник.

В лесу почти нерушимая тишина: только изредка тонко пискнет синица, да где-то далеко глухо стучит дятел. Над пихтами голубеет яркобирюзовое небо. Внизу глубокие ущелья налиты яркой синевой. Кое-где в низинах дымит белесый снежный туман. Высоко над нами от плоскогорий Лагонак идет несмолкающий гул: там бушуют снежные бури.

Останавливаемся на пригреве. Яркое солнце припекает полетному. На оттаявших местах видна изумрудно-зеленая трава. Снег вокруг усыпан опавшей пихтовой хвоей, крылатыми семенами горного клена. Над снегом поднимаются блестящие продолговатые листья рододендрона и более темные, узорчатые, колючие листья падуба. Змеевидные, покрытые сочной зеленью листья побеги ожинника стелются над самым снежным покровом. На стволах деревьев — голубоватые и ярко-зеленые пятна лишайника и мха.

По тропе перед нами ровной цепочкой протянулся совершенно свежий след дикого кота. Он круглый и четырехпалый, с отчетливо оттиснутыми пяточными подушечками. В месте, где был расположен один из капканов, замаскированный снегом и мхом, дикий кот остановился, потоптался в нерешительности и вновь продолжал путь все той же неторопливой походкой. Капкан оказался спущенным.

Вечереет. Закатные лучи солнца ложатся золотыми пятнами на стволы деревьев, окрашивают в горячий, красный цвет высокую стену сине-зеленых пихт. Лес как будто пламенеет в багровом отсвете далекого пожара.

Глубокие снега засыпали путь к Тегеня. Без лыж к верховьям Безымянной нам не пробиться. Сворачиваем с тропы влево, вниз, к перешейку Филимоновой Лыснны. Ноги тонут в полуметровом рыхлом снегу. Буквально на каждом шагу приходится с трудом перелезать через упавшие, засыпанные снегом стволы вековых буков и пихт. Перейдя полузамерзший ручей и большую поляну, истоптанную кабаньими и оленьими следами, мы уже в сумерках добрались до ближайшего балагана.

Это шалаш из драня, в его крыше многочисленные щели, и сейчас, когда мы греемся у костра, разведенного внутри балагана, в щели глядит звездное небо.

— Прямо планетарий, — говорит Григорий Иванович Бессонный.

Григорий Иванович сидит у огня, набросив на плечи свою неизменную коричневую куртку. Он заводит разговор на любимые темы: о зубрах, о волках, о прошлом заповедника и других таких же интересных вещах.

— Григорий Иванович, — спрашиваю его, — как же так? Профессор Филатов пишет, что числа зубров никто толком не знал: может быть, их было сто, а возможно — и до тысячи. В той же книге он утверждает, что уже в 1913 году место, где еще жили зубры, было не больше пятидесяти верст в длину и сорока в ширину. К тому же у зубров были отняты лесозаготовками — в долинах рек — и выпасами скота — в субальпике — лучшие зимовки и весенне-летние пастбища. Очевидно, помимо прямого истребления, зубр быстро вымирал и от этих причин. У Филатова, следовательно, большая неясность. Число зубров в границах прежней великокняжеской охоты никак не могло доходить до тысячи: частота встреч на такой маленькой площади была бы невероятной, да и где могло прокормиться столько этих огромных животных?

Григорий Иванович принимает мои слова, как кровную обиду.

— А я говорю, что их было не меньше тысячи, если только не больше. Я двадцать лет браконьерствовал в великокняжеских угодьях, так кому же лучше знать, как не мне? Где они кормились? А пастбища Абаго, а верховье реки Малчелы, Сенная поляна, южный склон Пшекиша?

Насчет встреч тоже скажу: на одном пастбище Абаго наслось тогда не меньше шестидесяти зубров. Их одновременно



стреляли в трех-четыре места: на Мамаевом солонце, на пастбище Абаго, на Сейной поляне, и везде зубров была масса. Много зубров погибло от болезни в девятнадцатом году. В то время охотники везде натякались на трупы зубров, — в одном месте бывало до восьми, а то и больше трупов. Очень вредили зубрам волки. Они уничтожали телят. Сейчас волки опять расплодился в заповеднике. Я думаю, их здесь не меньше трех сотен охотится. Я недавно ходил в обход с младшим наблюдателем Подопригорой на Скаженный хребет. Там весь снег истоптан волками. Судя по следам, на Скаженном хребте держится не меньше двадцати пяти волков...

Стрелял я зубров потому, что нужда заставляла. Я жалел зубров и бил только по необходимости. Всего я сам добыл шесть зубров, а было много таких охотников, которые безжалостно уничтожали зубров во всякое время во множестве; в сезон брали на ружье зубров до двадцати.

Жил в Майкопе такой человек — Самонин, владелец кожевенного завода. Он давал мне заказ на зубровые шкуры. Плата была двадцать пять рублей за шкуру. Самонин делал из зубровых шкур сбуру: хомуты, уздечки, шлеи. Лучшие кожи шли на приводные ремни для молотилок: две кожи на ремень. Брал Самонин за один ремень двести пятьдесят рублей. Так он наживался на нашем браконьерстве.

Зубры были огромные звери — до сорока пудов и больше. Одна шкура весила шесть-семь пудов. Снимешь ее, а унести не можешь. Приходилось увозить на лошади, да и то в два приема, разрезая шкуру пополам. Раз я убил в июле жирного зубра-быка. Себе я взял, кроме шкуры, пуда три мяса, а потом еще восемнадцать человек забирали мясо, и каждому пришлось не меньше, чем мне.

Летом мясо зубра очень вкусное, ну, а зимой действительно хуже. Неправда, что мясо зубра несъедобное, бузиной отдает или еще чем-то. Я-то уж хорошо это знаю.

Вот ты, Пономаренко, зря говоришь, что браконьеры вырезывали из шкуры зубра несколько ремней, а остальное бросали. Так поступали с оленями. У оленя, верно, вырезывали два или три лучших ремня со спины да прихватывали рога. С зубром же было по-другому: забирали все, оставались одни кости.

В связи с этим я вспоминаю кое-что об уничтожении другого гигантского быка — северо-американского бизона.

Существует на английском языке книга, изданная в 1899 году под названием «Последний из великих разведчиков» (Буффало Билль). Написана она сестрой полковника Коди (Буффало Билля) — Элен Коди Уитмор, в сотрудничестве с писательницей З. Грей.

В этой книге изображается в прикрашенном виде жизнь

легендарного охотника на бизонов Вильяма Коди, получившего от своих товарищей по профессии кличку «Буффало Билль», то есть «Буйволиный Билль» (американцы называют бизона — «буффало», буйвол). Факты, рисующие «подвиги» Буффало Билля и ему подобных, бросают яркий свет на историю почти полного исчезновения бизона с лица земли.

Вот что в заключение говорят авторы книги (выписка эта со мною в рабочем блокноте, и я читаю ее наблюдателям вслух):

«В 1859 году, только тридцать лет тому назад, поезд Канзасской линии Тихоокеанской железной дороги был на восемь часов задержан проходившим через полотно впереди паровоза огромным стадом бизонов. Но железная дорога открыла легкий путь в прерии сотням «спортсменов», которые хищнически убивали этих благородных животных исключительно из-за их шкур, на которые существовал широкий спрос. С 1868 по 1881 год лишь в Канзасе было заплачено 2 миллиона 500 тысяч долларов за скелеты бизонов, собранные в прериях и проданные на предприятия по выработке углекислоты. Это составляет в общем 31 миллион бизонов, убитых на территории одного штата.

Насколько мы знаем, из бесчисленных тысяч бизонов, бродивших в прериях еще совсем недавно, к моменту, когда пишется эта книга, только одно стадо бизонов в 20 голов сохраняется в частном парке».

Разговор умолкает. Укладываемся спать.

Ровным ярким пламенем горят большие буковые поленья. Вверху, под дощатой крышей балагана, свиваются в живой клубок черные ночные тени и синий душистый дым костра. В щель пробиваются острые лучи белой, будто занидевшей звезды.

*Безымянный балаган,
28 января*

Еще не рассвело, но где-то высоко в пихтах, просыпаясь, пискнула невидимая птица, за ней другая, третья, и вот лес уже оглашается разноголосым свистом, писком и трещаньем. Через несколько мгновений птичий хор разбивается на отдельные голоса и стихает.

Взошло солнце. Высоко над сине-зелеными пихтами встают серебряные вершины Пшекиша. Утренний свет вспыхивает голубыми и розовыми длинными иглами на блистающей белизне снежных полей и сугробов.

Зимний лес кажется пустынным и мертвым. Глубоко в щелях среди камней, в норах под корнями, в прелой трухе дуплистых деревьев лежат окоченелые ящерицы, медяницы, ужи и

гадюки. Крепко спят лягушки, зарывшись в мягкую тину на дне ручьев и луж. В своих подземельях и дуплах дремлют ожиревшие за осень барсуки и полчки и висят вниз головой, сцепившись в огромные гроздья и согревая друг друга, летучие мыши. В усталой травяной пещере или в снеговой берлоге под пихтой, сладко посасывая лапу, видит сны медведь. Под корой буков и пихт, грабов и кленов, в тухлой мякоти гнилых пней, словно мертвые, костенеют бабочки, мухи, жуки, жулики, усачи.

Но безжизненность зимнего леса обманчива. Пригрело солнце, и скромная серая бабочка, порхая, пролетела над снегами. Вслед за ней слешит странное длинноногое насекомое — не то комар, не то крылатый муравей.

Местами на ослепительно белой пелене видны темные проталыны-отдушины: то, проточив теплым дыханием глубокие снега, тянутся к свету и воздуху растения-зимовники. Здесь, в затишь подснежных пещерок, зеленеют цикламены, вейник, ползучий ожинник, остролистная овсяница. Это зимние зеленые пастбища копытных обитателей заповедника: оленей, серн, коз, туров. Вот защищенный с севера рододендрон и пушистым сугробом греется на солнце кустик земляники, покрытой изумрудно-свежими листками, а рядом, в протаявшей черной ямке в снегу, какое-то незнакомое растение выпустило вдоль тонкого стебля десятки мельчайших листьев и таких же крошечных бледно-голубых колокольчиков.

Снег на открытых полянах пышнее и глубже.

Снова признаки жизни: на молодом высокогорном клене объедены кора и нежные побеги. На снегу под кленом — следы оленей. Немного дальше в сугробах протоптана каким-то грузным зверем целая тропа; в глубокой борозде — отпечатки широких и коротких копыт с небольшими копытцами — «палочками» — позади. Кабан! Заросший бурой-черной щетиной, матерый секач ночью и на ранней заре прогуливается здесь в одиночестве, роет длинным рылом снег, вскапывает землю, добывая буковые орехи и разные клубни. То тут, то там лежат валки влажной ржаво-коричневой листвы, выброшенной из-под снега, и полудульями чернеет взрытая земля.

Поднимаюсь от кабаньей тропы по крутому склону. В сотне шагов повыше, среди бурелома, у основания обрывистых утесов — «присколков», протянулся по снегу отчетливый, очень свежий след рыси. Он такой же круглый и четырехпалый, с подушками сзади, как у дикого кота, только раз в пять крупнее. Рядом шла другая рысь, как видно, молодая, так как следы значительно меньших размеров. Вскоре следы рысей пересекают кабанью тропу и дальше уже печатаются на ней: рыси охотятся на секача.

Решаю тропить рысей. Вот они скользили между деревьев, едва не задевая стволы, осторожно перебирались через заснеженный валежник, а вот тут поднялись на присколок. Две овальные вмятины в снегу на вершине осыпей, у самого отвеса, говорят, что рыси здесь залегали, быть может, подкарауливали добычу. Отсюда следы повернули обратно, вниз, по направлению к нашему лагерю, и вначале идут рядом с прежним следом. Рыси на этот раз крались еще медленнее и осторожнее. В одном месте они перебирались через запорошенный снегом огромный ствол упавшей пихты. Измеряю расстояние между отпечатками задних лап старой рыси, оставленными на стволе, и следами передних лап на снегу в месте спуска: больше метра. По пути к нашему балагану рыси дважды затаивались. В одной из лежек, там, где находилась морда рыси, снег испятнан ржавыми брызгами крови. Другая лежка — метра в пятидесяти от балагана. Следы рассказывают, что рыси подкрадывались, почти ползли на брюхе к сугробу, залегли за ним и, прижавшись всем телом к снегу, чуть поднимали головы, вглядываясь в балаган.

Следы рысей снова повернули вниз, в поросшее пихтами и буками ущелье. Но теперь не видно четких отпечатков четырехпалых лап. Снег вдоль пути рысей испушен прерывистыми бороздами. Звери уходили огромными прыжками.

Передо мной, как на ладони, наш лагерь. В морозном воздухе разносится звонкий стук топора. Свалив мертвый бук, Бессонный колет его на дрова. Вот что испугало рысей!

Окликаю Бессонного, и мы вместе продолжаем тропление. Шагах в двадцати рыси разделились: молодая направилась в гору, а старая скатилась бешеными прыжками с крутизны в бурелом. Перелетая через упавшие стволы, через пни и незамерзшие ручьи, она промчалась по ущелью и поднялась на противоположный склон. Проследив ее еще около километра, возвращаемся к лагерю.

Наш путь пересекают следы трех коз: на пасте чуть заметен отиск маленьких острых копыт. Немного дальше мы наталкиваемся на глубоко выбитую в снегах тропу все того же кабана-однца. Кабан гулял не один: за ним кралась рысь, очевидно самец, так как следы очень велики. Рысь шла за кабаном буквально по пятам. Круглые отпечатки кошачьей лапы, такие же снежные, как и те, что мы только что видели, ложатся точно, след в след в отиск кабаньих копыт.

В двух местах рысь шла снегами напрямик, срезая кабанью тропу и отжимая секача в полуметровые сугробы, к скалам, где затаились две другие рыси. Полметра — предельная для кабана глубина снега, и ясно видно, как тяжело двигался секач, пробиваясь сквозь сугробы.



У старой пихты, на самой вершине подъема, след рыси оборвался. Огромный скачок назад, под уклон, прочь от кабаньей тропы, свидетельствует о сильном и внезапном испуге: наш балаган всего в каких-нибудь сорока метрах.

— Это одна семья рысей, — объясняет Григорий Иванович. — Они сожрали кабана. Не будь нас, пожалуй, и прикончили бы его.

Вечером беседуем, собравшись вокруг пляшущего пламени костра. По стенам балагана скользят дрожащие тени и отблески огня. Григорий Иванович лежит лицом к костру, на пихтовой хвое. В его глазах вспыхивают желтые искорки. Резко выделяющиеся при свете костра скулы, тонкие, сжатые губы и, словно высеченный из камня, подбородок делают Бессонного похожим на индейца.

Вспоминая тропление рысей, он говорит:

— Вот ту рысь, в чьей лежке мы видели кровь, должно быть, поранил кабан, не иначе. Если бы рысь держала в зубах мясо, на снегу что-нибудь да осталось бы, кроме крови.

Пономаренко подтверждающе кивает головой:

— Кабан — не олень. Он сразу залезает под валежину, сшибает рысь. Хорошо еще, если после этого у нее цела останется голова. Олень — тот шею держит высоко, раздвигает рогами ветки, ломает сучки, значит спасает рысь, а та сидит у него на загривке, дерет ему шею... На тех рысей, что лошадей у нас разорвали, я клал отраву — стрихнин. Взял я на приваде не рысей, а орла-бородача: отравился он. Огромный был орел — два метра шестьдесят сантиметров в размахе. Орел этот теперь в коллекции зоологического сектора.

Он сдвигает на затылок непомерно большую ушастую шапку из шкуры косули и продолжает:

— У нас на Кише, на Терновой поляне, рыси заели трех лошадей. Большой вред они делают. С кабанями тоже горе. Летом я был огородником на Кише. Слышу — у всех один разговор. «Здесь ничего не родится, мороз убивает». Я посмотрел — земля чистое золото, как не родится? У меня есть свои способы, простые, крестьянские. Мой отец был садовником и огородником. В тридцатом году я вступил в колхоз и сам между выкорчевал, чтобы даром ни один клочок земли не пропал. Посеял я огород на Терновой поляне и дал кишинцам в конце леса сорок пять тонн разных овощей. Хорошо уродилась и картошка. Пришло время копать ее — повадился на огород дикие свиньи. Ну, хоть ты что хочешь — каждую ночь роются. Мы и на засидках караулили, слышно, как в траве свиньи пыхтят — трава густая, высокая, — однако на огород не вы-

ходят, нас чувствуют. Только маленькие туда-сюда шмыгают, схватит картофелину — и обратно. И смех, и грех. В ведро ступишь, из ружья дробью стреляешь — никакого внимания. Много картофеля они у меня перепортили. А в зоосекторе сомневались, говорили, что дикая свинья не любит картошки: так, мол, у Динника написано.

— Вот и про кавказского медведя некоторые научные работники думают, что он питается только травой да козьяками, — прерывает его Бессонный, — а я видел, как медведь забрался в логово свиньи, передошил всех поросят: их было пять. Свинья бегаёт кругом, как сумасшедшая, визжит, ничего не может сделать... А медведь орудует.

*Тшаква балма,
29 января*

Мы вышли утром по направлению к настибицу Абаго. Тропа поднимается круто. Над темной зеленью пихт белеет шапка Пшекиша. Кругом расстилается пороша сверкающих снегов. На снегу просыпаны иглы пихтовой хвои, крылатые плоды горного клена и какие-то семена, похожие на живые существа, — мохнатые и словно окрашенные кровью. Снежные поляны испятнаны десятками следов. Вот перешла через тропу рысь. Должно быть, это было вчера, так как рысий след слегка расплылся под действием солнечных лучей. Вот между пихтами протинулись продолговатые когтистые следы куницы желтодушки, а здесь пробежали три косули. И снова следы другой куницы. Рядом виден глубокий след двух оленей. Еще дальше — очень свежие отпечатки рысских лап, следы пяти косуль и пяти диких свиней.

Высоко в опущенных ивеем деревьях пищат и свистят на разные голоса красногрудые снегири, дубоносы, черноголовые свишцы, зяблики. Злобно, по-кошачьему, шипит потревоженная сойка.

В одном месте Бессонный останавливается под невысоким буком. На обломанном сучке дерева, как будто грозя пустыми глазами, желтеет кабаньей череп. Бессонный наклоняется и, подняв с земли два выпавших клыка, передает их мне. Во время своих бесконечных скитаний по лесам заповедника Григорий Иванович подобрал и развесил на деревьях «до случая» немало зубровых, медвежьих, кабаньих и оленьих черепов, и такие «кладовые» у него повсюду.

Григорий Иванович показывает мне неподалеку большую дуплистую пихту. В обросшем лишайниками и мхом стволе пихты два отверстия: одно — естественное, сравнительно небольшое — на уровне груди человека; другое — широкое, квадратное — прорублено топором почти у самой земли. Во

время гражданской войны здесь прятал оружие отряд партизан. Через верхнее отверстие в дуло спускали винтовки и патроны, но потом их нельзя было вытащить, и пришлось прорубать отверстие внизу ствола.

Мы пересекли туристскую тропу и поднимаемся по южному склону пастбища Абаго на высоте тысячи пятисот метров. В верхних Тишковой балки перед нами открывается «выгрев» — залитая горячим солнечным светом большая поляна. Выгрев сплошь покрыт высокой сухой травой. Это сено на корню, которым питаются зимой копытные животные. Среди травянистой поросли вкраплены темнозелеными островками рододендроны и падуб. Во многих местах поляна изрыта дикими свиньями: в траве чернеют недавние покопы и лежки. Выгрев сползает гигантским суживающимся книзу языком до самого дна балки. Окруженный снеговыми сугробами, он кажется еще солнечнее и зеленее. В таких местах зимой держатся серны, туры, олени, спасаясь от снегопада, пронзительных горных ветров и бескормицы.

По другую сторону балки виден заваленный снеговыми надувами крутой северо-западный склон пастбища Абаго. Здесь, в заходной, снега гораздо больше. Полупрозрачные тени скользят по склону. Выше, на полянах, между кучами старых буков и пихт в беспорядке разбросаны упавшие стволы и торчат невысокие, похожие на венчики, кусты клена и горной ивы. Еще выше над хребтом поднялись белые и ярко-бирюзовые вершины Тибги и Атамажи. В мутной голубизне неба неподвижно висят опаловые облачка.

На почти отвесные осыпи противоположного склона вышло из пихтарника стадо серн — семь взрослых и два теленка. Медленно пересекая поляну, они паслись на ходу. По временам они приостанавливались, делали три-четыре коротких скачка и вновь осторожно, тихо продвигались дальше. Затем они разделились: четыре ушли вниз, в кусты, а пять, дойдя до середины поляны, вдруг, словно испуганные каким-то зверем, стремительными прыжками поднялись в гору и скрылись в густом пихтовом лесу.

Вскоре одна серна, из тех, что спустились вниз, вышла из кустов, пересекла поляну и залегла за большой пихтой.

Прошло минут пятнадцать-двадцать, и там, где скрылись пять серн, снова появились на виду, как будто выросли из-под земли, две. Они застыли между редкими деревьями на опушке, высоко подняв головы и прислушиваясь. Потом осторожно, неторопливо направились к серне, залегшей за пихтой. Еще минута — и из лесу поодиночке начали выходить на открытое место остальные.

Одни прерывистыми скачками поднимались к пихтам, останавливаясь время от времени, чтобы сорвать сухую траву,

другие медленно передвигались по поляне, низко опустив головы к земле. Телята грызли кору и побегли на молодых деревьях.

Несколько серн легли в кустах. Перед тем как лечь они ударяли два-три раза копытами передних ног по снегу, словно расчищая место для лежки.

Отчетливо были видны и их загнутые назад небольшие черные рожки, поросшие зимой коричнево-рыжей шерстью, широкогрудые, короткие и сильные тела, крепкие ноги. Когда та или другая серна поворачивалась к вам спиной, в глаза бросалось «зеркало» — белое пятно на задней стороне бедер, полумесяцем окружающее куцый хвост.

Прошло около часа, и все серны, одна за другой, скрылись в пихтах. Больше они уже не появлялись: очевидно, ушли на дневную лежку.

С выгрева мы повернули направо, к Малчепе. Солнце греет все сильнее. С пихт тяжело падают на землю комья мокрого снега. Насыщенный влагой, воздреватый снег на тропе очень затрудняет ходьбу. Он набивается между каблук и подошвой, спрессовывается в кусок льда и делает неверным и даже опасным каждый шаг. Нога соскальзывает с оттаявшей травы и сырых корней. Приходится внимательно выискивать место, куда поставить ногу; чуть заметная ямка, выбитая в камнях копытами серны или кабана, кажется спасеньем. Вдобавок ко всему, тропа во многих местах перегорожена упавшими стволами буков и пихт. Бессонный, с помощью которого я перебираюсь через валежины, утешая меня, называет эту чортову крутизну «маленьким склоном».

Вообще Бессонный великолепно выбирает дорогу. Если бы не хитрые и на первый взгляд непонятные зигзаги, которые мы с Пономаренко проделываем вслед за ним, я в своих тяжелых охотничьих сапогах так и не выбрался бы отсюда.

Бессонный ходит, как медведь. Чуть сгорбившись под рюкзаком и винтовкой, он ступает неторопливо, как будто даже тяжело, а на самом деле — легко и быстро. В рыжих суконных гамашах и разбухших от влаги сыромятных портянках и ноги его кажутся мохнатыми, как медвежьи лапы. Бессонный — в своей неизменной буденовке и коричневой куртке, поверх которой надет синий ватник с обгоревшей правой полкой: след почечки в балагане у костра.

Пономаренко обут и одет почти так же, но на голове его — огромный трех из шкуры дикой козы. За спиной — рюкзак, за поясом-патронташем заткнут топор. Винтовки у Пономаренко нет. Стянутая патронташем талия его стройна и гибка, как у горца. В походке Пономаренко — большая легкость и какое-то своеобразное изящество.

Мы поднимаемся правым берегом реки Малчепы, по течению. В глубине ущелья слышен нарастающий гул стремительной воды. Тропа поворачивает мимо блестящих, похожих на уголь осипей шиферного сланца. Из аспидно-темной отвесной стены сочится тонкой струйкой вода, стекая в неглубокую впадину в камнях. Снег вокруг впадины истолтан сернами до того, что превращен в лед. Сверху и снизу склона к впадине ведут многочисленные следы серн. Это их излюбленный солонец. Я пробую воду: она очень солоня и по запаху напоминает выдохшийся нарзан. Приторно-солонный прикус долго потом чувствуется во рту.

Начинается спуск. В сотне метров от сернового солонца видна кабанья лежка — чернеющая среди снега большая овальная выемка в земле, оглаженная рылом и телом кабана. Неподалеку мы наткнулись на следы только что пробежавшего гурта диких свиней в десять голов и другого гурта — голов в двадцать. Свиньи, повидимому, были вслугнуты нами и мчались изо всех сил. По пути их бегства снег распахан широкими и глубокими грязно-черными бороздами. Всюду вдоль кабаньей тропы и по сторонам от нее, под буками, темнеют в снегу полудунья вскопанной земли и валки смешанных со снегом намокших листьев.

Еще дальше по траве, в низине, через которую протекает ручей, нам встретились кабаньи купалки. Вся обширная низина похожа на пашню: так она изрыта и исхожена десятками свиней. Снега здесь почти нет, и только между черными комьями и кочками, в сделанных кабанями углублениях — купалках, видны оконца мутной воды. Здесь валяются, по уши в грязи, дикие свиньи: очевидно, они охотно купаются и зимой. Тут же, в двух десятках метров выше купалок, находятся и кабаньи солонцы — истоки ручья, в ложбине которого расположены купалки. Следы посещения здесь так же многочисленны, как и на солонцах серн. По вкусу и запаху вода в кабаньем солонце сходна с серновыми солонцами, но содержание солей в ней значительно меньше. Как говорит Григорий Иванович, в суровые зимы минеральные источники замерзают на пятнадцать-двадцать сантиметров, и тогда кабаны грызут солоноватый лед.

Сделав за день около десяти километров, мы еще засветло пришли к месту нашей ночевки. Балаган сколочен из новой, еще белой драги в форме неправильного четырехугольника. Крыша несколько скошена в одну сторону — для стока воды. Балаган построен Бессонным и другим наблюдателем в октябре прошлого года, потому и назван Октябрьским. Балаган расположен на речной террасе, в нескольких десятках метров от Малчепы.

У двери балагана на снегу видны следы дикого кота. Они оказались и в самом балагане — на пеще старого кострища. Кот был привлечен сюда остатками пищи и мышами.

Бессонный и Пономаренко в полчаса заполнили все углы буюковыми и пихтовыми горбылями и развели жаркий костер. Бук был сыроват. Пришлось пустить в ход пихтовые поленья и на растопку — сосновые ветки. От этого балаган затянуло густым смолистым дымом, а затем, когда загорелась пихта, поднялась неистовая стрельба. Пылающие искры с треском взвивались к потолку, сыпались на нас, угрожая превратить в решето нашу одежду; кое-где в самом деле она уже начала тлеть. К счастью, скоро загорелись подсушенные на костре буюковые дрова, стрельба прекратилась, и яркое ровное пламя осветило балаган.

Порывшись в темном закоулке, Бессонный достал хорошо сохранившийся медвежий череп. Это дало повод Григорию Ивановичу и Пономаренко для оживленного разговора. Пономаренко утверждает, что в заповеднике встречается почти белая, «серебристая» разновидность медведя. Однажды Пономаренко проходил в альпийской зоне, недалеко от большого снежного пласта. На снегу ничего не было видно. Вдруг Пономаренко приметил какое-то слабое движение, и перед его глазами очутился совершенно белый медведь, которого только с трудом можно было различить на снежном поле. Григорий Иванович согласен с Пономаренко.

Запас «звериних историй» у обоих наблюдателей исчерпан.

Григорий Иванович рассказывает, что два-три года тому назад, в снежную зиму, тридцать оленей, спасаясь от голода, зашли в один из поселков апшеронских нефтяных промыслов. Рабочие приютили истощенных животных в сараях и кормили до наступления хорошей погоды. Олени были очень доверчивы и вели себя, как домашний скот. Когда потеплело и снег стаял, олени один за другим стали выходить на улицу, нюхать воздух и, как ветер, уносились в окружающий лес. В ту же зиму сотни диких коз спустились по реке Пшехе в армянский поселок, набились во все дворы. Так же как олени, они спасались у человека до наступления оттепели. Нужно сказать, что при этом был только один случай, когда человек убил доверившееся ему животное.

*Малчепя—Гузериэль,
30 января*

Утром, в шесть часов, мы были разбужены криками сов. В лесу было еще совсем темно. У самого балагана надрывалась неясность, ей вторила другая, третья. Совиний стон и хо-



хот гулко разносились повсюду и замрли во мраке. Эта переключка продолжалась около получаса, затем наступила глубокая предрасветная тишина.

Поднялось солнце. Пономаренко успел сходить на Мальчену. На снегу у реки он видел свежий след матерого волка. Мы сидим в балагане. Из щелей в стенах тянет зыбким утренним холодком. Подбрасываю в костер буксовых поленьев и ставлю на раскаленные угли закопченный чайник. Пока греется чай, Пономаренко рассказывает о своей любимой Терновой поляне.

— Когда сова охотится ночью, она трещит и шелкает клювом, скрегочет. Птицы со страху взлетают, и сова тогда их ловит. Сова скрегочет еще, чтобы напугать своего врага — зверя или человека. Сова и сойка — самые злые губители птиц. Они беспощадно уничтожают яйца и птенцов. Ползет бывало мой сынишка утром посмотреть на гнезда шпакон, дроздов, а там нет ни яиц, ни птенцов, одна скорлупа или пух в крови — остальное сова съела.

Ворон — хитрая и осторожная птица. Ко мне на огород, на Терновой, повадился два ворона клевать арбузы. Если увидят меня с ружьем, снимутся, улетят на Косую поляну (там падала была) и больше в этот день не явятся. Жили они в присколках, на вершине Пшекиша. Летали вороны всегда парой в одно и то же время — утром на огород, оттуда на Косую до самого вечера, а перед закатом отправлялись на ночлег, в скалы. Когда они летят, кричат глухо, скрипуче: «Кроу-кроу!» Видят вороны очень далеко. Один раз они сидели на поляне, метрах в шестидесяти от меня. Я ел хлеб. Мне нужно было взять неподалеку ведро. Положил я кусок хлеба на траву. Только отошел на несколько шагов, вдруг слышу сзади свист, будто сильно бросили камень или палку. Я глянул, а это зорон, как молния, налетел на хлеб, схватил его, взвился — и был таков. Во время пахоты вороны ходят за мной по борозде, червей собирают. Сами они большие, черные, блестящие.

Когда созрели арбузы, стал кто-то пошалить у меня на огороде, глядишь, каждый день проедены два-три арбуза. Сначала я подумал на оленя или волка, потом решил, что это косуля: у нее узкий рот, у оленя же рот широкий, а волк, тот так грызет, что сразу кило отхватит. Я показываю испорченный арбуз научным работникам. Они говорят тоже, что это коза. Стал я караулить, но долго ничего не мог подметить. Только раз рано утром смотрю: сидят мои два ворона на ого-

роде и долбят клювами арбузы; стук стоит кругом. Вот, оказывается, чья это работа. Много они проклевывали арбузов, а все же я очень полюбил своих воронов. Когда я уходил с Терновой, так просил не стрелять их.

Там же, на Терновой поляне, привыкли ко мне четыре косули. Они паслись метрах в ста от меня, а то и ближе, и не боялись. Я покуриваю, а они смотрят на меня, шиплют траву или балуются: становятся на дыбки, брыкаются, как жеребята. Спали они совсем близко за хатой. Поздно осенью одна из них утонула в Кише: должно быть, волки загнали.

Олень часто спасается от волков в воде, но он высокий и сильный, не потонет. Зато зимой волки загоняют оленей на лед и там их режут...

...В двенадцать часов дня мы отправились в обратную дорогу на Гузеряль. Идем кабаньими тропами через поляны, сплошь изрытые дикими свиньями. На тропе — следы дикого кота. Он прошел впереди нас недавно. Отпечатки его лап, особенно на чистом снегу, покрывающем упавшие стволы, через которые перелезал кот, еще не успели расплыться под лучами солнца. Мне не раз приходилось замечать, как звери пользуются чужими тропами.

Мы идем попрежнему правым берегом Малчелы. Внизу, под крутыми осыпями, шумит река. В нее стекают со склонов бесчисленные ручьи. Их стывшая вода кажется черной среди источенных солнцем рыхлых снегов.

Становится почти жарко. С деревьев срываются комья мокрого снега, тяжело ударяясь о землю.

Сине-черные пихты, высокие серебристые буки обвиты свежими гирляндами плюща и омелы, испещрены изумрудными мхами, голубовато-серыми и белыми лишайниками. У подножья буков и пихт в тающем снегу стелется колючий ожинник, ярко зеленеют узорчатые папоротники и лесная овсяница, среди которой темнеют коричнево-зелеными пятнами рододендроны, лавровишня и падуб.

В вершинах деревьев слышен свист и писк мелких птиц. Пронзительно кричит чернуголовая сойка. Подобно сороке, сойка своим криком встречает появление человека или зверя. И сейчас там, где кричала она, на снегу видны следы дикой кошки с котенком, только что пересекших нашу дорогу.

Для сокращения пути бросили тропу и вступили в заросли высокого рододендрона. Они так густы, что нам приходится долго путаться и кружить в поисках прохода. В этих непролазных чащах, по словам Григория Ивановича, поросята диких свиней спасаются от волков.

Снова следы дикого кота. Он охотится на кустарниковых

полевков; об этом говорит разрытый котом мышинный ход в снегу.

На вытревах все горячее привлекает солнце. Все чаще тяжело падают с ветвей мокрые снежные комья. В воздухе летают бесцветные бабочки и долгоножки. То там, то здесь под прикрытием куста или сугроба на оттаявшем клочке черной дымящейся земли ярко зеленеет тонкий стебелек молодого растения. Кажется, что он пробивается сквозь снег и растет на глазах...



ВЕСНА

*Даховская—Гузериэль,
21 апреля*

Рано утром я выехал верхом из Даховской на Гузериэль. Земля за ночь затвердела, как железо. В морозном воздухе далеко разносится цоканье копыт. Начинает пригревать солнце. Синеватая корка льда на лужах и выбоинах по тропе оттаивает, прогибается под ногами коня и с хрупким хрустом раскалывается на слюдяные треугольники и звезды. С крутых гранитных стен ущелья падает сверкающий дождь капели. По мельчайшим трещинам, тихо журча, словно разговаривая между собой, стекают тысячи ручейков.

Все горячее солнце, все звонче говор ключей. Пенясь и гремя, с гор бегут мутные потоки раскованной солнцем воды. На черных, как бархат, проталинах остро и радостно вспыхнули голубые, золотисто-желтые, красные огоньки первоцветов. По-весеннему, вызывающе-громко кричит сойка. Не умолкая, свистят и звенят деловито гомозищающиеся в ветвах

дрозды и синицы. Ударяя толстым клювом в сухой сук, выбивает быструю дробь дятел и вдруг остановится, склонив голову набок, и прислушивается, будто дивится собственной силе. Где-то далеко в лесу стонет и рокошет дикий голубь. Однозвучно кукует кукушка.

Деревья еще голы. Но на ветках уже набухли сердцевидные, в нежном пуху почки, и от этого кажется, что леса впереди и по сторонам тропы затянуты тонкой завесой зеленого дыма. Осыпанные мелкими желтыми цветами, кусты кизила горят и не сгорают и перебрасывают пожар цветения с хребта на хребет, из долины в долину. Над кустами кизила, переливаясь всеми красками радуги, трепещут живым облаком бабочки и мотыльки. Густо гудя, черно-желтые мохнатые шмели пронизывают воздух, как пули.

Солнце и весна наступают по всему фронту. Снег прыгает за каждым камнем, припадает к каждой морщине земли. Он медленно отползает по расклинам вверх, туда, где еще все бело, где нависли подточенные солнцем карнизы и козырьки лавин, где клубятся и воют последние свирельные бураны.

На плоских речных террасах стоят спокойные большие озера. Мой конь бредет по брюхо в воде. Местами он почти плывет. Над водой, как руки утопающих, поднимаются нагие ветви кустов. В неподвижной, освещенной до дна желто-зеленой глубины мгновенными тенями проносятся стайки мальков. Сквозь прозрачное тело самых младших виден скелет и темнеет нитка внутренностей. Выпуклые золотисто-черные глаза мальков как будто прикреплены к этим нитям и потому кажутся неумеренно большими. Вспугнутые мною лягушки прыгают в воду, закапываясь в ил, и каждый раз на дне взрывается клубочек мути. Парную поверхность разлива бороздит толстый серый уж. Голова его высоко поднята, и от ее гладкой чешуи, ослепительно блестя, отражается солнечный луч.

Гузериэль, 22 апреля

Вместе со старшим лесничим заповедника Владимиром Николаевичем Степановым мы с утра бродим по лесу, поднимаясь выше и выше в горы. Степанов — энтомолог, специалист по златкам. В Кавказском заповеднике он работает совсем недавно, но успел уже найти несколько видов златок, не известных науке.

В лесу тепло и влажно. Лиственные деревья еще совсем голы. На земле бурным толстым ковром лежат прошлогодние листья и травы. Им долго тлеть, пока они не рассыплются на мельчайшие частицы и не превратятся в жирную, плодородную почву. Местами обнажена бархатно-черная, напоенная талой водой земля. Здесь горят всеми огнями ранние цветы.

Золотисто-желтая кавказская примула, кремовые анемоны, голубой подснежник, розовато-фиолетовый цикламен. Но и там, где все придавлено грудами покоровившейся ржавой листвы, сквозь ее толщу пробиваются к солнцу еще не раскрывшиеся, похожие на красные и синие копыта чашечки цветов и нежно-зеленые ростки молодых буков и пихт.

В воздухе порхают пестрые бабочки. Вот, радостно трепеща крыльями с четырьмя радужными пятнами на каждом, пролетел большой коричнево-красный «павлиний глаз». Ему наперерез мчится желтая лимонница. Узорным парашютом плавно опускается на голубой цветок подснежника ванесса «це» альбом. Эти бабочки зимуют во взрослом состоянии и весной появляются первыми.

В сине-зеленой хвое пихт, в сквозной сетке обнаженных ветвей лиственных деревьев суетятся птицы. Звенят птичьи голоса. Шумит в вершинах сырой весенний ветер.

Сплошной ковер прошлогодней листвы прорезан черными лентами звериных троп. На податливой, оттаявшей земле видны четкие отпечатки копыт кабанов, косуль, оленей.

В нескольких шагах впереди нас раздался слабый треск: за кустом рододендрона мелькнул рыжеватого-серый бок вскопчившей с лежки косули. Она легкими, высокими прыжками пронеслась через поляну и скрылась в чаще, в последний раз сверкнув белым полумесяцем «зеркала».

Широкоплечая фигура Владимира Николаевича наклонилась над полуистлевшим, покрытым лишайником и мхами бубковым пнем. Ножом и руками он разнимает на части шафранно-желтую, пахнущую пределью мякоть, осторожно разнимает на ладони каждый кусок трухи, он ищет там жуков для пополнения своих сборов. Я ему помогаю.

Постепенно раскрывается тайна гнилого пня. Безобразный, мертвый остаток когда-то шумевшего зеленой листвой могучего дерева, оказывается, и сейчас полон жизни. В его трухе находят приют и пищу сотни живых существ. Он похож на многоэтажный дом. Первый этаж, если «спускаться» сверху вниз, населен крупными, покрытыми черной блестящей броней жужелицами, пестрыми пятнистыми усачами-дровосеками, отливающимими золотом и серебром златками. Эти жуки зимуют взрослыми.

Прелая мякоть внутри холодна, и жуки еще не проснулись. Они лежат окоченелые, словно трупы, подогнув под себя скрюченные лапки. Только отысканный нами шелкунчик, когда его брали, подпрыгнул на ладони и издал скрипучий «крик». В следующем «этаже» ютятся нежные личинки в гусеницы. Еще глубже, в самой сердцевине пня, лежит огромный, совершенно голый, черный слиянок — паралимакс. Наконец почти у самой земли, в корнях, шныряют ухвертки и сороко-

ножки. Здесь же во всех направлениях прогрызены лесными мышами и полевками ходы, в них разбросаны косточки черешни и разных других ягод, скорлупа орехов и шелуха семян, все, что осталось от зимних мышиных запасов.

У жуков-короедов сейчас как раз вылет. Кора на стволах деревьев испещрена тысячами совершенно круглых отверстий, как будто простреленных дробью. Некоторые из них так малы, что их едва видно. Это выходные отверстия перезимовавших и теперь вылетевших короедов. В лучах теплого солнца кружатся и танцуют, собравшись в прозрачные облачка, миллионы крошечных крылатых жуков. Их замечаешь лишь тогда, когда они в стремительном полете, как острые песчинки, ударяют в лицо.

Владимир Николаевич кладет насекомых в стеклянную банку с эфиром и снова перебирает труху слой за слоем.

Время от времени приостанавливаясь для пополнения коллекции, мы поднимаемся к вершине Филимоновой Лысины. Вокруг раскинулся суровый горный пейзаж. На темном фоне пихт громоздятся синие камни осыпей. На изъеденной ветром и дождями шероховатой поверхности камней переплетаются розово-голубые и изумрудные узоры лишайников-ягелей и мхов.

Круто вниз на южной стороне осыпей сбегает просторная, залитая солнцем поляна зимнего пастбища, поросшая высокой яркозеленой овсяницей. В траве стелются длинные стебли колючего ожинника. Всюду светятся разноцветные глазки примул, анемонов и подснежников. Пихты на вершине — старые, морщинистые, с тяжелыми иссиня-черными кронами. Стволы и ветви деревьев оплетены омелой, плющом, ломоносом и косматой уснеей. В теневых местах и ложбинах лежит снег. Он затянута какой-то паутиной и плесенью и присыпан древесной трухой и иглами хвоя. В голубом безоблачном небе поднимаются белые громады Тыбги и Джемарука. С гор дует пронзительный ветер.

Из глубины леса доносится гулкий стон дикого голубя.

Несколько секунд тишины — и в зарослях невысоких рододендронов, совсем близко, послышался шорох и глухой отрывистый стук. Повернувшись на шум, мы увидели в двадцати метрах треск самок-косуль и козла. Самки стояли неподвижно, сбившись в кучку, и с любопытством глядели на нас, а козел выдвинулся вперед и вел себя очень странно: он изогнул шею, наклонил рога к земле, и прыгал на месте. Казалось, что он бодает воздух. При этом он сильно ударял копытами передних ног о землю, и тогда раздавался стук, сходный с приглушенной барабанной дробью. Пролетав так несколько раз, козел вдруг рывкнул густым, медвежьим басом. Он прислушался, будто проверяя произведенное им на нас впечатление, взре-

вел еще дважды и, повернувшись, со скособоленной попрежнему шеей и опущенными рогами, медленно двинулся в заросли, сопровождаемый самками. Вскоре косули опять остановились, и козел, уже в безопасном отдалении, прыгал и рывкал до тех пор, пока нам не надоело смеяться и мы не ушли.

На обратном пути мы потеряли тропу. Идем напрямик через осыпи и бурелом, путаясь в зарослях рододендронов. В одном месте, в широкой и глубокой расщелине, мы встретили свежие кабаньи купалки на берегу гремячего лесного ручья.

...Под дулистым, наполовину-сломанным стволом пихты рассыпаны коричнево-бурые свиные перья и синеватый пух: как будто кто растрепал подушку. В отверстии дупла видны голова и грудь неясности. Чудится, что кривой клюв и сведенные судорогой когти мертвой птицы защищают вход и вот-вот вцепятся в руку, протянутую к этим бранным останкам.

От совы уцелело очень немного: голова, крылья и кожа, покрывавшая нижнюю часть тела. Все остальное съедено врагом, спустившимся по выгнившему внутри стволу дерева.

Разгадка лесной драмы понятна.

Сова, поселившаяся в дупле, знала лишь тот вход, который был доступен ей самой. Вертикального дупла, также выходящего наружу, она не приняла в расчет: ведь она не дятел или поползень и не смогла бы пробраться по такой длинной и совершенно отвесной трубе. С свиной точки зрения этой возможности не существовало и для других. И вот, когда, устроившись на дневной отдых, она выставила весь свой арсенал на защиту единственной, как ей казалось, двери в жилье, через другую дверь проник лесной кот. Бесшумно и быстро он скользнул сверху на спящую крепким сном страшную хозяйку дома, прокусил ей затылок и съел ее.

Гузериэль, 23 апреля

Ко мне зашли наблюдатели Подопригора и Пастухов и бывший кишинский огородник Михаил Сафонович Пономаренко. Он теперь работает егерем-волчатником и очень гордится своей новой должностью.

Пономаренко по всегдашней привычке присаживается на корточки в углу, сбивает на затылок свою ушастую шапку из шкуры косули и, закулив папиросу, заводит беседу. Начинает он, по своему обычаю, с того времени, когда был огородником на Кише:

— Старихи говорят, что свинья дикая копнет раз-два — и



готово. А у меня на огороде они кустов по пятнадцати каждая за ночь картофеля рушили. Это будет примерно килограммов пять. Свинья все съест, оставит граммов сто, не больше. И днем и ночью костры горят, а как стемнеет, свиньи все же тут как тут. Через костры лезут, копают—не боятся ни стуку, ни грохоту. Походят по огороду, как домохозяйки, и все выберут. Я в одном месте на развилках фонарь пристроил, так они до того копали картошку, что подрывали развилки и фонарь упал. Олень, он арбузы грызет и кукурузу даже в ноябре, сухую. А ланки стоят в темноте, сердятся, гекают, чтобы я скорей уходил. Очень я люблю наблюдать привычки, ум животных: дикой свиньи, и оленя, и серны. Свинья, когда жарко, нажмет палоротника, навалит кучей и в эту кучу залезет. Палоротник прохладный, и земля под ним сырая. Так же свиньи делают, когда их ранишь. В зимнее же время встречал я только подстилку, как у курицы гнездо.

Серны и козы не устраивают дневки или ночевки в закрытом месте. Это они делают в скалах, на сколках—выступах. Они поднимаются туда и тогда уж ложатся. Оттуда им кругозор большой. Олень, тот тяжелый, он ложится в летнее время даже в лопухах. Как помотришь оленьи тропы—звери идут по хребту и опять спускаются вниз и вообще ходят по таким местам, чтобы сперва изучить окрестность, а потом проживать в ней. Идут всегда хребтиком и косогором, чтобы все кругом было видно. На чистой, открытой поляне олень ложится на холмиках среди травы.

Раз я ходил, искал по рододендрону волчьих следы и там встретил кабанью матку с поросятами. Она готовила на ночь логово: подстилку из листьев радады. Свиньи с поросятами держатся исключительно в рододендроне. Все они ютятся на южных склонах. Матка делает на каждую ночь новую лежку. Место это легко найти: поросята ссекают лист—немножко обжуют и бросают. Свиньи боятся волков, а здесь волкам трудно взять поросят. Поросята до двух-трех месяцев не хотят уходить из рододендрона. Свинья, как опоросится, никогда не оставляет поросят одних. Раз такое место мы нашли. Все корни она, бедная, объела—как страдают животные! Я выманивал поросят из радады, подражая их голосу. Один поро-

сенок высунулся, потом скрылся. Я продолжал звать, вдруг слышу: у самых ног мурчит; гляжу, а это двое поросят—вот рядом—стоят. Только я хотел их схватить, а они как шмыгнут в рададу. Я потом домой пришел мокрый, как мышь: долго за ними лазил.



Поросята, когда молчишь и не тревожишь их, не убегают. Свинья волнуется, «пугает» человека, но потом, не слыша поросят, уходит. Если же тронешь поросят, она сразу кидается. Дай матке возможность уйти, потом поросят помаленьку попугивай, тогда их отгонишь, где удобней, и возьмешь, и матка не услышит, не вернется. Так я маленький рыбу ловил где-нибудь на мелком месте, куда она через пережат сваливается. Вижу, рыба ходит—играет. По неопытности я прямо бросился хватать рыбу, ни одной не поймал. Потом изловчился: возьму хворостину и стою над пережатом. Только рыба переваливает, я ее хворостинкой: смотришь, одну-другую и выброшу, а за всеми погоняться—ничего не достигнешь. Так и с дикими поросятами.

Подопригора показывает мне свои весенние записи. Каждый наблюдатель заповедника обязан вести дневник. Эти дневники—живой календарь местной природы.

У Подопригоры записано:

«Четвертого апреля на восточном склоне Скаженного хребта начало возобновления бука: молодой росток в четыре листка. Четвертого апреля там же—первое цветение тиса и лавровишни: белый цветок, как у винограда. Четырнадцатого апреля встретил первую кукушку. Двадцать первого апреля по левой стороне реки Белой—полное цветение тиса. Цвет тиса—желто-горячий, похожий на спичечную головку. Дерево сплошь осыпано им.

Тис на северном склоне цветет на месяц раньше, чем на южном склоне.

Двадцать второго апреля начали распускаться почки груши, зацветает яблоня, полностью цветет кизил. Слышно кукуванье кукушки».

Разговор заходит о зимней охоте на волков, в этом году не особенно удачной. По словам наблюдателей, здешние волки слишком хорошо знают человека и его охотничьи хитрости.

— Наши волки не боятся следа и запаха человека,—говорит Подопригора.—Они смело вырываются из круга, когда их «обходят», не попадают на приваду. Этой зимой я сопровождал по заповеднику приехавшего из Москвы специалиста-



волчатника. На ночевке он забыл рюкзак. Мы вернулись за ним и увидели по следам, что волки шли за нами по самой тропе. Москвич очень удивился этому и говорил, что здешние волки не так боязливы, как волки из других мест.

— Я вот что скажу, — вмешивается Пономаренко, — когда волк попал в капкан и выбрался оттуда, он идет на стрихнин. Раненый, он теряет осторожность, а здоровый покружится пять-шесть раз и не берет, уходит. Стрихнин тоже дело такое: с ним надо быть осторожным. Когда ты заложил отраву с вечера, так на завтра, чуть свет, иди выбирай ее, если волк не тронул: иначе сойка раскопает и унесет. Ты сойку и не видишь, а она где-то далеко сидит на верхушке дерева и тебя наблюдает. Ей только раз глянуть, а там уж она всегда отыщет, где что спрятано. Ее не обманешь!

..Сегодня я видел на Гузерипле в одном гурте поросят — гибридов домашней свиньи и дикого кабана. Среди молодняка чисто белого цвета, как мать, резко выделялось несколько поросят «дикой» окраски. При встрече с ними белые братья каждый раз подозрительно обнюхивали их. Один поросенок совершенно как дикий: он весь покрыт ржаво-желтыми полосами и пятнами. Другой — спереди белый, а сзади пестрый — будто составлен из двух различных поросят, разрубленных пополам и затем перепутанных. У третьего — только ржаво-желтое пятно на спине. Оказывается, свинья одного из наблюдателей этой зимой приводила дикого кабана на самую усадьбу Гузерипля.

Гузерипль, 24 апреля

В пять часов утра мы с Владимиром Николаевичем Степановым отправились на Горелое. Степанов приостанавливается у каждой подозрительной гнилушки, переворачивает ее и цепотью за цепотью терпеливо перебирает сырую холодную труху, добывая жужелиц и златок.

В болотистой, поросшей пихтами и буками низине нас встретил оглушительный крик сотен соек. Их привлек сюда корм. Они шипят и мяукают, как кошки, хрипло каркают повороньему, подражают голосам разных птиц.

Над горами раскинулась глубокая и влажная синева. Леса стоят еще сквозные. В тонком переплетении голых ветвей и побегов мелко искрятся желтые цветы кизила.

Шумят и пенятся мутные потоки, стекающие с крутых каменистых стен. Тысячи быстрых ручейков разбегаются во все стороны, унося смывтую со склонов почву.

На солончаке зеленеет низкая густая щетинка молодой травы и вспыхивают голубые, красные, фиолетовые звезды первоцветов, подснежников, фиалок. В траве среди кам-

ней шныряют ящерицы. Над цветами выются в радужной пляске бабочки, проносятся шмели и пчелы.

Внизу, под нами, в каменном коридоре скачет через пороги, взмахивая гривой, полноводная Белая. Она сейчас действительно белая от пены.

Мы пытались в обход пробраться по крутому скату утеса, нависшего над ущельем Белой, но нас постигла неудача. Я чуть не сорвался в реку и ползком едва выбрался назад, судорожно цепляясь за скользкие корни и поминутно втыкая охотничий нож между камнями, а Степанова, кроме того, укусила в руку большая сколопендра. Укушенное место побелело и рука распухла. Степанов чувствовал сильную боль, как от ожога.

Перемены направление, мы поднялись напрямик на вершину скалистого хребта и дальше шли гребнем. Наш путь лежит по звериным тропам в густых зарослях рододендрона и буйно перепутанного ожинника. Всюду видны свежие лежки и отпечатки следов диких свиней и косуль.

Почки на деревьях кое-где распустились. За сутки стебли цветов и трав стали вдвое выше. В воздухе струится слабый запах фиалки.

Спускаемся по Старой Военной дороге. На коре древней пихты можно еще разобрать глубоко врезающее участинками кавказских походов обозначение года — «1862». Дорога давно заброшена, завалена камнями и буреломом, заросла высокой травой, лавровишней и падубом. Ею пользуются только дикие звери. Упавшие на дорогу и перегородившие ее огромные буки и пихты иногда образуют «калитку», сквозь которые пролезают животные поменьше. Крупные звери просто перепрыгивают через препятствие. В местах таких лазов и переходов кора на мертвых стволах сверху сбита копытами, а снизу вытерта спинами пробирающихся здесь кабанов, оленей и коз.

Владимир Николаевич очень доволен прогулкой. Сегодня он собрал интересную коллекцию усачей. Они сейчас, так же как и жужелицы, лежат оцепенелые в гнилых пнях и под корой деревьев.

Гузерипль—Малчана, 25 апреля

Рано утром вышли втроем: младшие наблюдатели Пастухов, Подопригра и я. Идем вверх по реке Малчана почти отесным левым берегом.

Уже перевалили через три высоких хребта. Дорога очень трудна: крутые каменные тропы в непролазных чащах рододен-

дрона, азалии и ожинника. От своеобразного острого запаха листьев рододендрона кружится голова.

Далеко-далеко внизу грохочет и пенится река. Мы буквально карабкаемся, цепляясь за малейшие выступы камней, за корни и ветки деревьев. И все-таки здесь хорошо!

Нагретый солнцем воздух вылетает прозрачными волнами. Над нами ясное голубое небо. Синеватая хвоя пихт четко выделяется среди серо-серебристых буков, ильмов и грабов. Лиственные деревья все еще обнажены, но почки совсем налились и готовы развернуться. Лещина уже покрыта мелкими клейкими листками.

Здесь леса ранней весной лишены ярких красок и острых ароматов. Сейчас основной тон широколиственного леса — серовато-серебряный, очень нежный, словно акварельный. Опавшая осенью листва, устилающая сплошным ковром землю под деревьями, за зиму потеряла краски. Весеннее солнце, дожди и ветры быстро заканчивают работу зимы, вымывают из мертвых листьев и уносят вместе с испарениями последние остатки багряно-золотой осенней расцветки.

Свежей, неувядающей зеленью одеты пихты, сосны, тисы, рододендроны, лавровишня и падуб. Особенно весела светло-зеленая хвоя тисов, кора на их высоких гладких стволах шелушится и отстает тонкими чешуйками, как у австралийских эвкалиптов.

Стволы деревьев и земля — в разноцветных пятнах мхов и лишайников. Некоторые лишайники похожи на пестрые куски сброшенной змеиной шкуры. В сырых, затененных местах, в корнях буков и пихт, трещинах гнилых пней раскинулись белесые сетки слизистые грибы; на зиму они заползали, подобно червям, глубоко в почву. Изумрудные иглы молодой травы то здесь, то там проткнули покров сухой листвы.

Стремительно, на глазах, растут папоротники. Вчера из земли чуть выглядывал покрытый нежной шелковистой кожей бледнозеленый кулачок; скрученные спиралью листья папоротника. Сегодня молодые, неуклюжие, как дети, папоротники уже подняли в воздух полуразвернувшиеся султаны.

Только ранней весной видишь, как обширны подснежные и надснежные зимние пастбища копытных животных. На выгревах по горам разбросаны большие поляны перезимовавшей овсяницы. На низких местах южных склонов, в ложбинах ручьев зеленеют шпаговидные листья высоких осок. Вечнозеленые плющ и омела обвивают стволы и ветви деревьев. Ожинники попеременно с плющом заплели своими колючими тенетами огромные участки на гривах хребтов.

В верхних деревьях и кустах, не умолкая, поют птицы. Вот, словно звон стеклянного бубенчика, раздается нежное



призывное «зю-р-р-р, зю-р-р-р», а вот тонко-тонко дребезжит порванная струна.

Звериная тропа, по которой мы идем, пролегла вдоль самого гребня, в рододендронах и азалии. Она так широка и так выбита тысячами копыт, что кажется проезжей дорогой. Стволы старых пихт по сторонам ее лишены коры на уровне роста кабана. Обнаженные места отполированы до блеска, и на задоринах и в ступках смолы торчат пучки бурой и черно-седой щетины. Здесь проходили и проходят поколенья диких свиней: это их главная улья.

Под пихтами чернеют бесчисленные покопы и лежки кабанов. Тут же на сырой податливой земле видны свежие следы медведицы с медвежонком. Звери рылись под корнями дерева, разламывали пни, переворачивали карчи и камни. Медведи только что ушли. Об этом говорит вода, еще сочащаяся в глубоко вдавленные отпечатки медвежьих лап. Медвежонок был сильно испуган: поворачиваясь, он поскользнулся и всем боком проехался по грязи. Он спотыкался и падал еще несколько раз, спеша за матерью. След медвежонка, очень маленький и смешной, похож на отпечаток детской ноги с подвернутыми пальцами.

В вечерних сумерках мы спустились к реке. Нужно переправляться на другой берег Малчепы. С одного берега на другой переброшено дерево с раскинутыми во все стороны ветвями. Это «кладка», по которой нам надо перебираться. Внизу бурлит и грызет камни полая вода. Я почувствовал себя не очень важно: у меня нет практики канатного плясуна, и ботинки мои с твердой подошвой совсем не приспособлены для хождения по скользкому круглому стволу. Но делать нечего. Я передал спутникам рюкзак и, держась за ветви, кое-как одолел этот «Чортов мост».

Шалаши дранщиков оказался пустым.

Нам нужно снова переходить на левый берег. Вторая кладка меня окончательно ошеломила. Малчепя в этом месте значительно шире, берега отвеснее, река ревела и грохотала, высоко швыряла пену и брызги. Поваленная пихта лежала над водой очень неустойчиво, едва касаясь противоположного берега макушкой. Вдобавок все ветки вдоль ствола были тщательно обрублены. Я наотрез отказался подвергать свои нервы новому испытанию и предложил заночевать в шалаше дранщиков, тем более, что стало темнеть. Долго убеждали меня наблюдатели. Наконец я махнул в отчаянии рукой и согласился, но с одним условием: я на этот раз не перейду, а «переду» по кладке. Пастухов оседлал кладку, я сел вплотную за ним и, опираясь ладонями о мокрый ствол дерева и упорно глядя в спину Пастухова, отправился в сомнительное путешествие. Все обошлось благополучно, только на самой середине

я чуть не упал в воду, неожиданно зацепившись ногой за незамеченный в темноте сук.

Мы решили добраться до балагана, где я был с Бессонным зимой, и там устроиться на ночевку. Пастухов ушел вперед. Мы с Подопрigorой бредем медленно, ощупью, с трудом находя дорогу в черноте ночи. Скоро нам пришлось остановиться: мы застряли в какой-то неразберихе камней и валежника в начале крутого подъема.

Была слабая надежда: может быть, дранщики близко. Подопрigorа крикнул. Долго никто не отзывался. Затем донесся далекий отклик. Мы крикнули еще и еще раз. Ответный голос приближался.

Вверху между деревьями сверкнула желтая искра, пятна света пробежали по стволам, скользнули навстречу нам, вырывая из тьмы отдельные камни и пни. Мы выбрались из западни и поднялись на хребтик. На вершине стоял Пастухов с самодельным факелом — толстой веткой смолистой сосны — в руках. Сосновый сук горел, как свеча. Через четверть часа мы были уже в балагане.

За чаем, у костра, Пастухов говорит, прислушиваясь к гулу Малчепы:

— Река эта для выдры удобная. Выдра в Сахрае ныряет в быстрину, в самые шумы — водопады. Раз мы там рыбачили, поставили хватку. Выдра плыла под водой, забралась в хватку и начала есть рыбу. Вытащили мы выдру вместе с пойманной рыбой.

— Выдра далеко уходит от реки, — замечает Подопрigorа. — Она часто забредает в самые неподходящие места. В Хостинской роще выдра попала в цементированный колодец. Там ее утром и нашли.

Разговор обрывается. Все слишком устали. Вытягиваюсь во весь рост на душистой хвойной подстилке. Сладкая истома охватывает тело.

Берег Малчепы, 26 апреля

Еще до рассвета, в полной тишине, лес оглашается шумным гомоном птиц. Наблюдатели ушли к дранщикам — клеймить деревья, отобранные для рубки.

Костер погас. Я сижу один в балагане. В открытую дверь



мне хорошо видна поляна и обступившие ее со всех сторон пихты и буки.

На старую пихту у самого балагана сел пестрый дятел. Он пробежал взад и вперед по стволу, деловито разглядывая трещины в коре, перепрыгнул на сухой сук и с ловкостью фокусника повис вниз головой, быстро вертя шеей. Его круглый блестящий глаз, обращенный ко мне, заметил что-то подозрительное, и дятел, разжав когти, стремительно нырнул в синеву. Следом на то же дерево опустился большой черный дятел — желна. Он издал резкий крик: «ки-и, ки-и», победоносно оглянулся вокруг и принялся долбить. Потом дятел быстро перебежал на другую сторону и начал снова работать клювом. Красный берет на его угольно-черной голове горит, как кусочек пламени.

В густой кроне пихты певчий дрозд устроил настоящий концерт. Он рассыпается в соловьином щелканье и свисте, звонит в маленькие колокольчики, играет на флейте и издает десятки других, не передаваемых по красоте и нежности нот. Сразу в нескольких местах одновозвучно закуковали кукушки.

Впереди, между двумя мшистыми камнями на опушке леса, мелькнуло рыжеватое-серое пятно... На поляну вышел дикий кот. Я вижу его длинное, гибкое тело на коротких лапах, круглую усатую голову с тупыми ушами и желтыми раскосыми глазами, не мигая глядящими исподлобья. В зубах у кота трепыхается только что пойманная птица. Он припал к земле и начал расправляться с добычей, запустив в нее когти и зубы. Покончив с птицей, кот бесшумно скользнул назад в чашу, вытянув, как палку, толстый, словно обрубленный, хвост в темных кольцах. На месте его обеда осталось несколько перьев и обрызганных кровью белых клочков пуха.

Спускаюсь к бормочущему внизу ручью напиться. Нога ступает по голубому ковру фиалок.

Под вечер в вершинах прошумел ветер. Он раскачивает могучие стволы пихт и буков. Стоящие рядом деревья трутся друг о друга с глухим скрипом. В синей лаве, где гремит река, дважды рывкнул медведь.

Стемнело. В сине-черном небе вспыхивают звезды.

Я разжег костер и, подвесив котелок с водой, сел на пороге. Вслушиваясь в голоса и шорохи ночи. Певчий дрозд и во мраке продолжает свой любовный концерт. По лесу перекатывается совиная переключка. Где-то внизу стукнул сорвавшийся камень, хрустнул сушняк, в темноте бродят звери.

...Вернулись наблюдатели. С ними пришел руководитель артели дранщиков Яков Лукьянович Бородавкин.

Пастухов и Подопригора успели поймать в Малчепе на удочку десятка два жирных форелей. Поджарили рыбу с луком и прекрасно поужинали.

Наблюдатели легли спать. Нас с Бородавковым не тянет ко сну, и мы вполголоса ведем беседу.

Слегка угловатое лицо Якова Лукьяновича освещено застенчивой мягкой улыбкой, которую я часто встречал у людей, подолгу живущих в горах и лесах. Бородавкин — хамышкинский старожил, лесоруб и охотник. Он хорошо знает здешние места.

Он рассказывает:

— В тысяча девятьсот тридцать четвертом и тридцать пятом году в Хамышках среди охотников ходил слух, что за Фиштом, на Грачевском перевале видели зубра. Зубров здесь было очень много. К Богатым солонцам на реке Холодной до сих пор ведут продолженные ими тропы, широкие, как дороги. Теперь ими пользуются олени и кабаны. Деревья вблизи троп и солонцов часто бывают внизу вытерты спинами зверей. Кабаны особенно охотно трутся о стволы сосен, потому что там много смолы. Дерево, которое для этого выбрали дикие свиньи, обязательно усыхает, о него трутся сотни животных, и оно теряет соки. Особенно много смолы в корнях сосны: они от смолы почти черные. Черкесы делали свечи из этого дерева.

В наших лесах во множестве водятся сови-полчки, лесные и садовые совы. Мне не раз приходилось зимой выкапывать полчков из торфяных куч, — где торф не чистый, а смешан с разным мусором, — на метровой глубине, или вырубать из дупла: они там же лежат по два, по три и по пяти, замерзшие, будто колчужки (поленья). Случалось, я полчка даже перепиливал пополам, как кость. Раз я перерубил одного топором. Тело у него было застывшее, вплоть до кишок, и если поцарапать, так крошилось, как лед. Из дупла, где один полчок был перерублен пополам и оказался насквозь мерзлым, я достал еще четырех. Лежали они просто в трухе и черной жиже, которая натекла в дупло. Я думал, что они мертвые, но все-таки принес их домой, чтобы показать ребятам, а они в тепле отогрелись, смотрю, один стал водить лапками. Я закутал полчков в тряпку и положил на запечек. Все они отошли и стали бегать по хате. Однажды повадился к нам полчки в балаган сосать сахар. Никуда нельзя было его спрятать. Весь сахар они нам уничтожили.

Много тут ласок. Они бывают совершенно белые, рыжие с белой грудью, черные с белой отметиной на груди и пестрые, рябые. У меня в сарае, в Хамышках, живет совсем белая ласка.



Мы ее не беспокоим: она всех мышей перевела. Однажды заходим на чердак, а там в куче лежит двенадцать убитых мышей — ласкина работа. Мы стоим, смотрим: ласка тут же бежит в уголке, не боится нас. И везде она шныряет, привыкла к людям. Видит, что мы ее не трогаем, а собак и кошек у нас нет.

О змеях скажу, что здесь их много, самых разных. Есть черные, как уголь, большие, толстые, длиной полтора метра и больше. Есть черные же, очень тонкие и длинные, серые змеи и красные, как жар, небольшие, сантиметров пятьдесят-шестьдесят в длину. Встречается красная змея с поперечными черными полосами, очень злая. Есть много змей, которые легко взбираются на кустарники и ветки деревьев. Как-то утром я слышу — кричат куры в огороде, смотрю: высоко на ветке яблони растянулась на солнышке большая змея, совсем черная. Одну очень длинную, толстую, черную змею, убитую мной, я отдал научному сотруднику заповедника. Он ее заспиртовал и сказал, что это большая редкость.

*Малыгина—Гузерица,
27 апреля*

Как-то сразу, почти одновременно распустились почки бука, граба и клена. Вчера буки были еще голые. Сегодня, в восемь часов утра, на них густо высыпали крошечные ворсистые листки, а к двенадцати часам дня листья уже стали вдвое крупнее. Алыча облита молоком душистых белых цветов. Вот-вот развернутся набухшие копьевидные бутоны азалии. Здесь видишь и слышишь, как растут травы, цветы и деревья. В лесах, окутанных нежной зеленой дымкой раскрывшихся почек, озорно и радостно гремит барабанная дробь дятла.

Возвращаемся втроем в Гузерицу. По дороге встретили Григория Ивановича Бессонного. Устроили привал под старой пихтой. Беседуем.

Подпригора рассказывает о привычках полчков.

— В Хостинской роще заповедника полчков больше, чем букового ореха. Полчок залегает на зиму страшно жирный. Никаких запасов он не собирает и не делает в дупле подстилки. Он в зимние холода замерзает, как кошка, которую выбросили на снег. Полчки зимуют «семьями», от трех до шести штук.

— Григорий Иванович, — спрашивает Бессонного Подпригора, — чем это объяснить, что мы видели медведя, который всю зиму не ложится, все бродит и роется?

Немного подумав, Бессонный неторопливо отвечает:

— Это, Володя, бывает так. Один медведь у другого захватит берлогу, и тот, что остался без берлоги, шатается всю

зиму. Я сам видел, как медведь медведя выгонял из берлоги. В берлогу были накинаны пихтовые ветки, мох и сухие листья. Медведи подняли драку и страшно ревели. Хозяину берлоги не удалось выгнать медведя, залегшего в его жилье. Он и пошел бродить.

Киша, 28 апреля



Продолжается стремительный рост трав, цветов и листьев. Высоко над землей, по пояс человеку, развеваются султаны молодых папоротников. Рядом с ними истлевают обугленные остатки перезимовавших растений. За последние сутки леса в долинах перестали быть сквозными. Деревья одеты сверкающей зеленью. Широкие, сердцевидные листья бука раскинулись, как на ладони, навстречу солнцу и светлому дождю. Буйным белым цветом цветут алыча и черешня.

Гулко барабанит дятел. Рассыпает стеклянные бубенчики певчий дрозд. Торопливо и оглушительно кричат древесные лягушки—квакши.

Тропа вьется по узкому карнизу над Кишей. На тропе встречается множество мертвых мышей: на трупах следы укусов. Сейчас у куниц, лис и диких котов много добычи, и они просто убивают мышей, не поедая их.

В глубокой теснине седая от пены река прыгает через камни и хлещет водой на несколько метров вверх.

Дымный туман сползает с хребтов. Не прерываясь ни на минуту, идет дождь, пронизанный солнечными лучами, прозрачный, теплый. От этого воздух вокруг, как в оранжерее. Он наливает до краев весенними соками и гонит все выше щедрую растительность леса.

На склонах гор веселыми пятнами зеленеют поляны. На них то здесь, то там пасутся олени. Крутые каменные берега Киши изрезаны черными бороздами звериных переходов.

Когда я подъезжал к зоологической станции, дождь прекратился. На синем небе стали видны серебристо-белые вершины Пшешкиша. Снега еще лежат горбатыми сугробами в березовом криволесье и рододендронах и таят острыми языками к верхней опушке пихтового леса.

Киша, 29 апреля

Один из научных сотрудников зоологического сектора зимовал на Тегеня.

Животные сначала встречались часто. Он видел семь оленей и тридцать серн, на Тыбге — стадо туров в сто пятьдесят голов. Вокруг зимовки бродили две рыси.

Высоко в горах зимовали кавказские тетерева и совы. Во время лыжных походов не раз приходилось наблюдать, как тетерева ныряют в сугробы и, пробежав под снегом, вновь свежей поднимаются в воздух.

Держалась теплая погода — от нуля до десяти градусов выше нуля. Но временами свирепствовали бураны, выпадали глубокие снега, обрушивались лавины. Иногда зимовку заносило так, что не выходили из дому по шести дней: нельзя было открыть дверь.

На альпийских лугах весна началась в первые дни апреля. Высокогорная весна особенная, неповторимая. Над двухметровыми сугробами летают бабочки. Проталины среди глубоких снегов цветут коврами молочно-белых и голубых подснежников.

1938 *Марьенина поляна, 30 апреля*

Еще до зари я отправился с Григорием Ивановичем на Марьенину поляну. Там сегодня устраивается облава на волков.

В лесу темно и сыро. Со всех сторон слышится совиный смех и стон. Проходит полчаса, и окружающий нас мрак понемногу начинает сереть. Прощебетала первая пичужка. Вслед затем лес наполняется свистом, щелканьем и тонким серебряным звоном. Стучит дятел.

Светает. Закуковала кукушка. В полумгле рассвета призрачно белеют кусты алычи. На землю опускается низкий туман. Внизу, далеко под нами, гремя, извивается между скалами Киша. В размытой ручьями пади тускло мерцают озера солонцов. Их застоявшаяся вода кажется жирной и тяжелой, как греть. Тонкие берега луж изрыты следами животных. С гор ведут сюда хорошо утопанные тропы.

Здесь ранняя весна. Почка на деревьях еще не распустилась. Алыча только начинает цвести.

На Марьениной поляне зимовал табун заповедника. Он и теперь находится тут. В просторной ограде стоят десятки лошадей. Их длинные гривы и хвосты усыпаны цепким репейником, слутаны и сбиты в комки: это неизбежно, когда лошади пасутся в субальпийской высокой траве. Рядом с оградой стоят длинное бревенчатое здание зимней конюшни, а в двадцати шагах через двор — свежесрубленный из пихтовых стволов дом табунщиков.

Идем дальше в горы. По дороге Бессонный рассказывает мне историю Марьениной поляны. До покорения Кавказа здесь жили черкесы. Потом, во время Кубанской охоты, поляну арендовал богатый казак Марьенин, у которого были тут хутор, покосы и пасека. Марьенин сменил великокняжеский егерь Одбевский. В четырех километрах от Марьениной

находился хутор охотника-черкеса Лабазана. У него и его друга Белякова были построены балаганы на звериных бродах через Кишу. Охотники засядут то в одном, то в другом балагане и бьют зверя прямо в воде, при переходах. В балаганах у них всегда висели копченые и вяленые окорока зубров, оленей, кабанов, медведей и шкуры разных зверей. Старики говорят, что Лабазан с Беляковым убили до ста зубров. Один Лабазан застрелил восемьдесят зубров. Хотя охота на них и на оленей была строго запрещена, Лабазана не трогали, потому что он приносил атаману отдела окорока и шкуры, бывал у приезжих из столицы проводником на охоте.

— Это был высокий, могучий старик-черкес, — вспоминает он. — Лабазан еще участвовал в войне 1864 года. Лихой был охотник. Летом и зимой в одних самодельных чулках, без шапки в мороз и ветер идет прямо по снегу и через воду. До сих пор на хребте Дудугуш есть Лабазанова тропа. Был у него кровный друг — старик Беляков, тоже замечательный охотник. Случалось, они поссорятся, разойдутся, а после бродят по лесу, ищут друг друга. Лабазан жил больше на Марьениной поляне, в Хамышки заходил только передохнуть и выпить, а потом — опять в лес...

Мы взобрались на крутой отрог Дудугуша.

В десятке шагов от нас, в частом дубняке послышался легкий шорох, затем заглушенный топот. Через несколько секунд — снова шорох и топот чуть дальше.

Быстро проскользнув по звериной тропе через заросли, мы очутились на открытой поляне. Шум шел отсюда.

На поляне темнеют овальные вмятины четырех лежек. Мы вспугнули оленей. Прошлогодняя трава на местах лежек, несмотря на холодную и сырую погоду, согрета телами только что вскопавших животных. На траву обронены светлорыжие шерстинки: олени сейчас линяют. Возле лежек видны следы еще трех оленей. Эти олени стояли, может быть, паслись. Лежки расположены не вплотную, но неподалеку одна от другой. Сухая листва по пути бегства оленей взбита и обнажает черную землю. На тропе и на сучьях деревьев рыжеют клочья оленьей шерсти.

В лесу пусто и голо. Молодой травы еще нет. На полянах желтеют первы цветы. Здесь около тысячи ста метров, выше Гузериля на пятьсот метров и Киши на триста метров. Каждые десять метров вверх или вниз означают на этой высоте разные сроки для роста зелени и цветенья. Вот алыча: она вся усеяна чуть приоткрывшимися почками, из которых выглядывают, словно белые горошины, еще не развернувшиеся цветы. А в каких-нибудь пятидесяти метрах ниже алыча уже в полном цвету.

Спускаемся с хребта в долину Киши.



Охотники уже возвратились на зоологическую станцию. Из облавы ничего не вышло. Гай выгнал дикую козу, а волк, как утверждают очевидцы, стоял в это время за оцеплением, в скалах, и с удовольствием наблюдал сумасшедшую скачку перепуганной козули.

Наблюдатель Кишинского кордона Николай Филиппович Жигайлов, с которым я познакомился сегодня, рассказывал мне о двух любопытных случаях взаимопомощи среди диких животных; один из них — пример совместной борьбы с тяжелыми стихийными условиями и другой — охоты сообща.

Зимой этого года он встретил двадцать шесть ланок. В стаде был почти все молодежь, годовички. Они шли по очень глубокому снегу. Головная ланка с большим трудом пробивала в сугробах дорогу. Когда она уставала, то, отойдя в сторону, пропускала мимо себя все стадо и становилась ему в хвост. Ее сменяла следующая ланка. Так, по очереди, они сменялись все.

В прошлом феврале он и два других наблюдателя, спускаясь с хребта, наткнулись на следы шести ланей и шести рысей. За каждой ланью шла рысь. По кровавым пятнам на снегу видно было, что все олени ранены рысями.

Кита—Ломтева поляна, 2 мая

В шесть часов утра вышел вместе с Сергеем Сергеевичем Донауровым на солонцы.

Небо заволочили серо-сизые тучи. Моросит мелкий дождь. Вершины окружающих гор — в пятнах и языках нерастаявших снегов.

По пути к солонцу Сохи встречается много оленьих и кабаньих следов. На тропе — похожие на собачьи, но поменьше и уже, следы лисицы и ее помет, в котором много мышиной шерсти. Рядом четко отпечатаны какие-то странные большие кресты. Это след когтистых лап совы. Ночью она опустилась сюда с добычей; в грязи топорщатся намокшие под дождем перья черного дрозда.

Звенят и свистят птицы. Выбивает весеннюю трель дятел.

Сухой сук содрогается, как живой, и гремит и нежно рокошет под быстрыми ударами крепкого клюва.

Идем к солонцу.

Он весь истоптан оленями и кабанями. Сюда приходили и ланки с телятами. Поднимаемся к Венгерской поляне. На черной влажной тропе оттиснуты острые треугольные копытца козули.

Справа от нас зашевелился мелкий осинник. В кустах мелко кнуло рыжее тело оленя. Несколько секунд слышался шум раздвигаемых веток и шорох сухих листьев под копытами. В зарослях, в двух шагах от тропы, оленья лежка, еще теплая, и в ней — выпавшие остинки лняющей шерсти.

На Венгерском солонце мы также зверей уже не застали. О ночных посетителях говорило лишь месиво грязной жижи в солонцовых лужах и десятки купалок и порохов вокруг. Выше расположены еще четыре солонца — Бульвар. Они лежат ярусами, один над другим, на склоне глубокой балки. Дорога к ним идет сквозь лиственный лес, похожий на старый, запущенный сад. Здесь смешаны осинники, буки, березы, граб, терн, алыча, груша. Земля под деревьями усыпана пушистыми, мягкими, как вата, плодами ивы.

На первом солонце не видно свежих следов оленей. Только кабан купался здесь сегодня и вырыл две корытообразные ямы. Вблизи солонца поставлена кормушка — выдолбленный в двух местах ствол дерева; в углублении заложен картофель и бурок. Но звери к кормушке пока не подходили.

В истоках следующего солонца, в крутом скате холма, олени выгрызли целую пещерку. Звери побывали и на двух остальных солонцах; олени и кабаны так замесили их, что невозможно разглядеть отдельных следов.

Мы поднялись на Ломтеву поляну. У самой опушки стоит растрепанный ветрами соломенный шалаш. На поляне разбросано побуревшее сено. Сухая трава на корню повалена зимними снегами. Тут и там разворочены медведем муравейники.

На этой поляне зимой олени подкармливались сеном.

Отдохнув в шалаше, продолжаем путь.

Крутой восточный склон покрыт густой порослью азалии и мелких дубков. Почки на деревьях набухли, но еще не развернулись. Здесь высоко, и дубки стоят голые, намокшие до черноты. Сеет мелкий дождь.

В пяти метрах от нас послышался легкий треск, качнулись верхушки кустов. В поросли дубняка и азалии зашевелилось темное тело. Зверь сделал два-три шага и замер, видимо, прислушиваясь. Затем снова раздались шорох и треск, и закачались вершины дубков: сквозь заросли не спеша от нас удалялся кабан.

Еще минута — и на поляну между азалиями и опушкой леса неторопливо вышел другой, почти черный, секач. Он был метра в два длиной и высотой больше метра. Короткий хвост зверя, потревоженного нашим вторжением, судорожно скручивался. Кабан оставался метрах в десяти, весь на виду — боком к нам, в полный профиль. Он слегка повернул голову в нашу сторону, кося маленьким кровавым глазом.

Сытый, с мощной выпуклой грудью, с длинной черной щетиной на хребте и торчащими, как кривые ножи, сантиметров на восемь из-под верхней губы, белыми клыками, зверь был великолепен. Он стоял, как отлитый из чугуна памятник могучей кабаньей породе.

Оглядев нас, кабан спокойно, словно уверенный в своей силе, перешел через прогалину. Войдя в лес, он опять остановился, выставил рыло, рассматривал нас еще минуты две, потом скрылся окончательно.

Пробираясь сквозь частые азалии и дубовые кустарники, мы отыскивали только что оставленную секачем лежку. Выкопав и разровняв большое овальное логово, он рылом и ногами сдвинул туда кучу сухих листьев и травы. Получилась настоящая, удобная и мягкая, постель. В нескольких десятках метров дальше, в леске, куда ушел кабан, одна рядом с другой расположились лежки гурта свиней. Мы насчитали десять лежек. Все они были довольно глубоко вырыты в сухой песчаной почве под старыми пихтами. По обеим сторонам кабаньей тропы кора на нижней части деревьев была испещрена свежими стесами от удара клыков, как будто кабан разряжал таким способом свое гневное возбуждение.

Спускаемся к Кише. Дождь притих и чуть брызжет. В слонстом влажном тумане кукует кукушка.

Нижний ярус лесов яркой зеленью окаймляет горы. Здесь в полном цвету алыча и терн, начинает цвести груша. Но выше горные склоны однообразно серы и пусты. На вершинах хребтов, в альпийских долинах и криволесье задержались снега. Над Пшекишем тяжело нависает подтаявший на солнце снежный карниз.

Киша, 3 мая

Иван Леонтьевич Деревянко — он теперь заведует Северным отделом — фотографировал сегодня на Лопушистой поляне семью ланок.

Он пришел на поляну в половине шестого вечера. Выбрал удобное для съемки место и сел под кустом лещины, не очень маскируясь. Он только прикрыл листьями и цветами блестящие части аппарата. В ожидании оленей он даже курил.

Через полчаса на поляне появились четыре ланки: старая большая лань, две молодые и совсем маленький ланчук. Они остановились и начали пастись. Старая лань стояла на страже, зорко оглядывая поляну и прислушиваясь.

Фотограф чуть пошевелился, наводя аппарат. Старая лань насторожилась и тихо, со строгим и испытующим видом направилась к нему. Она высоко поднимала ноги и поводила ушами в разные стороны. Следом за ней тронулся молодой ланчук. Особенно забавен был маленький ланчук: он, прислушиваясь, смежно растопыривал длинные уши, с преувеличенной серьезностью повторял осторожные движения матери. Лань подошла к фотографу шагов на пятнадцать и долго всматривалась в него.

Иван Леонтьевич вложил кассету и замер. Ланки продолжали стоять, пристально глядя на него. Щелкнул затвор. Ланки немного отошли, но скоро успокоились и принялись щипать траву.

Иван Леонтьевич стал закладывать вторую кассету. Тогда опять не спеша, важно и строго приблизилась к нему старая ланка, а за ней ее потомство. Виззая ланчук прыгнул в сторону, заставив и старую лань от неожиданности сделать скачок в противоположном направлении. Но лань тотчас же возвратилась и подошла еще ближе к фотографу, с любопытством рассматривая аппарат. При вторичном щелкании затвора олени снова отошли и теперь уже паслись настороженно. Они приблизились к засаде и в третий раз, но при попытке Ивана Леонтьевича вставить очередную кассету повернулись и скрылись в лесу.

...В лаборатории зоостанции стоят гигантские стебли топинамбура, похожие на древесные стволы. Опыт с посадкой топинамбура оказался очень удачным. Зеленые части растений образовали высокую чащу на засеянных площадках, а урожай клубней превзошел все ожидания.

В этом году зоосектор и управление Северного отдела заповедника проводят более широкий опыт искусственной подкормки. На полянах, на разной высоте, высевают клевер, сажают картофель, свеклу и топинамбур. Особенно важен топинамбур, так как он дает колоссальный урожай клубней и зеленых частей, отличающихся замечательными кормовыми качествами. Для оленей предназначен топинамбур, дающий крупные, лежащие близко к поверхности клубни, для свиней — другая разновидность: ее бесчисленные клубни мелки и глубоко уходят в землю.

Сейчас подготавливаются на зиму кормушки для диких копытных животных. Иван Леонтьевич, который рассказывает мне обо всем этом, добавляет, что весной в Северном отделе

искусственное солонцевание копытных будет поставлено по-новому. Соль решено не разбрасывать, как делалось прежде, в обычных местах солонцевания, а закладывать в корыта или наливать в них подсоленную воду. Применявшийся раньше способ закладки солонцов, так же как и естественные солонцы, содействовал распространению среди диких животных паразитов и разных заболеваний. Животные скучиваются на определенных местах, загрязняют там воду и землю и заражают друг друга.

Дикие копытные животные охотно берут искусственную подкормку: олени — буряк и морковь, а кабаны — картофель. Олени не только съедают положенную для них соль, но и грызут корыта; так они привыкли к запаху человека.

В Восточном отделе заповедника, на кордове Умпырь, осенью и в начале зимы 1937 года олени повадились выкапывать буряк. Не помогала никакая охрана. Буряк поспешно vybrать, причем оказалось, что олени истребили больше половины урожая. Остаток работники заповедника сложили в бурты, основательно засыпав их землей.

На следующий же день олени раскопали бурты и продолжали уничтожать буряк. Охрану усилили, отгоняли оленей, бросали в них камни и палки. Никакого впечатления: только люди уйдут — олени опять принимаются за бурт. Тогда решили отпугнуть их при помощи чучел. Вскоре после этого наблюдатели видят: буртами завладело целое стадо оленей. Они рассыпались между чучелами, а крупная старая ланка чесала спину о самое страшное чучело.

Так был съеден оленями весь буряк.

Киши, 4 мая

С утра было пасмурно, облачно.

Под вечер немного прояснилось. Бледный, рассеянный свет сочится сквозь свинцово-серую пелену, обложившую небо. Вместе с Донауровым мы пошли берегом Киши для наблюдения над дикими свиньями.

Вышли на Лопушистую поляну, где вчера Иван Леонтьевич фотографировал ланок. Мы решили проверить: придут ли олени, потревоженные накануне? Сели в засаду под большим дубом.

В траве с шуршащим и писком перебегают кустарниковые полевки. Вот одна осторожно выставила из норы острую мордочку и шевелит усиками. Блестящие, как бисеринки, глаза с любопытством смотрят на непрошенных гостей. Другая усердно занялась подгрызанием стебля травинки. От ее усилий колышутся листья подтачиваемого растения.

В узорной листве дуба тонко свистят и звенят свиньи. Уверенно и ловко они сплужают по ветвям, цепко повисают голо-

вой вниз и долбят кору, подобно дятлам. Выводит сложные трели певчий дрозд. Слышно кукование кукушки.

Прошло около часа. Обходим вокруг поляны: свежих оленьих следов на ведущих к ней тропах не видно. Значит, олени сегодня еще встревожены.

Движемся напрямик к реке Кише через лесную чащу. Выходим к свежей кабаньей тропе; она поднимается на синие осыпи, сбегает в крутые ложбины ручьев, прячется в молодой зелени папоротников, уже достигающих половины человеческого роста, и вновь вьется в густых чащах по ковру взбитых сухих листьев, через кучи бурелома, через мшистые ключи и болотца.

В лесу сумерки. Мы спускаемся к ручью между двух полей. У противоположного крутого склона на открытое место по ту сторону ручья, шагах в двадцати от нас, с шумом и треском выбежал гурт диких свиней.

Они, должно быть, заподозрили наше присутствие. Первые три свиньи, показавшиеся на поляне, остановились. Повыше, за кустами и деревьями затаились еще несколько свиней. Так они неподвижно и без звука стояли черными тенями в серой полумгле, выстроившись одна за другой.

Передняя, очень большая старая свинья прислушивалась, подняв рыло в нашем направлении. Две свиньи стояли позади нее, боком к нам. За ними, сквозь сетку кустов и в просветах между стволами деревьев, чернели тела остальных кабанов. Их легко можно было принять за пни или кусты: так хорошо они затаились. Вскоре старая свинья начала бесшумно и не торопясь спускаться к нам, на ходу пасясь и роясь в земле. Следом так же беззвучно, как будто не касаясь тропы, покрытой сплошным ковром сухих листьев, двинулся весь гурт. Некоторые свиньи, видимо, подбирали прошлогодние жолуди, другие рылись под корнями деревьев.

Только одна долго оставалась на гребне склона, но затем и она сделала большой круг и, пасясь, стала сходить вниз. На поляне оказалось теперь шесть свиней. В гурте было и два подсвинка. Они держались немного в стороне.

Стадо рассыпалось по поляне, спускаясь к ручью и передвигаясь все ближе к нам. Мы захотели посмотреть, как будут вести себя гурт, если его испугнуть.

Я довольно громко крикнул. Свиньи задержались, прислушались и, свернув с тропы, быстро, но попрежнему беззвучно, направились к деревьям вверх на склоне. Они остановились не очень далеко в чаще, ухнули и, судя по треску валежника и шороху сухой листвы, пробежали несколько шагов и снова остановились. Там они стояли и время от времени ухали до тех пор, пока мы не ушли. Мы нарочно шумели, но свиньи на этот раз не трогались с места.

Возвращаемся через черный, ночной лес. Отовсюду несутся свиные крики. Мы выходим на широкую поляну. Она со всех сторон сжата кольцом черно-коричневых горных хребтов. В разрывах дымных туч видна влажная и темная синева неба. Красный, как медь, месяц вырвет в клубящихся облаках.

*Каши—Темная поляна,
5 мая*

Раннее утро. На восточной окраине неба между снежными вершинами медленно проплыли оранжево-золотые облака. Еще немного — и по всему небу катятся оранжевые, золотые и пурпурные шары пронизанных солнечными лучами испарений, огромные, пушистые, полупрозрачные.

Но вот угасают огненные краски рассвета. В обмытой дождями синей вышине плывут молочно-белые клубы кучевых облаков. Они ширятся и, сливаясь, заволакивают небо сначала белой, а затем свинцово-серой пеленой. В сгущенном тумане моросит дождь. Его мельчайшие брызги неощутимы глазом.

Едем втроем верхом все выше в горы, минуя черные мохажини солонцов в глубоких падах внизу, светлые, полные воздуха поляны на гривах хребтов.

Вокруг — лиственный лес. Деревья только недавно оделись молодой нежной листвой.

Поляны Сохи, Венгерская и Бульвар окружены настоящими садами диких фруктовых деревьев. Тут груша, яблоня, кислица, алыча, терн, Серебряная, сверкающая, пахучая стоит алыча. Начинает цвести груша; через день-два она также загорится белым огнем полного цветения.

На прогалинах между деревьями чемерица поднимает сочные сердцевидные, как у ландыша, листья, зеленеет черемша — любимое лакомство медведя и кабана.

Справа от тропы висит гряда ребристых горных кражей. Крутые склоны затянуты густой синевой. В разрывах тумана видны почти черные пихтовые леса. Кажется, что они стремительно сбегают с крутизны и, пытаясь задержаться, откинулись назад. В пихтах кричит сова. Ее часы «сломались»: пасмурный день она приняла за вечер.

На вершинах гор тускло блестят снега. В свинцово-синем, заволакивающем сплошными облаками небе врезался голубой пик горы Слесарни. Рядом с ним вздымается тысячаметровый утес Ачешбок — Чороты Ворота. Пласты и причудливые изломы его известняков в синих и розовато-фиолетовых тенях.



Выезжаем на Ямину поляну. Она покрыта блеклой прошлогодней травой; среди нее пробивается молодая зелень. Широкий и покатым склон спустился в освещенное солнцем ущелье. На дне его поет ручей.

Между ручьем и кустарниковой порослью пасется на круглой лужайке ланка. Повернувшись к нам боком, она чуть заметно подвигалась, срывая траву. Временами ланка останавливалась и настораживалась, двигала ушами, затем снова гибкая шея ее наклонялась к земле, и ланка продолжала щипать траву.

Но вот она забеспокоилась, вытянула шею, внимательно посмотрела вправо и влево. Голова ланки была высоко поднята, а длинные уши раскинуты в стороны. От этого она стала похожа на мула. Прошло две-три минуты. Ланка вновь принялась спокойно пастись. Продолговатая, узкая голова ее на лебединой шее склонилась к верхушкам трав. Когда ланка становилась спиной к нам, ее рыжевато-серые бока делались совершенно незаметными среди блеклого сухотравья, и только пышная белизна «зеркала» выдавала ее присутствие.

Вдруг из-под косогора выскочила другая лань и промчалась к зарослям мимо первой. В два огромных прыжка первая ланка с быстротой и легкостью птицы пронеслась через открытое пространство. Как будто не касаясь ногами земли, она пролетела над самой травой и исчезла в кустарниках.

Садимся в седла и продолжаем путь. На встречных полянах, еще таких же блеклосерых, как и Ямина, то тут, то там торчат сухие, высокие, в рост человека, стебли травы и толщиной в руку мертвые трубчатые стволы борщевника с осыпавшимися семенами зонтиками на верхушках. Я подъехал к одному из таких стволов: он в полтора раза выше всадника на лошади.

Вот и Темная поляна, куда мы направляемся. Она расположена в глубокой чаше, окруженной серо-голубым кольцом каменных отвесов Афонки и Слесарни. Срезанные почти вертикально, колоссальные известняковые стены испещрены трещинами, зигзагами узких карнизов и галлерей, темными зевами пещер. На этих горах держатся серны. В дневные часы они забираются в пещеры или лежат на выступах, под навесами каменных козырьков.

Широкая тень падает с гор на косо спускающуюся к их подножью поляну. Пихтовый старый лес здесь особенно черен. Поляна оправдывает свое название.

Мы с Иваном Леонтьевичем передаем лошадей на попечение третьего спутника и вместе идем пешком по склонам по-

ляны. Обогнув ее, пробираемся по крутым косогорам сквозь густую поросль молодых дубков.

Выходим на звериную тропу с многочисленными следами сленей, косуль и кабанов. В одном месте тропу пересек глубоко вдавленный в землю след большого медведя.

Повороты тропы уводят нас к вершине хребтика. Поднимаемся на розовато-голубые от лишайников скалы. За ними снова дубовый лес с примесью бука. Под ногами шуршит сухая листва. Земля усыпана перезимовавшими жолудями и звездообразно раскрытыми колючими оболочками буковых срезков.

На стволе дуба, на высоте больше метра от земли, белеет дугообразная царапина: кабан-секач мимоходом снес кору своим клыком. На молодых пихтах и осинах оленями изгрызена кора и объедены побеги.

Миновав несколько круглых полянок, — их называют Жернова, — мы вышли к долине Широкой. Прямо перед нами, выбеленное сверху снегами и затененное по склонам столетним пихтарником, легло необозримое плоскогорье Бамбака. За ним слепят снегами остроугольные хребты и вершины. Там еще царство зимы и метелей.

Идем вниз по склону глубокой балки. Вдруг по ту сторону ее, на светлозеленом фоне перелеска мы увидели четыре медленно движущихся крупных тела. Сначала мы приняли их за медведей, но, приглядевшись в бинокль, я узнал диких свиней. Вскоре из лесу справа вышли на долину одна за другой еще четыре свиные. Весь гурт расположился на склоне вогнутым снизу полумесяцем.

Впереди двигался старый секач с горбатым хребтом, поросшим высокой щетиной. За ним шла самка почти таких же размеров. В конце гурта и немного поодаль рылись под стволом упавшего дерева два подесвинка-однолетка. Когда кабаны поднимались прямо по скату, они походили на шевелящиеся черные глыбы земли. Они совершали подъем наискось, к леску на другой стороне поляны.

Ветер дул нам в лицо. Пользуясь тем, что кабаны шли от нас, мы спустились ниже, подобраться к ним метров на сто. Мы были скрыты деревьями и спокойно могли наблюдать.

Половина гурта во главе с секачом уже вошла в лесок. Сквозь сетку молодой листвы неясно темнели их тела. Остальная часть гурта паслась на поляне, направляясь к тому же леску.

Через несколько минут секач показался из заросли лещины и пошел по поляне. Немного подняв длинное рыло, он двигался к нижней опушке пихтарника. По пути он лениво ткнул рылом в какую-то кочку, остановился у сухого ствола и с полминуты чесал толстую шею. Отойдя на шаг, кабан сы-

то зевнул во всю пасть, почему-то припал на передние ноги, коснувшись грудью земли, снова широко зевнул и скрылся между пихтами. За ним последовал весь гурт, за исключением двух подесвинок, которые все под той же валежиной жадно выискивали червей и личинок, взбрасывая носами землю.

Через минуту в пихтарнике мелькнули черные тела двух бегущих кабанов и раздался резкий визг. Снова все смолкло. На долину, уже значительно ниже и ближе к нам, опять стали выходить кабаны. Они разбивались на группы по два и по три, паслась и копалась в земле. Отрывистый, пронзительный визг повторился. Затем послышалось короткое злобное хрюканье. Пасшиеся на поляне свиные повернулись к лесу, выстроившись, как и прежде, изогнутой линией, и одна за другой скрылись в чаще.

...Едем в обратный путь. Слева догоняет нас и не может догнать бледный отуманенный месяц. Солнце уже закатывается, но небо еще светлое. В его спокойной глубине плывут разрозненные облака, дымчато-опаловые и словно освещенные изнутри пурпурным огнем. Есть особенная, волнующая красота у этого столкновения угасающего дня и приближающейся ночи.

Вершины гор сверкают серебром снегов. На них лежат мягкие матовые тени. Ниже синеем пояс пихт, налитых вечерней мглой. Еще ниже на склонах сквозит полупрозрачная нежно-зеленая дымка широколиственных лесов. Горит белое пламя фруктовых деревьев.

В последний раз рассыпал гремющую дробь дятел. Нашу тропу перерезал крупный след только что пробежавшего волка.

Книга, 6 мая

Дикие поросята, которые содержатся при зоостанции, чрезвычайно забавны и доверчивы. Они неотступно ходят за своей воспитательницей — Полиной Алексеевной Шкиной.

Как только она появляется, поросята сломя голову мчатся к ней с глухим хрюканьем, просительно поднимают черные пятячки длинных носов. Они идут на малейший зов Полины Алексеевны.

Пестрые, в изжелта-ржавых и буроватых продольных полосах, горбатые тела поросят почти незаметны в траве. Непропорционально больше, длиннорылые головы их выглядят совершенно по-детски. Поросята очень ловки и с места высоко подпрыгивают в воздух на своих тонких, но крепких ножках с твердыми острыми копытцами.

Когда поросят выпускают из клетки, они немедленно бегут в траву. Особенно любят они влажные места. Они непрочь позозиться с домашними поросятами, но те, подозрительно обнюхав их (у диких поросят очень острый, какой-то кислый запах), кусают своих диких братишек и отгоняют их подальше.

Книга, 7 мая

Вернувшийся сегодня с гор Жигайлов видел на Пшекише оленя уже с полуметровыми пантами. Встреча с ним произошла забавно.

Наблюдатели, ходившие в горы, взяли с собой двух ишаков с грузом семян для опытных кормовых посевов.

Ишаков пустили пастись на альпийском лугу. На них наткнулся встреченный Жигайловым олень. Он был страшно изумлен и испуган неожиданным появлением странных длинноухих зверей. Олень помчался от ишаков стремительно, все время глядя на них и забегая, чтобы принюхаться.

Ишаки перетрусили не меньше. Услышав голос Жигайлова, они дружно заревели и с поднятыми хвостами бросились к человеку, ища спасения от оленя.

Олени на Пшекише держатся пока на склонах и на верхней опушке пихтового леса. Выше для них еще нет пастбищ.

Книга, 8 мая

Великолепный, свежий и в то же время теплый вечер. За Джугу зацепилось одинокое сизое облачко. Опять встречаются вместе белая ущербленная луна и яркое закатное солнце.

Идем с Донауровым по тропке к Марьенкиной поляне. В сухой листве между деревьями, подпрыгивая, быстро шныряют дрозды. Пробежала и скрылась в норе черная, как уголь, землеройка.

Предостерегающе чокают дрозды. На небольшой зеленой лужайке пасся серый, с заметной рыжиной старый заяц. Заслышав наши шаги, он присел на задние лапки, протриг воздух черным ухом и стремглав бросился в кусты. Придурственно крикнула сойка.

Лес наливается сероватой мглой. Луна теперь, как слиток золота. Вокруг еще светло.

Выходим на Бугаеву поляну. Впереди кудрявится зеленая поросль молодых груш. Из-за небольшого деревца метрах в двадцати от нас настороженно выглянула лань. Она широко раздвинула уши, повела ими, и над кустами метнулось большое гнедое тело, мелькнули на секунду пушистое белое «зеркало» и высоко выброшенные задние ноги. Ланка скрылась в чаще.

В тот же миг из-за куста рядом выглянула с любопытством другая лань. Она посмотрела на нас выпуклыми черными глазами, дрогнула ушами и, как рыжая молния, исчезла в зарослях.

Прошелестели ветки и тотчас затихли. Лани оставались и слушали. Мы сделали несколько шагов по направлению к ним. Быстрый шорох и шелест пробежали дальше. Олени ушли.

Добросовестно, как хороший дровосек топором, стучит дятел.

Поднимаемся к поляне Солонцы. Серая мгла сгущается. Синевя неба потемнела. Высыпали частые дрожащие звезды. Луна горит ярко, и фосфорический свет ее падает на деревья. Внизу, в затененном ложе ручья чернеют солонцы. Садимся под деревом немного повыше солонцов и ждем.

В низине, у края солонцов явственно шелестит сухая листва. Там кто-то бродит. «Косуля», — тихо шепчет Донауров. Проходит минута, две... Впереди нас по набитой тропе к солонцам послышался легкий треск. Между стволами скользнула серая тень. С порослей лесом горы спустилась старая лань и, как призрак, остановилась, не шевелясь, за тонким буюком, шагах в пятнадцати от места, где мы сидели.

Лань высоко подняла голову и смотрит прямо на нас. Вот она дрогнула ушами раз-другой и снова неподвижно застыла. Вдруг она бесшумно, высоко поднимая ноги, как будто танцуя, быстро вышла из-за дерева, раскинула уши, втянула воздух расширенными ноздрями и, круто повернувшись, бросилась в гору. На бегу она издала короткий рев. Я впервые слышал «голос» ланки, и мне он показался похожим на рев хищного зверя. Рев повторился еще и еще раз. Донесся треск ломаемого валежника, затем все стихло. Лань остановилась неподалеку на косогоре.

Мы продолжаем наблюдать.

Заухала неясно. Ей откликнулась другая. Крик раздастся почти над нами. Лес застонал и заухал совиным протяжным криком.

Внизу, в темной пади, продолжают странные заглушенные шорохи и шелесты. Донауров по звуку угадывает зверя: «Это вот хищник, куница или кот, а это лесная мелочь...»

Лань не уходит. Ей, видимо, очень не нравится, что мы завладели ее солонцом, и через каждые две-три минуты она пугает нас хриплым отрывистым ревом.



Сходим к солонцу. От тускло блестящей под луной черной воды и белого налета на берегу остро пахнет сероводородом. В траве вокруг солонца собралось множество огромных жаб. Они тяжело прыгают, шурша копошатся в прелых листьях. Сейчас у них брачная пора.

С мяукающим криком смутной тенью низко пролетела ушастая сова. Быстрый полет ее бесшумен.

Все ярче горит ущербленная луна. Дрожат белые лучи звезд. Сквозь черную сеть ветвей и листьев пробивается далекий огонек костра.

Выходим на светлую поляну. Кольцо окружающих ее горных хребтов кажется ниже и массивнее, чем днем. На черно-коричневые склоны их наброшена тончайшая завеса ночных испарений. Чуть белеют снега на вершинах.

Под нами шумит река.

Книга, 9 мая

Был последний день апреля, дождливый и холодный.

Я работал в лаборатории зоологической станции, где находится моя временная квартира. Кто-то постучал в дверь. На мое приглашение: «Войдите», на пороге показался незнакомый человек. Он был невысок и слегка сутуловат. Энергичное худощавое лицо вошедшего освещали умные, внимательные глаза.

— Логинов,—представился он и снял промокшую насквозь кепку.

У него оказались очень светлые, с заметной сединой, аккуратно причесанные волосы.

— Где здесь можно положить вещи?

Я указал, и Логинов сбросил с плеч тяжелый рюкзак и снял мокрый прорезиненный плащ. Обут он был в обычные для здешних жителей сыромятные поршни, из которых сейчас при каждом шаге, шипя и чвакая, брызгала вода.

Владимир Васильевич Логинов, зоолог, аспирант Московского университета, только что пришел из Хамышков, проделав пешком добрых двадцать пять километров под дождем и по грязи. Там, в своем «штабе», на квартире местного охотника, он оставил запасы консервов и целый арсенал ловушек для кротов. Владимир Васильевич готовит кандидатскую работу по биологии кавказского крота и вот уже несколько лет собирает материал в государственном заповеднике и предгорьях.

Я еще раньше слышал от наблюдателей заповедника о московском студенте «Володе», который с рюкзаком за плечами, с грузом капканчиков и консервов ежегодно уходил в

горы и оставался там месяцами один или вдвоем с товарищем, но чаще всего один; не все выдерживали его походы.

Срезанные им опытные площадки и пепел его бивуачных костров встречали — от подножья до самых снегов — на крутых склонах Тыбги, Джуги, Джемарука, Большого Бамбака и многих других гор. Он был весел, неприхотлив и бесстрашен.

Так вот он какой, этот легендарный Володя, старый член партии, красногвардеец, недавно студент, а теперь — молодой советский ученый.

Я иду вместе с Владимиром Васильевичем к поляне Сохи. Логинов собирается разведать свое кротовое хозяйство: посмотреть, как ведут себя кроты, и не поднялись ли ближе к поверхности земляные черви и личинки, глубоко зарывшиеся в почву на время зимних холодов.

По сторонам тропы и на самой поляне все бело: расцвели фруктовые деревья — терн, и черемуха, и кислица, и груша.

Белым душистым цветом облиты поляны, поросшие черемшой. Но любопытно: листья черемши объедены животными, а цветы не тронуты.

Вооруженный саперной лопаткой, Логинов снимает пласты земли. Оказывается, кроты достаточно обеспечены пищей: черви держатся неглубоко и встречаются в изобилии.

Владимир Васильевич говорит, что американские исследователи неправильно думают, будто крот выходит из норы за травой для выстилания гнезда. На самом же деле он подгрызает корни растений изнутри хода и втягивает растение к себе. Другую ошибку допускает Динник: по его словам, кавказский крот не имеет никаких следов подкожных глаз. В действительности кавказский крот в этом отношении ничем не отличается от других видов. У него, как и у всех кротов, имеются скрытые зачаточные глаза.

Высоко в горах Логинов знакомился с жизнью замечательного зверька — снежной полевки. Снежная полевка, подобно алтайскому сеноставцу, собирает на зиму запасы, складывая их в «стожки» между камней вблизи своих нор. Такой стожок весит пятьсот-шестьсот граммов.

...На обратном пути проходим мимо сладкой груши, которую осенью прошлого года каждую ночь навещал медведь. Между белым грушевым цветом и листьями торчат обломки искалеченных медведями веток, и на морщинистой коре толстого ствола до сих пор заметны длинные и глубокие царапины, оставленные когтями взбиравшегося к кроне косматого любителя сладких груш.

Над фруктовыми деревьями ныряющим полетом проносятся в синеве золотистые шурки. Они охотятся за дикими пчелами, собирающими медоносную пыльцу.

*Киша—Гузерицль—Даховская,
10—11 мая*

Возвращаюсь на Гузерицль. С гор, сверкая и гремя, мчатся потоки. Внизу, вся в белой пене, бурлит Киша. Скорость ее течения весной больше двадцати километров в час.

Со скал над Кишой сорвался облачком черного дыма рой диких пчел.

Леса вокруг осыпаны белой душистой метелью. Листья бука достигли полного роста. Их блистающие зеленые ладони обращены к солнцу. Рододендроны — в крупных фиолетовых цветах. Желтеют еще нераспустившиеся бутоны азалии.

Через высушенную солнцем дорогу переполз черно-красный змееныш, оставляя в пыли извилистый след.

...На следующий день уезжаю на Хамышки и Даховскую и дальше на Хаджох. На вершинах стремительно тают снега. Кипит и бешено скачет в бездонных ущельях полноводная Белая, взмахивая гривой над камнями. Зелено-белое колесо Топорова водопада с сумасшедшей быстротой кружит и ставит «на-попа» кряжи.

Полностью распустились азалии. Они цветут огромными желто-золотыми гроздьями. Их дурманящий сладкий запах заполняет леса.

Гулко барабанит дятел. Торопливо и оглушительно зазывают дождь квакши.

С пронзительным криком: «ки-и-о», «ки-и-о», парят, распластав неподвижные крылья, коршуны. Гудят и звенят черно-желтые мохнатые шмели и гладкие гибкие осы.

В траве шныряют тысячи крохотных изумрудно-зеленых ящериц. В прозрачных затонах проносится стрелой рыба и лягушная молодь.

Над землей и водой метет буйная метель опадающих белых лепестков.



ОЛЕНИЙ МЕСЯЦ

*Даховская—Гузерицль,
17 сентября 1939 года*

Приехал верхом из Даховской в Гузерицль.

Дикие фруктовые деревья в предгорьях усеяны созревшими желтыми грушами и яблоками. В траве золотятся опавшие плоды. На кустах бузины тяжело повисли черные гроздья ягод.

После весеннего бурного паводка Белая кажется сейчас почти неподвижной. Она сильно обмелела, и серые круглые валуны возвышаются над медленно плывущей зелено-черной водой. На берегах и прибрежных мелях громоздятся выбеленные солнцем кряжи и рогатые корни, которые не смогло унести ослабевшее течение.

Форель уже начинает метать икру и поднимается против течения по лесным ручьям и ключам. Говорят, что при этом она переползает пятиметровые перешейки между ручьями и даже пробирается к звериным солонцам.

В четыре часа дня мы вместе с Михаилом Сафоновичем Пономаренко, с которым я ходил в горы зимой, отправились верхом из Гузери́ля на пастбище Абаго. Маршрут: Гузери́ль, пастбище Абаго, Тегеня, Пшекиш, перевал на реке Шише, Чортовы Ворота, Большой Бамбак, перевал Челиссе, Уруштен, перевал Псеашхо, Красная поляна, снова Псеашхо и Уруштен, Алоус, Умнырь, Карапырь, Псебай, Баговская, Сахрай, Киша, Гузери́ль — добрых триста километров верхом и пешком!.

Идет затяжной дождь. Мокрые деревья черны и неприятны. На фоне окружающей черноты в глазах надолго отпечатывается пронзительно-яркая желтизна каких-то больших грибов.

В лесу сгущаются сумерки. В кронах буков сквозь непрерывный шорох дождевых капель слышны сосущие, цокающие звуки. Это работают подчки.

Едем в сплошном клубящемся облаке. С фуражек и бурок стекают струи воды.

Ночь застает нас в пути на последнем, самом крутом подъеме. В сыром, почти черном тумане со всех сторон доносится приглушенный рев оленей. Выезжаем на пастбище. Между пепельно-сизых туч ярко блестят две одинокие звезды. В вершинах пихт кричит сова.

В полдень дождь прекратился. В густом тумане все сильнее ревут олени. Ночуем в старом туристском домике у пылающего костра. Перед рассветом меня разбудил олень. Он был где-то совсем близко, и хриплый голос его сквозь тонкую дощатую стену гремел, как труба. Говорят, что на пастбище Абаго давно живет старый рогаль, который привык к людям. Пастухи по утрам и вечерам идут к опушке леса, зовут: «Лешка! Лешка!», и тогда бесшумно появляется олень. Может быть, это он?

Тегеня, 20 сентября

Утро встречает нас белесым туманом и оленьим ревом. Вскоре зачастил мелкий дождик, и все стихло. Но вот опять покатались невесомые шары испарений, и с новой силой ревут олени.

В зеленых кронах кривых тонкоствольных берез горят яркие пятна ранней желтизны. Трава мокрая, вялая, почерневшая. Среди нее стынют озерки мертвой воды.

На Тыбге выпал снег.

Облака дают на горы свинцово-синей грудой. Дымятся ущелья. Вырываясь из их жерл, седые клочья плывут низко над самой травой через пастбище.



Выезжаем на Тегеня.

У подножья горы Экспедиции слышится близкий голос оленя. Слезая с коня и, как был в бурке, крадусь на рев. Он раздавался снова метрах в пятнадцати: два коротких глухих стопа и продолжительная нота, похожая на звук трубы.

За кустом, в высоких папоротниках и овсянице качнулся ветвистый тяжелый рог. Олень прислушивался. Потом он успокоился и затрубил опять. Над травой была видна напряженная рыжевато-бурая шея оленя и благородная голова с большими, отуманенными любовью глазами.

На тропе звякнула уздечкой лошадь. Олень поднял голову на шум, повел ушами и, резко повернувшись, одним скачком ушел в чащу.

Продолжаем путь. Справа и слева слышен рев. Это кричат олени, идущие на точки и еще не нашедшие ланей. Наш олень время от времени снова подает голос, все удаляясь к вершине горы. За ним с предательским карканьем летят сойки, чокает черный дрозд.

Пробираемся сквозь цепкие заросли ожинника и малины к купе кленов, где поставлена ловушка на волков. Как и другие встреченные нами ловушки, она обрушилась под тяжестью медведя, который пробовал сверху добыть приваду.

Через колочую густую поросль пролет широкий, как дорога, медвежий след. На сырой земле оттиснуты плоские пятипалые ступни. Местами медведь так вытоптал все вокруг, как будто он катался здесь. Кусты ожинника и малины усеяны очень крупными сочными ягодами, сладкими и освежающими.

Вот отчего так усердствовал тут медведь!

Утром выехал из лагеря Тегеня через Пшекиш на Кишу.

Горы закрыты туманом. Поднимаемся на хребет. Сначала идет береза и горный клен, дальше — пихтовый и буковый лес. Рябина усыпана оранжевыми гроздьями. Алеют плоды шиповника. Каплями красной и черной росы сверкают в листве ягоды смородины и бузины.

За кривыми низкорослыми пихтами раскинулись субальпийские луга. Они поросли полутораметровой гривой. Выше густой щетинкой зеленеет ковер карликовых трав альпийки. То и дело здесь попадаются изрытые кабанями кочковатые мокажины.

В голубоватых осыпях у самого гребня, высоко над камнями вытянули шею две горные индейки. Они быстро пошли по камням, тяжело поднимаясь в воздух, и, описав дугу, опустились неподалеку. Оперение их голубовато-сизого цвета с рябиной и поперечными белыми полосками, особенно заметными на шее и груди.

В тумане призрачно темнеют очертания гор, лесов внизу, и так же призрачно, без крика, высоко кружатся три сарыча. Где-то, скрытый завесой пара, ревет олень.

Мы едем по хребту уже три с лишним часа. Но вот начинается крутой спуск. Ведем лошадей в поводу. Тропы почти нельзя разглядеть. Входим в темный, намоченный лес буков и пихт. Под корнями старых деревьев, словно бело-желтые подушки, набухли огромные грибы.

Внизу уже слышен нарастающий гул Киши. Спуск продолжался два часа.

...Коллектор зоосектора Дементеев зимой находил на Пшекише помет горных индеек, но самих птиц не видел. Бессонный говорит, что за тридцать лет он тоже никогда не встречал их на Пшекише.

Я наблюдал индеек на очень близком расстоянии. Мне они были видны до мелочей, и ошибиться я не мог.

Мы переночевали на Кише и едем все выше в горы — через поляны Сохи, Венгерскую, Бульвар, Ломтеву, Широкою и Темную, где я уже побывал весной.

Небо, и горы, и леса вдали, как шкура барса. Они затянуты сплошным сероватым туманом, и на дымчатом фоне его проступают темные пятна.

Тропа идет сквозь лес диких груш и яблонь, дуба, бука, пихты, березы, осины, горного клена, черноольхи. С буков

и пихт свисают седые клочки лишайников. Разноцветными огоньками теплятся в листве ягоды рябины, шиповника, волчьего лыка. Восковой желтизной отсвечивают созревшие плоды на фруктовых деревьях, и желто-золотые груды груш и яблок лежат в траве.

На вершинах старых груш видны медвежьи «гнезда» — заломы. Внизу валяются обломанные медведем ветки. Под плодовыми деревьями все истоптано кабаньими копытами. Чернеют борозды свежеспаханной кабанями земли.

По тропе протянулись цепочкой следы голых узких подошв каменной куницы.

На Темной поляне, несмотря на утро, совсем сумерки. Тхачи, Слесарня и Афонка — в тумане и густых облаках. Между каменными громадами режут олени.

Над почти двухметровой травой торчат глеющие остовы зонтичных. Трава во всех направлениях исхожена медведями. Особенно пострадали заросли оживника и гигантского белокопытника: они положены влоск.

Перевалив через хребет, спускаемся в долину реки Шини. Мы едем теперь среди огромных голубых каменных глыб, обросших яркими мхами и лишайниками. Слезает с лошадей и ведем их в поводу. На листьях и иглах деревьев дрожат миррады крупных капель. При каждом неосторожном движении на нас обрушиваются потоки ледяной воды.

В четыре часа, точно орудийный выстрел, в горах грянул удар грома. Ослепительным белым зигзагом сверкнула молния. Спасаемся от ливня под пихтой. Он перешел в крупный град, который скоро лег толстым слоем. Град прекратился, мы двинулись дальше.

Поднимаемся узкой, очень крутой каменной тропой мимо Афонки. Тропа усылана кристаллами исландского шпата. Некоторые из них необычайной величины.

Через десяток метров набрали на старый лагерь геологической партии. Почерневшие от дождей, мохнут в лужах сколоченные из пихтовых плах столы и вытесанные из деревянных обрубков стулья. Отвалы отработанного шпата белеют в надвигающейся темноте.

Дождь все сильнее. Устраиваемся на ночевку под двумя рядом стоящими пихтами. Прежде всего выбираем топливо. Сучья и найденные в бывшем лагере доски насквозь пропитались водой и стали тяжелыми, как свинец. Едва ли они будут гореть.

Я делюсь своими сомнениями с Михаилом Сафоновичем. Пономаренко смотрит на меня презрительно. Козырек его выцветшей красноармейской фуражки задорно заломлен кверху. Сердито щетинятся космы плечистой черкесской бурки:

— Какой может быть разговор о дровах!

Михаил Сафонович принимается откалывать своим охотничьим ножом тонкие щепки от пихтовой доски, ломает на части мелкие ветки и из всего этого сооружает под пихтой подобие маленькой поленницы. Сверху он аккуратно укладывает сучья потолще и на них — концы основательных стволов бука так, чтобы по мере сгорания можно было продвигать их в огонь. Затем он достает из-за пазухи что-то похожее на коробящиеся куски картона и кладет их внутрь сложенных дров, вплотную к щепкам. Чиркнула спичка, внизу взметнулось пламя, и потянулись усы густого, пахнущего легким дымом. Теперь я вспомнил, что Пономаренко во время пути несколько раз обрывал клочья коры со встречных берез.

Через четверть часа, гудя, запылали пышущий жаром костер.

Мы сделали с наветренной стороны прикрытия, набросав валежника, и устлали площадку под деревом лапчатыми ветками пихты.

Легли, завернувшись в бурки. Пономаренко сейчас же захрапел. Я не сплю. Быстро высыхающий в костре бук горит высоким пламенем.

Неожиданно раздался удаляющийся топот лошадей и стук подков по камням. Лошади переходят через воду: их испугал волк или медведь. Разбуженный топотом, Пономаренко стреляет в темноту из ружья. С горящими ветками пихты в руках идем искать беглецов. Но кони ушли за реку, и вернуть их можно только утром.

Ачешбок, 23 сентября

Пономаренко ушел, чуть показалось солнце, на поиски лошадей. Он вернулся с ними часа через два. Лошади забежали довольно далеко и забрались в глухое ущелье. Зато они хорошо выпаслись в высокой и сочной траве.

Выезжаем к южной стороне Ачешбока — Чортовых Ворот. Колоссальный массив в розово-голубом тумане. Над вершиной горы, почти закрывая ее, клубятся и набухают белые облака.

С севера ледяной ветер гонит маленькое облачко. Через минуту облачко превращается в лепельно-свищовую гучу, занимающую полгоризонта. Она стремительно перекачивается через встречные высоты и наплывает на Ачешбок. Впереди выются в воздухе клочья прозрачного тумана. Почти мгновенно он заволакивает все кругом.

Едем три часа в непроглядной белой мути по ущельям неизвестных рек, по каменистым кручам, поросшим пихтой и сосной, по округлым увалам и кочковатым гривам субаль-

пийских пастбищ. Сейчас на пастбищах безлюдно и мертво.

Неясно, как во сне, встают очертания гор, деревьев. Безмолвно пролетают смутные тени хищных птиц. Набегают ветер, и кое-где белая завеса прорывается, открывая то горный клен, то стремительно падающий, кипящий в полете водопад.

Там виден только кусок черной тропы под ногами лошадей. Впереди все время тянется свежий олений след: олень не решается свернуть с надежной дороги в белесую пустоту. Туман сгущается. Мой спутник исчез, хотя он вот — в двух шагах, и я слышу его голос. Ищем пристанища. Решаем спускаться по отвернувшей книзу тропе. Она едва заметна, но хорошо утоптана. Через полчаса мы выехали к имеретинскому кошу.

Среди невылазной грязи, размешанной сотнями копыт, стоит обширный и высокий, в рост человека, четырехугольник загона. Он сколочен из положенных вдоль, не очищенных от коры березовых стволов. В одном из углов загона сделаны нары на двух человек. Над головой вместо крыши брошено несколько горбылей. На земле три камня образуют первобытный очаг. На коше ни души.

Здесь мы ночуем.

Челикенинский перевал, 24 сентября

Вышли со стоянки на коше, ведя за собой лошадей. Теперь, когда прояснилось, видно, что мы находимся на самом дне глубокого междугорья. Поднимаемся с огромным трудом по кочкарнику пастбища. Лишь временами можно ехать верхом. Обратный подъем отнял не меньше часа.

Перед нами скалистые массивы Чортовых Ворот. Немного на отлете от главного массива возвышается конусообразный утес, похожий на устремившийся в небо указательный палец.

Проезжаем по только что отысканной тропе в узкую щель между «пальцем» и «столбом» меньших размеров. Над нами навис огромный сине-фиолетовый срез Чортовых Ворот. В его верхних зубцах и уступах запутались и залегли туманы.

На гребне малого столба появились четыре оленя. Рогали и две лани неторопливо, оглядываясь на нас, переваливают через хребет. Одна лань стоит на страже.

Впереди, в ущелье между Ачешбоком и Большим Бамбаком, высится синей грядой Фишт, Оштен, Абадзеш. На вершинах Фишта и Оштена сверкают ледники и белеют снега.

Поднимаемся по хребту Бамбака. Над поросшими сосной

и пихтой голубыми скалами безмолвно кружатся сотни коршунов. Хребет щетинится гривой высокой серо-зеленой травы. Чернеют широкие квадраты мочагов, изрытых дикими свиньями. Взлетают бекасы и вальдшнепы. Из травы, на сухих местах, с трудом поднимаются жирные перепела.

Правый склон Бамбака, по которому мы едем, густо покрыт пихтовыми лесами.

Мы находимся уже за пределами леса. На просторную поляну среди березняков медленно вышел рыжий олень. Поднявшись на холм в центре поляны, он гордо и грозно стоял, уставив в небо рога, и неотрывно смотрел в нашу сторону. Потом повернулся и не спеша скрылся в чаще березняка. Вслед за тем над нашей тропой на лужайке, у подножья окруженной лесом скалы, раздался громовой клич другого оленя. Ему где-то вблизи отвечает надтреснутый голос противника. Трубные звуки и хрилые протяжные стоны доносятся сверху и снизу: из синих, курящихся туманом падей, из черных пихт и белых березняков на горах.

Поднимаемся к самой высокой точке — Челнсинскому перевалу. Назад страшно оглянуться: по пятам свинцово-сизой стеной движется необъятная туча. Напрасно мы ускоряем шаг коней; ее передний край висит у нас на плечах.

Подъезжаем к цирку ледника. Впадины и трещины крутых его скатов забиты плотно слежавшимся зернистым снегом. У подножья черно-коричневой чаши ледника стынет круглое высокогорное озеро. Оно зелено-синее, прозрачное, бездонное. Озеро окружено лугом нежной альпийской травы. На ней вышиты радужные узоры синих и голубых колокольчиков и солнечно-желтых крокусов. Из озера вытекает и, шумя, мчит вниз по камням река.

Нам некогда задерживаться, и, перейдя реку, мы поднимаемся по узкому гребню над цирком. Здесь нас настигает туча. Мы пробуем бороться и проходим еще две сотни метров. Но дальше двигаться невозможно. Насевшая туча заволочила все вокруг непроницаемым сизо-серым туманом. Брызжет дождь. В пяти метрах уже ничего не видно. Тропа безнадежно потеряна. Пономаренко хочет идти искать дорогу. Я решительно возражаю. В тумане легко заблудиться. Но Пономаренко делает два шага в сторону и исчезает за пеленой пара. Доносится его голос: «Поющу тропу! Через пятнадцать минут вернусь».

Я вынужден ждать с двумя лошадьми. Проходит час, другой, третий — Михаила Сафоновича все нет. Я время от времени кричу, подавая сигналы Пономаренко.

Скоро ночь. Становится ясным, что я не дожидусь Пономаренко до утра. Развьючиваю и разнуздываю лошадей. Одну из них стреножил: она любит далеко уходить.



Дует пронзительный ветер. Перевожу лошадей на противоположный склон хребта и устраиваю в небольшой ложбинке нечто вроде лагеря. С наветренной стороны бруствером ставлю рюкзаки. Кладу одну бурку на мокрую траву, другой закрываюсь. Спичек у меня много, но на голой вершине, у самого пояса снегов, нет ни щелки, и нельзя развести хотя бы маленький костер.

Гляжу из-под бурки на низкую траву: на каждой былинке застыли сотни мельчайших опаловых капель. Трава кажется стеклянной. С тонким свистом пронеслись птицы и сели у моих ног. Осмотревшись, они аспорхнули и улетели в туман.

Ледяной ветер, гудя, пронесется над головой. Он замораживает кровь, добирается до сердца. Я одет очень легко: пиджак, фуфайка, на ногах — обычные ботинки. Хорошо, что я на всякий случай захватил с собой кубанку и теперь заменил ею легкую фуражку.

Я не чувствую пальцев на ногах, колени окончательно замерзли. В рукава и за воротник врываются обжигающие струи ветра. Зубы начинают выбивать дробь. Дрожь сотрясает все тело. Хочу закутить, но руки оледенели; не помогают и перчатки. Я потратил больше часа, чтобы свернуть и раскурить первую папиросу. Особенно было трудно зажечь спичку. Куренье меня спасло. Даже эта ничтожная доля тепла дала себя знать: дрожь уменьшилась, и я немного пришел в себя.

Не перестаю через каждые полчаса кричать в темноту. Поднимаю в воздух горящие спички и описываю ими разные фигуры. Вдруг Пономаренко замерзает где-нибудь неподалеку... Кроме того, крик и огонь отпугивают зверей, а на моем попечении две лошади. Каждый раз после сигнализации я даю на бурку, совершенно окостеневший от холода.

Бурка подо мной примерзла к земле, а та, в которую я завернулся, сделалась, как железо, и покрылась толстым слоем не то снега, не то ледяной крупы. Внизу, во мраке, со всех сторон слышен рев оленей. Два раза провыл волк.

Меня гнетет чувство одиночества. Вдруг слышу какое-то ритмическое биение: с трудом догадываюсь — часы! Их слабое тиканье успокаивает, как присутствие близкого человека. Засыпаю, несмотря на жестокий мороз и ветер.

*Челюсинский перевал—Уруштен,
25 сентября*

Высокогорный рассвет прекрасен.

Склоны хребтов окрашены в матово-темный зеленоватый цвет. По гребням ближайших гор уходит вдаль необычайно радостная золотисто-пурпурная полоса. Над ней протянулась от горизонта к горизонту другая полоса, яркой и глубокой синевы. Ее сменяет третья, такая же широкая и ровная, как первые две, полоса бледной бирюзовой голубизны. Над ней возникают белые куполы и конусы снежных вершин. Еще выше медленно проплывают огненные перья облаков.

Все пронизано солнечным светом и заполнено невесомыми глыбами сверкающего, прозрачного воздуха.

Осматриваюсь кругом. Оказывается, я ночевал на гребне, разделяющем два ледниковых цирка. На дне обоих цирков — озеро.

В большом черно-зеленом озере на левом склоне хребта отражаются снега, лежащие во впадинах цирка, и у самого основания отполированных сползающими льдами стен дрожит рябь. Там, где рябь, две тонкие серебряные струи треугольником режут зеркальную поверхность озера: плывет какая-то птица. Вот там и здесь появляются такие же треугольники, за ними еще и еще.

Сильно беспокоит судьба Пономаренко. Он ушел налегке, в летней одежде и промокших поршнях. Из теплого на нем только стеганка. Бурка его осталась во вьюке, и я на ней свал.

Я уже собрался идти за лошадьми, чтобы ехать на розыск, как вдруг снизу донесся чуть слышный крик. Я ответил. Крик все приближается. Скоро со стороны осыней, подо мной, появился сторбленный, опирающийся на палку человек с ружьем за плечами.

Пономаренко пришел весь черный. Одежда на нем затвердела и стоит коробом. Он заблудился, попал в скалы над ледником и всю ночь, чтобы не замерзнуть, то карабкался вверх, то сползал вниз на четвереньках и так согрел себя, пугая ночевавших вблизи серн. Уходя «на пятнадцать минут», он не захватил с собой даже спичек.

Утром Пономаренко видел в скалах стадо серн, которые бесстрашно взбирались по отвесным кручам хребта, и встретил в осынях горных индеек. Он показывает мне подобранные им сизо-пестрые перья.

Наскоро позавтракав консервами, седлаем и вьючим лошадей и отправляемся дальше. Перед отъездом я фотографирую озеро. Спустившись к нему, я убеждаюсь, что не ошибся: на озере плавают восемь гагар-поганок. Большие серо-бурые птицы с острыми носами и змеиными шеями движутся, описывая на спокойной, без морщинки, глади озера серебряные круги и спирали — такие тонкие и точные, как будто они вычерчены алмазом на стекле. В глубокой ледяной воде отражаются все краски неба, изумрудная зелень альпийского луга, коричнево-черные тени нависающей каменной чаши и бездна залежного в ее трещинах снега.

Едем альпийскими и субальпийскими лугами, изредка верхней опушкой березового леса. Переваливаем через высокогорную поляну Челюсы. Налево, в фиолетово-голубом тумане и клубящихся белых облаках, высются кряжи Агиге, Алоуса, Балкан. Похожая на каменный стол, впереди сияет плосковершинная гора.

Объезжаем каменную громаду Джуги и продвигаемся дальше, то поднимаясь на гребни хребтов, то спускаясь в ущелья, сплошь заросшие зелено-коричневыми рододендронами.

Наша тропа идет через темный сырой лес, сквозь строй обросших лишайниками и мхами столетних пихт, буков, кленов, грабов. Поражает несметное количество грибов всех цветов и размеров. Встречаются настоящие великаны.

Останавливаемся у бывшего великокняжеского охотничьего лагеря; там сейчас только догнивающие остатки досок и столбов в зарослях кустов и сорной травы. Вблизи звонкого веселого ключа делаем привал.

Рядом с нашим бивуаком, в березовой роще ревет олень.

Через полчаса мы снова в пути. Пересекаем поляны, покрытые огромными почерневшими зонтичными. На одной из них мы встретили оленя и четырех ланок. Увидя нас, ланки умчались с молниеносной быстротой. За ними тяжело, сбиваясь с рыси на шаг, затрусил рогаль.

Поляны вытоптаны оленями. Трава на медвежьих тропах повалена широкими полосами. Ветви лещины перепутаны и

накручены в узлы медведями, орехи объедены. Охотники говорят, что молодые медведи залезают на лещину и устраивают весь этот ералаш.

Спускаемся к Уруштену, который шумит и гремит камнями внизу, под крутым берегом. Тропа исчезает в непролазных чащах закрученной медведями лещины. Привязав лошадей, с трудом пробираемся к реке и вновь возвращаемся. Тропа потеряна.

На склоне поляны, под каменным утесом, стоит старый олень и ревет. Хотя от него до нас не больше нескольких десятков шагов, он медленно сходит все ниже и ниже, издавая время от времени грозный рев. Через узкую гриву леска другой олень отвечает ему глухим, хриплым стоном.

Начался дождь. В тумане слышен рев оленей и сухой треск сталкивающихся рогов.

Мы попытались было найти тропу по старым затесам на деревьях. Но сейчас их нельзя разглядеть. Выбрав на склоне три тесно сошедшие старые пихты с непроницаемыми для дождя густыми кронами, устраиваемся под средней, самой мощной, на ночлег. Место для лагеря превосходно защищено не только от дождя, но и от ветра. Одна беда: поблизости ни одного ручья.

Для добытия питьевой воды мы поверх травы на открытой лужайке растягиваем палаточный тент из прорезиненного шелка и в двух местах вдавливаем его. Образуется что-то вроде двух довольно больших ведер, куда дождевые струи стекают со всей остальной поверхности тента. Через двадцать минут первая порция пойманного в сети дождя уже кипит в котелке.

Расчищаем площадку под деревом, устилаем ее ветками, срезанными с соседних пихт. Наши постели уложены головой к стволу. Подушками служат рюкзаки. В ногах мы разводим, не жалея дров, жаркий костер. Рядом с костром подсыхают собранные нами прозапас огромные обломки букowego и соснового ветровала.

Полужинав, завертываемся в бурки и укладываемся спать.

Весь вечер и всю ночь в тумане и дожде ревет, теперь уже шагах в пятидесяти от нас, тот же олень. Ему отвечает рев в трех местах.

— «Товарищ» опять поет для нас, — говорит Пономаренко.

Уруштен, 26 сентября

На рассвете сильно похолодало. Дождь сменился снегом. Метет настоящая зимняя метель. Куда ни помотришь, взгляд упирется в белую, беззвучно осыпавшуюся пелену больших пушистых хлопьев.

Мертвую тишину прорывает могучий рев «Товарища».

— Запишите в книгу, — показывая в белесую муть, произносит Пономаренко, — олень ревет в снег и в дождь.

Еще немного — и над нами в вышине гудит с гор снежный ураган.

После полудня метель стихает. Снег сменяется дождем. Срываясь с ветвей, тяжело ударяются о землю комья мокрого снега.

Снова метель и снова дождь. И так до самой ночи.

Птичьих голосов не слышно совершенно. Насекомые ползают в траве вялые, намокшие. Некоторые совсем окостенели и не движутся.

Днем Пономаренко ходил искать тропу, но вернулся, не найдя ее: мешает снег, дождь и туман. Зато он принес огромные ягоды малины, плоды алычи и черешни.

— Запишите в книгу, — говорит Пономаренко, — что в такое позднее время здесь тонны алычи на деревьях, масса малины, черешни.

Мы обедаем у костра. Суп из свежего мяса с картофелем и луком, «на третье» — рисовая каша с маслом и малиновым вареньем (большую кружку варенья жена Пономаренко незаметно для мужа сунула в последнюю минуту в рюкзак).

Под вечер на соседнюю пихту опустилась большая серая сова и молча вперила в нас круглые желтые глаза. Так у нас завелись соседи: слева — олень, справа — старая неясность.

В семь часов вечера, в тумане и снегу, «Товарищ» опять начал свой концерт. Вслед за ним заревели еще три оленя.

С короткими перерывами олень ревет долго. Засыпаем под несмолкающую грозную песню «Товарища», согреваемые жаром костра.

...Несколько слов о костре. Костер в горах и лесу на ночевке — это все. Не нужно ни шалаша, ни палатки: их заменит костер. Веселое высокое пламя под



густой кроной пихты превратит любой дождь и снег в пары и любой холод — в огнедышащий жар.

У костра немедленно высыхает насквозь промокшая или заледеневшая одежда и обувь. У костра можно сидеть почти совершенно раздетым в крепкий мороз.

Не страшно в здешних лесах, если есть чем развести огонь. Но кто остается в горах без огня — конченный человек. Вот почему важно уметь разжигать костер в ненастную погоду. И прежде всего научиться выбирать топливо.

Березовые и осиновые дрова выгодны: они нескоро сгорают. Но их скромное пламя мало греет в холодную ночь и не веселит. Пихта вспыхивает быстро большим жарким пламенем. Но она слишком «веселое» дерево: пихтовый костер всю ночь, треща, стреляет, как из пулемета, и разбрасывает вокруг тысячи пылающих искр. Они превращают вашу одежду в решето, а ваш сон в сплошное бодрствование, если только вы не хотите превратиться в пепел вместе со своими пожитками.

Однако и береза и пихта дают незаменимый материал для растопки. Береза — смолистую кору, которая способна гореть под проливным дождем, а от пихты откалывают мелкие щепки. Стрельба их внутри костра совершенно не страшна.

Замечательно горят буковые и сосновые дрова. Пламя бука — высокое, яркое, все время ровное и дает равномерный, не остывающий жар. Но ярче, жарче и ровнее всех горят переполненные до краев коричнево-черной смолой рогатые корни кавказской сосны. При свете ее пламени в самую темную ночь можно найти иголку, можно читать самый мелкий шрифт.

Прекрасное дерево — бук и сосна! Оно как будто нарочно создано самой природой на радость лесорубам, охотникам и исследователям для жарких и светлых костров.

*Лагерь Холодный,
27 сентября*

Перед утром тонко, как струна, прозвенела синица. Ей откликнулись свистом и писком птицы с соседних деревьев.

Дождь и метель прекратились. На траве и деревьях лежит слепящий пушистый снег. Сначала все вокруг бело. Но прогревает солнце, и постепенно обнажается зеленая, еще не пожелтевшая листва. Странно видеть сочетание свежей зелени и снега на кудрявых кронах широколиственных деревьев. Падают снеговые комья. По всему лесу слышны треск ломающихся веток и шум обрушившихся буков и берез, кленов и грабов.

Садим лошадей и едем по направлению к Уруштену. Внимательно присматриваясь, ищем тропу. Заметить ее теперь труднее, чем позавчера: увеличилась путаница звериных хо-

дов, и снег местами засыпал все приметы. Оглядываем стволы встречных деревьев: нет ли затесов, которые указывают прежнюю охотничью дорогу. Наконец мы их увидели: они как глубокие, зарубцевавшиеся шрамы на коре самых старых деревьев. Теперь мы не собьемся с пути.

Спускаемся к реке. Переезжаем вброд через прозрачную и быструю светлозеленую воду с разноцветной галькой на дне.

Тропа идет вдоль плоских речных террас. Одни из них, состоящие из крупного галечника, поросли высокими редкими соснами, другие покрыты густой травой, орешником, алычой, черешней, кустами малины, бересклета, жасмина. Кусты и деревья щедро усеяны ягодами. Особенно много алычи и черешни.

Поднимаемся вдоль реки зигзагами по крутой тропе к лагерю Уруштен. С обрывистых стен ущелья сбегают прозрачные ручьи и бьющие пеной и брызгами шумные водопады. Над нами блистают куски холодной синевы очистившегося неба. В тумане и тучах темнеют вершины окружающих гор. В одном месте тропу пересек широкий волчий след. Из травы вылетают испуганные нами вальдшнепы и перепела. Они тоже переваливают через хребет. Птичий народ хорошо знает седловины перевалов и на крыле и пешком уходит к солнечному югу через каменные ворота, убегая от наступающей зимы.

За лагерем Уруштен тропы пошла еще круче вверх. Здесь снегов значительно больше. По снегу бодро бегают яркозеленые пауки. Листья горного клена обожжены морозом и стали пурпурными. Кружась и звеня, они сыплются к подножью деревьев. Листопад начался с кленов.

Лагерь Холодный встречает нас пронизывающим ветром.

Над недавно отстроенным белым бревенчатым домом в два этажа и соседним балаганом навис хребет Псеашхо в снегу и льдах. Нам предстоит брать этот перевал.

Расседываем лошадей и вносим вьюки в балаган. Под крышей сидит на жердочке снегирь и смотрит на нас с явным неодобрением. Мы нарушаем порядок и покой его квартиры. Волнуясь, он перепархивает из угла в угол, слетает на земляной пол, подскакивает к нам на расстояние двух шагов и что-то пищит. Потом уносится в щель под потолком и возвращается с подкреплением. Теперь уже три снегиря, взъерошенные и возбужденные, наступают на нас с сердитым писком. Но что поделать: на дворе холодно, и мы закрепляем за собой захваченную жилплощадь, разведя костер. Едкий дым пихты окончательно выгоняет хозяев.

Устраиваем постели на куче стружек. Но заснуть удалось нескоро. Не прошло и получаса, как за тонкой стеной раздались голоса и стук подков. Я выглянул в дверь: в сумерках

к балагану приближались две покрытые сединой инея лошади с вьюками. За ними устало шли два человека, одетых в брезентовые комбинезоны.

Пришедшие оказываются работниками геологической разведывательной партии: один — инженер-геолог, другой — рабочий, разведчик и проводник. Геолог — Бондарев из Ростова. Проводник живет на Красной Поляне, но он сибиряк и долго работал по георазведке на Саянах. Он хорошо знает район Большого Абакана, где я тоже бывал. У нас находится общий знакомый: известный в абаканской тайге дед Сафрон, живший недалеко от Аршана — Горячего Ключа, охотник, старатель и вообще мастер на все руки.

Бондарев производил поиски по Имеретинке, Лыжной, Синеи, Голубой, Аспидной и Челипсы. Он нашел там олово, цинк, свинец, мышьяк. Теперь, закончив работу, он возвращается на Красную Поляну.

Уже совсем стемнело. За стеной посятся снежные смерчи. Мы начали дремать. Вдруг вблизи балагана снова застучали копыта, заржала лошадь и послышался громкий говор. Распахнулась дверь, и в облаке пара и снега появилась человеческая фигура.

— Здесь группа геолога Кривохатского?

Следом из вихрящейся снегом ночи вынырнула другая мутная тень.

— Нам нужен товарищ Кривохатский!

— Что, нашли товарища Кривохатского? — с этими словами на порог шагнул третий человек. Был он невысокого роста, в круглых роговых очках и по одежде походил на альпиниста.

— Кривохатского здесь нет, — ответили мы хором.

Бондарев добавляет:

— Но я работаю в группе Кривохатского.

Вошедшие окружили Бондарева. Слышется вопросы:

— Так вы из группы Кривохатского?

— Коллекция образцов с вами?

— Нас интересует светлый гранит. Нет ли у вас образца, похожего на этот?

Выясняется, что человек в круглых очках — известный петрограф Борис Владимирович Залесский. Ему поручено найти светлый гранит для облицовки Дворца Советов. А его нужно немало: сто сорок тысяч кубометров!

Входят еще два спутника Залесского: маленький черный, обожженный южным солнцем грек — проводник группы и старик с курчавыми, совершенно белыми волосами, но с молодыми ясными глазами, по-юношески стройный и живой, в кожаной куртке и сапогах. Зовут его Тимофеем Георгиевичем Семеновым.

Лагерь Холодный,
28 сентября

Пользуясь однодневной передышкой, прошу Семенова рассказать мне о здешних краях; мне еще раньше рекомендовали его как бывалого человека.

Тимофею Георгиевичу шестьдесят три года, из них тридцать лет он живет в Сочинском районе. Он охотник, краевед и практик-геолог. Летом и зимой в своей неизменной кожанке, с непокрытой головой, он неутомимо лазит по горам, поднимается в верховья рек к коренным породам.

Во время своих скитаний в лесах и горах Западного Кавказа Семенов не раз наблюдал диких животных.

В августе 1929 года, днем, он видел барса на Алоусе. Вторая встреча с барсом произошла в сентябре 1932 года вблизи лагеря Уруштен. В 1938 году Тимофей Георгиевич вместе с двумя другими участниками его разведочной группы наткнулся в верховьях Малой Лабы на разорванных барсом туров.

— Бывают интересные случаи в жизни зверей, — говорит Тимофей Георгиевич. — Вот шакал. Он — приморское животное и обычно держится в шестикилометровой полосе от берега моря. Только иногда зимой шакал поднимается в глубь гор, километров на тридцать. Он хитрый ворюшка. Из-за него приморские жители не делают курятников, а держат домашнюю птицу на деревьях. Иначе ее шакалы передушат. Дикие коты каждую осень спускаются на побережье. Тут они забираются на деревья, душат спящих кур и индюшек. Уцелевшие птицы слетают с веток и попадают в зубы шакалам, которые идут следом за котами и караулят внизу.

Кавказский медведь — высокогорный зверь и вниз почти не спускается. Он — хищник. Стервятник и желтый медведь, высокий, худой и длинный, большоголовый, с продолговатым рылом. Я наблюдал раз, как желтый медведь скатывал с вершины хребта огромные камни, метя в серн, пасшихся внизу на склоне. Тут же я нашел прикрытую валежником и камнями расплюснутую серну: ее убил желтый медведь. В другой раз я видел, как желтый медведь подкрадывался к сернам. Они заметили его и засвистели. Медведь немедленно упал и покатился в кусты. Серны продолжали тревожно свистеть и топтать. Они глядели туда, где прежде был медведь, а он уже подкрадывался к ним сзади.

Однажды меня обманула и чуть не задрала медведица. Я увидел, что недалеко почти ползет по земле, уходя от меня, явно тяжело раненный медведь. Я решил добить его, забежал за скалу впереди медведя и вышел оттуда как раз против него, подняв обеими руками над головой основатель-

ный камень. Вдруг медведь встал на дыбы и двинулся на меня. В то же время я заметил, как двое медвежат скрылись в лесу. Я понял: медведица притворилась раненой, как делают птицы, и отводила меня от медвежат. Мне удалось неостовым криком испугать медведицу; она опустилась на все четыре лапы и бросилась вслед за медвежатами.

В районе Кавказского заповедника характер зверей сильно изменился. Я наблюдал туров десять лет назад: они были крайне осторожны и близко к себе не подпускали. В 1934 году я открыто подходил к ним на сорок метров, если не ближе, и целое стадо туров не убегало, но с любопытством смотрело на меня. Только потом туры спокойно отошли и вновь начали пастись.

В лесах южного склона, по словам Семенова, полчок зимует в дуплах и часто в моренах. Он забирается в щель и заделывает ее, оставляя небольшое отверстие. Там он лежит, оковенелый, уткнувшись носом в живот.

Напоминая, что полчок — одно из тех млекопитающих, которые впадают в наиболее длительную зимнюю спячку — недаром немцы называют его «зибеншлефер» (спящий семь месяцев), я спрашиваю Тимофея Георгиевича, что, по его мнению, позволяет полчку так долго обходиться без пищи и выдерживать морозы в совершенно не «оборудованном» убежище.

— Очевидно, это объясняется тем, — отвечает он, — что в последние месяцы своего бодрствования полчок питается главным образом буковым орехом и страшно жиреет. Кроме того, буковое масло отличается особыми качествами, что, должно быть, помогает полчку легче переносить зимние холода: оно не застывает на морозе. Если растопить жир медведя, питавшегося буковыми орехами, то этот жир на холоде не будет замерзать.

Слушая объяснение Семенова, я вспоминаю еще другое. Местные жители, которые очень любят буковый орех, говорят, что если съесть значительное количество чинариков (буковых орехов), то наступает тошнота, головокружение и сонливость. Поэтому они употребляют чинарики в высушенном виде и в смеси с орехами лещины.

Возможно, что некоторые химические соединения, находящиеся в ядре букового ореха и семена, которыми питается полчок, дополнительно к другим условиям еще более замедляют обмен веществ и, следовательно, расходование «топлива» — жира у впавшего в зимнюю спячку полчка.

Утром, чуть свет, московская группа геологов ушла на Имеретинку. Через час отправились и мы. Бондарев выходит немного позже вслед за нами.

Потеплело. Синее небо без облачка. На заснеженных скалах Псеашхо миллионами радужных искр дробятся солнечные лучи. Все круче вздымается перевал. Белая искристая россыпь снега на перевале истоптана многочисленными медвежьими следами. Тут проходило не меньше пятнадцати медведей. Бросаются в глаза следы двух совсем небольших медвежат, идущие все время рядом с отпечатками широких ступней матерого зверя. Это медведица с семейством. Что собрало здесь вместе полтора десятка медведей? Должно быть, они уходят с гор от снегопада, потому что рябая полоса их тропы поворачивает вниз.

На высшей точке подъема свистит ледяной ветер, и холод пробирает до костей. Начинается тяжелый длительный спуск. Лошади бредут в сугробах, спотыкаясь о скрытые снегом острые камни. Снег забивает копыта. Сходим с лошадой и ведем их в поводу.

Наблюдаю образование небольших лавин.

С занесенного снегом склона срывается комок величиной с кулак и бесшумно, ускоряя вращение, катится вниз. По пути он растет с каждым шагом, наматывая на себя верхний, еще не слежавшийся слой встречного снега и оставляя все ширящийся матовый, шероховатый след на сверкающей белизне. Через несколько секунд к подножью, в облачке серебряной пыли, подпрыгивая, сваливается снеговая шарообразная глыба метра два в поперечнике.

Чередование растительности на южном склоне иное, чем на северном. Здесь полоса альпийских лугов очень незначительна, зато обширна субальпика. Не видно и сплошных зарослей рододендрона. Верхняя опушка леса — не березовое, а буковое криволесье. За ним идут узким поясом высокоствольные пихты с примесью бука и дальше до самого подножья — буковые леса. На нижней опушке их растут островами каштаны, грецкий орех, дубы.

На южном склоне нет снега. Прозрачный воздух согрет солнцем.

По сырой тропе недавно прошел олень. Из кустов кавказской черники, малины и лавровишни по сторонам тропы вылетают вальдшнепы и перепела. Они тоже перевалили через хребет.



Миновав сланцевый рудник, по ровному широкому шоссе, среди зелени садов и янтарного и черно-синего блеска зрелых абрикосов, груш, яблок, винограда, въезжаем в Красную Поляну. Ее старинное название — Кбаада.

*Красная Поляна,
30 сентября*

Вечер ясен и тих. Вдали синее полукольцо гор. Над ними тонким серпом повис прозрачный месяц. Гремячая струя Мзымты бьется в камнях.

На открытой веранде дома для приезжающих в Южный отдел ученый-лесовод Леонид Иванович Соснин знакомит меня с прошлым растительного мира заповедника.

Леонид Иванович превосходно знает здешние леса.

Между прочим, он подтверждает собранные мною сообщения старожилов о том, что в корнях самшитника живут термиты. Они разносят семена самшита, утаскивая их к себе и съедая сладкий придаток. Самое семя они оставляют неповрежденным, и оно прорастает. Рассеивая самшитовые семена, термиты невольно сохраняют и расширяют свои «плантации», дающие им пищу.

В жизни самшита еще большее значение имеет растущий на нем мох. Он окутывает самшитовые стволы, на-глаз увеличивая их толщину в два-три раза. Мох свешивается с ветвей длинными прядями, и от этого роцц самшита кажется сказочным царством. Самшит очень влаголюбив, а мох, как губка, впитывает в себя водяные пары из воздуха, создает в самшитнике влажную прохладную атмосферу. Даже в самый зной, когда вокруг все накалено, в роцце самшита полумрак и сырость и земля у подножья деревьев черна от влаги. Зимой мох защищает дерево от морозов.

Интересный случай устойчивости и чрезвычайно плодотворного бессознательного сотрудничества в мире живой природы: все три члена этого содружества — и самшит, и термит, и мох — сохранились до наших дней от третичного периода, то есть существуют уже миллионы лет.

— Наши лесоводы и ботаники совершенно не связывают истории лесов с историей человека, — говорит Леонид Иванович. — До сих пор считают, что леса Западного Кавказа «девственные». Это глубочайшая ошибка. В местах, где теперь Кавказский заповедник, в самые отдаленные времена жил человек. На Кише тис встречается в остатках древних укреплений. По Цице, Кише, Малой Лабе, Мзымте, Пслуху, Ачипсе, Лауре, в верховьях Головинки, Умпырке и по притоку Малой Лабы — Ачипсе — существовали очень большие черкесские поселения. До последнего времени сохранились их развалины. На Красной Поляне, например, было пять тысяч мостов че-

рез Мзымту. Нынешние дикорастущие фруктовые деревья — груша, яблоня, черешня, алыча, грецкий орех и каштан — тесно связаны с местами древних поселений. То же нужно сказать о дикой ржи, которая всюду встречается в заповеднике.

— Что такое заповедник? — спрашивает Леонид Иванович. И сам отвечает: — Один говорит так: заповедник — это только охрана природы, вплоть до оберегания таких хищников, как волк. Это неверно. Мы должны управлять всеми сторонами жизни участка, который сделали заповедным, обогащать его. Мы должны преобразовать лесной и животный мир заповедника. Достаточно сказать, что в отдаленные времена олень был степным животным. Граница распространения зубра доходила до Анапы. Лишь потом, в течение столетий, звери, как, например, олень, были отжаты человеком в горы. Сохранение, восстановление и обогащение природы — вот что такое заповедник.

*Красная Поляна — лагерь Холодный,
1 октября*

В одиннадцать утра вместе с ботаником Ричардом Аполлинариевичем Еленевским и его коллектором я отправился из Красной Поляны к перевалу Псеашхо. Пономаренко задержался и догонит нас у лагеря Холодного.

Сначала мы едем по ровному широкому шоссе. Над нами висают ветви, отягощенные огромными пушистыми персиками и тяжелыми темносиними гроздьями винограда, вьющегося до самых макушек высоких деревьев. За сланцевым рудником начинается подъем на перевал Псеашхо. Впереди, в синеве и зелени, все круче встают склоны гор.

Еленевский отмечает при помощи высотомера пределы проникновения разных древесных пород. Дуб поднимается до 1 200, каштан — до 1 350 метров, лавровишня и бук — до 2 000 метров.

По мере подъема меняется и травяная растительность. Внизу вся земля между деревьями покрыта мощными нагими папоротника-орляка. Выше идут другие, менее крупные лесные папоротники. Высокая трава лесных полей и субальпийских лугов переходит в ровные, как будто подстриженные ковры альпийской растительности. Они господствуют здесь, спускаясь гораздо ниже, чем на северном склоне, и оставляя для субальпика сравнительно узкую полосу.



Снег стаял только местами, и горы вокруг стоят рябые.

На блеклозеленых проталинах горят оранжевые и белые огни крокусов, синие и лиловые — генциан-горечавок. Крокусы — верные предвестники скорой зимы: последняя вспышка высокогорного цветения, запоздалая и яркая.

Над альпийскими лугами летают черные и бордово-красные бабочки. У меня возникает — и уже не первый раз — вопрос: не связано ли преобладание темных цветов в окраске высокогорных бабочек с поглощением солнечного света?

Мы достигли высшей точки перевала — 2 200 метров. В конце обширного плато, у подножья бурых выветренных осей, лежит озеровидное ледниковое расширение. Пропилив плотину — моренный вал, вода давно уже утекла отсюда, и расширение, занесенное смынами почвы и галькой, поросло остролиственными осоками.

Со всех сторон высятся в тумане скалистые громады. Снизу, из каменной бездны, клубясь, поднимается мрачная серо-синяя туча.

Ветер и ночь застигают нас в пути.

Подъезжаем к лагерю Холодному. Расседлав лошадей, разводим костер под открытым небом.

Лагерь Уруштен, 2 октября

Выезжаем в лагерь Уруштен. Пономаренко успел нас догнать. Он говорит, что московские геологи нашли месторождение светлого гранита.

Великолепный солнечный день. В лесу прохладно и тихо. Слышится однообразный шум водопада и реки Уруштена. Вода в ней светлозеленая от донных камней. В трех местах поперек Уруштена лежат снеговые лавинные мосты: быстрое течение прорыло тоннель в слежавшейся заледеневшей толще лавин. Здесь снега так обильны, что не успевают растаять до новой зимы.

Ричард Аполлиариевич идет пешком. Его слегка сторбленная фигура в кожаной куртке и кепке мелькает то среди субальпийского высокоотравья, то в голубых, поросших лишайниками осынях. Он недавно закончил высокогорный ботанический поход на восток от Гузершля до Эльбруса и теперь, на обратном пути, проверяет свои наблюдения.

В противоположность Теберде, где горный массив состоит из твердых пород и очень скалист, горы этой части Кавказского хребта сложены из мягких осадочных пород. Очертания гор водообразны, округлы.

На юго-восточных скалистых склонах щетинится стена пихтарника и сосен — на самых каменистых осынях.

Мягкие и пологие северо-западные склоны поросли буком, березой, высокогорным кленом.

На верхней границе лиственных лесов криволестье перемежается с естественными лугами. Эти долины называются «лавинными дотками». Они очень опасны: по ним скатываются зимой и под весну гигантские нагромождения снега. Сползая, лавины во многих местах из года в год вырывают с корнем и уносят деревья, «прочесывают» лес. Так образуются естественные луга — «прочесы», которые длинными языками спускаются со склонов.

Мы едем плоскими речными террасами. На многих из них островами растут сосны. Сухолюбивая сосна привилась здесь благодаря галечнику террас. Галечник не задерживает воды и приближается по условиям питания деревьев к скалистым участкам гор. Растущий выше на осынях сосняк обсеменяет террасы.

Поляны покрыты зарослями огромных лопухов и папоротников — орляка и страусового пера.

Вот и новый уруштенский лагерь. Белый, из свежего теса, дом окружен кольцом темнохвойных хребтов. Среди сии и черны пихт видны веселые светлые овалы и языки горных лугов, пламенеют костры широколиственных деревьев. Не поосеннему горячо пригревает солнце. Но бледная голубизна неба, и блеклая зелень увядающих трав, и шорох, и звон облетающих листьев — это осень.

Совсем близко, на той стороне Уруштена, в черных пихтах раздаются трубные звуки, стон и кашель ревущего олея.

...Ночью у костра я долго беседую с Еленевским. Он известный луговед и по праву должен считаться первым советским поймоведем.

Ричард Аполлиариевич прожил до революции тяжелую жизнь. Он был беспризорником. От «золотого детства», которое он провел в чужой семье, воспитывавшей за деньги безродных детей, у него остались следы страшных ожогов на спине, искривленный позвоночник и полупарализованная правая рука.

Подростком он бежал с этой каторги и стал бродяжить. Но он был талантлив. Преодолев огромные трудности, он сдал экстерном экзамен за среднюю школу и окончил университет. Жестокое прошлое закалило волю ученого. И сейчас, когда Ричард Аполлиариевич неторопливо, вполголоса, чтобы не разбудить спящих, рассказывает о своих наблюдениях и планах, в глубокой складке, идущей к переносью, в сосредоточенном блеске глаз, в выражении его орлиного худощавого лица с седоватыми подстриженными усами видна эта желез-

ная поля, и знаешь, что твой собеседник не бросает слов на ветер.

Ричард Аполлинариевич говорит:

— Дело всей моей научной жизни — показать целостную картину смены ландшафтов с запада на восток. Первая ступень этой работы — высокогорные ландшафты Евразии от Атлантического океана до Великого, вторая ступень — изучение альпийского ландшафта в мировом масштабе. Звенья, «позвонки», Западного Кавказа мне ясны, но недостает «костей» для восстановления всего «скелета»: надо проследить смену ландшафтов еще со стороны Закавказья, Азербайджана.

Жизнь слишком коротка. Надо работать неустанно. Я уже немолодой человек и должен завершить работу в сжатые сроки. Я обследовал Камчатку, Дальний Восток, Саяны, Тянь-Шань, Алтай, Кавказ, Памир.

Нельзя расплыться, размениваться на детали, на мелочи. Надо уметь выбрать типическое. Наука в этом отношении должна быть похожа на искусство. Художник Серов двумя-тремя штрихами создавал законченный образ. А у нас ботаники разрывают живую картину на мертвые части, клочки... Нужно представлять себе природу целостно.

Существует она как целое, как комплекс. Попробуйте по работам многих наших ботаников получить подобное представление: невозможно! Вот старик Кузнецов, он почти единственный умел это делать: его описание пихтовых лесов — живая, типическая, художественно-научная картина...

Пирамиды и конусы гор встают в тумане призрачными силуэтами. Черные кусты обступили наш балаган. Ниже в долинах неподвижно лежит белая полупрозрачная пелена. Высокая ясная луна в россыпи звезд похожа на пастуха, стерегущего отару.

В туманах, не умолкая, режут олени, шумит Уруштен.

Перевал Алоус, 3 октября

Раннее утро. В балагане, хотя и горит большой костер, холодно. На дворе мороз. Трава промерзла и покрыта инеем.

Прощаюсь с Еленевским: он через Аспидный перевал возвращается на Гузерипль.

Едем вдвоем с Пономаренко к перевалу Алоус. Из-за реки Уруштена, будто провожая нас, доносится снова хриплый рев оленей.

Погода держится морозная, но солнечная. Бледное голубое небо без единого облачка. На полянках иней и снег. В лесу снега нет.

Поднимаемся на перевал. Высшая точка его — лагерь Алоус — на уровне 1930 метров. Вершины гор и скалистые склоны их засыпаны снегом. На гребне Алоуса блестят ледники. К ним отчетливыми зигзагами ведет княжеская охотничья тропа, пробитая для подхода к турам.

Дорога идет через пихтарники и горные дуга. На верхней опушке пихтового леса краснеют куртины клена. Субальпийский луг устилает путаница травы, скошенной холодами. Над ней возвышаются черные скелеты зонтичных. Грудь дышит горьковатыми запахами увяданья.

В траве шныряют перепелки. Они жирны и круглы, и скорее не бегут, а катятся. Если бы не вытянутые вперед шеи, не догадаться, что это птицы.

С крутизны склонов по сланцевым ступеням стремятся тысячи ключей. В лене радужной пыли, клокоча, обрушиваются водопады. Пятна мха и лишайника расцвели скалы пестрыми узорами.

Снова лес высокоствольных пихт, сосен и елей. Здесь полумрак и сырость. Неподвижно свешиваются с ветвей седые клоки усней, похожие на бороды заснувших великанов. Земля между деревьями покрыта зелеными зарослями папоротников и овсяницы.

На тропе, черной и влажной, крупные следы оленя и огромные — медведя. Вот один за другим, след в след, прошли три волка. Неподалеку виден волчий помет: шерсть серны, смешанная с белой известковой массой.

Время от времени лес прерывается, и мы перескажем прекрасные широкие поляны. Копыта лошадей бесшумно ступают по измятой, полегшей траве. Поляны окаймлены осиною, ольхой, березой.

На высоте 1600 метров появляются фруктовые деревья, а метров на двести ниже — дуб. Влажный климат Умпыря позволяет им подниматься высоко в горы. Ветки груш, яблонь и алычи осыпаны плодами. Плоды лежат и на земле у подножья деревьев.

Неожиданно потянуло смолистою гарью костра. В просвете между двумя пихтами спиралью курится синяя струйка дыма. Мы едем туда. В кривых корнях старой пихты тлеют угли догорающего костра. Рядом с костром, поджав ноги, сидят два человека в форменной одежде и в фуражках со значками охраны заповедника. Перед ними стоит закопченный котелок. К стволу дерева прислонены ружья. Рюкзаки сброшены на траву.

У обоих старинные турецкие ножи у пояса, легкие сырмятные поршни на ногах.

Здороваемся и сходим с коней. Один из уживавших, Юганес Адович Розе, служит старшим наблюдателем на кордоне

Умпырь, другой — младший наблюдатель того же кордона.

Они вышли в очередной обход.

Юганес Адович, среднего роста, худощавый эстонец с рыжеватыми волосами и почти белыми ресницами и усами, рассказывает:

— Первый рев оленей в этом году был слышен одиннадцатого сентября. Ревка не прерывалась в дождь и в снег. Ланки все спустились вниз, и олени-рогали режут без самок. Ланки ушли перед выпадением снега и ненастьем. Зверь заранее чувствует, что будет перемена погоды. В этом году олени худые, и рев начался позднее.

Соня-полчок сейчас еще не залег. Он засыпает в ноябре. В феврале 1931 года на Красной Поляне я видел в дупле большой валежины сразу семьдесят одного полчка. Они сбились в такой клубок, что хоть ножом режь. Без всякой подстилки они просто лежали кучей на дне дупла.

Розе утверждает, что полчок начинает просыпаться в последних числах мая, когда созревает черешня и появляются разные ягоды-скороспелки.

Он в течение многих лет наблюдал форель и лосося в реках южного склона и так описывает нерест этих рыб:

— Полный нерест форели бывает в октябре. Она выходит тогда на неглубокие места с крупным донным песком. Где форель не тревожат, нерест идет весь день. А где форель напугана, к примеру, в Южном отделе, она мечет икру с вечера до десяти часов утра. Во время нереста самка и самец форели стоят рядом. Лососи — те переходят друг через друга. Они держатся на мелком месте. Спина самца часто бывает видна над водой.

— Самка форели выпускает икру на мелком месте, на песке, и самец тут же поливает икру молоками. Икринки прилипают и к песку, и к камушкам, и к мху, — говорит Пономаренко.

Окраска форели бывает самая различная, в зависимости от цвета дна и воды, где она живет. В реке Ажу форель желтого, воскового цвета: там и дно и берег состоят из точильного камня желтовато-наждачного цвета, и вода при паводках идет совершенно желтая. В верховье Головинки та же самая форель — черная, как уголь: там, в верховье реки, берега и дно — черный сланец, и вода идет прозрачно-черная, такой же ил и осадки тинет. А в верховьях Белой берега и дно белого камня (в нем много слюды). Вода в реке чистая, как слеза, и форель там белая, с голубой спинкой.

Я задаю Юганесу Адовичу вопрос: можно ли рассчитывать, что где-нибудь здесь, в глухих местах, случайно уцелела

небольшая группа зубров или одиночные животные? Ведь тут когда-то было настоящее зубровое царство. Розе отвечает:

— Зубры были здесь больше на Местыке, по Мастаканскому хребту. До 1925 года на них еще охотились жители станции Псебайской. Зубр — такой зверь, что если его беспокоят, он меняет место. Последнего зубра убили на южном склоне в 1929 году. На озере Рица, под Ачипстой, осенью охотился пастух-абхазец. Он натолкнулся на этого зубра и застрелил. Абхазец позвал людей и говорит: «Я убил зверя, не знаю какого». Это оказался зубр.

Спутник Розе вспоминает другой случай:

— В верховьях Большой Лабы, в устье реки Санчаро, есть пастбище Арка-сара — это километров двадцать пять от Карачыра. В 1934 году я проходил там с одним пастухом. Идем — балочка, а в ней хорошее пастбище, протекает речушка, и около этой речушки стоит старый-старый балаган. Пастух мне сказал, что здесь горцы охотились на кунниц. Я пошел к речушке пить воду. Смотрю — что такое: лежит кость, мосол большой, откуда — не знаю. С одного конца дыра уже прогрызена, — в дыру моих два кулака лезет. Я положил мосол в сумку, стал расспрашивать. В ауле Архыз жил старый горец, звали его Миша. Так он сказал, что это кость зубра. Когда я спрашивал его, водились ли там зубры, он отвечал, что нет, а балаган был его...

Прощаемся с наблюдателями и продолжаем путь. Слушаем все ниже.

Тропа идет уже по берегу Малой Лабы. Светлозеленые быстрые струи широкой и веселой реки, гремя, несутся вниз по крутому уклону русла.

Встал белый месяц. В низинах сгущается синева. Склоны — в темной зелени. Заходящее солнце золотит снега на вершинах гор. Багрово-красный отблеск заката и голубоватый, бледный и рассеянный свет поднимающегося месяца, смешиваясь, окрашивают небо, леса и горы в необычные тона.

По залитой лунным холодным блеском тропе подъезжаем к белеющим в темноте, недавно отстроенным домам кордона Умпырь.

*Кордон Умпырь,
4 октября*

Утро встречает нас ярким солнцем. В синеве неба отчетливо вырисовываются зелено-голубые ломаные линии хребтов и вершины в искрящейся белизне снегов. Трава опущена тонкими иглами инея.

С наблюдателем Яковом Ариольдовичем Кейвом и метеорологом-наблюдателем идем к Малой Лабе. Кейв на всякий случай захватил двустволку. На встречных полянах, среди

желтых и бурых трав поднимаются высокие, в человеческий рост, стебли дикой ржи.

Под сладкими грушами вся земля истоптана и зарыта кабанями, оленями и медведями. Всюду виден медвежий помет: остатки груш, кислиц и алычи. Ствол старой груши испаран когтями медведя. На ее вершине чернеет род огромного «вороньего гнезда», сделанного медведем: он заламывал ветки, пригибая их к себе. В другом конце поляны на самой макушке высокого бука торчат полуобнаженные сучья. В кору ствола глубоко врезаны свежие желтые борозды. Ниже обломанных ветвей и на этом дереве медведь соорудил свое «гнездо». Здесь оно двухэтажное: видимо, медведь использовал первый залом, как удобную опору, чтобы добраться до крайних веток.

Среди большой поляны на речной террасе разбросаны многочисленные курганы. На них громоздятся кучи замшелых камней. У каждого кургана кудрявятся фруктовые деревья. Некоторые из этих искусственных возвышений явно напоминают остатки оснований стен и башен. Похоже, что когда-то кольцо земляных и каменных укреплений замыкало широкую ровную площадь.

В высокой траве, по бурелому, по окатанным круглым камням спускаемся к реке. Через узкие протоки перебираемся по упавшим деревьям на заросшие густым ивняком и папоротником островки. С крутого берега, перекрещиваясь во всех направлениях, сбегают к воде глубокие звериные тропы.

Малая Лаба неглубока, но с огромной быстротой мчит по сильно склоненному каменному ложу. Сквозь зеленоватую мелкую воду просвечивает со дна разноцветная крупная галька, и от этого на поверхности реки переливается радужная рябь. Особенно весела яркозеленая вода Умпыря. Прыгая по уступам, он стремительно скатывается в Лабу.

Временами мои спутники останавливаются и забрасывают удочки в kloкочущую струю над глубокими ямами омутов. Почти тотчас же форель хватается приманку, донца взвивается в воздух, и на конце ее бьется пестрая рыба. Форель сейчас окрашена гораздо богаче, чем летом, и, вероятно, только начала нереститься, так как почти все пойманные экземпляры полны икрой.

Снизу у камней, устилающих дно ручьев и речек, крепко приделаны трубочки, искусно склеенные из мелкой гальки. Это жилища личинок крылатых насекомых — ручейников.

На обратном пути к кордону нам встретились следы большого медведя, нескольких оленей, трех волков и свежий волчий помет; в нем — непереваженные остатки груш, кислиц и хитиновые покровы черных жуков. Волков на Умпыре очень много, и они совсем не вегетарианцы, хотя не отказываются

и от сладких плодов. Вблизи самого кордона на берегу Малой Лобы они ежедневно гоняют косуль и диких свиней. Об этом говорят вытоптанная трава и обломанные ветки на кустах. На берегу реки валяется скелет недавно съеденного ими дикого кабана.

На кусте шиповника я заметил какой-то большой нарост. При ближайшем ознакомлении он оказался гнездом бумажной осы. Гнездо грушевидной формы и величиной в два кулака. Оно было искусно сделано из голубоватого материала, похожего на папье-маше, и прочно прикреплено к сучку шиповника широкой стороной.

Когда я, срезав сучок, взял в руки гнездо, из него выползла полусонная оса и, вло двигая крыльями, с трудом поднялась в воздух.

К кордону мы подошли уже в сумерки. На леса и горы наплывает синий туман.

...Недавно Кейв был свидетелем такой сцены.

— Внизу, у самого кордона, — говорит он, — сейчас больше всего медведей и диких свиней. Медведи спустились с горы к фруктовым деревьям и сначала ходили к грушам и кислицам, а теперь забираются на бук.

Я делал волчий доушки и шел около часа дня вверх по реке. Слышу, что-то трещит. По шуму я понял, что это медведь ломает бук. Я спрятался и стал наблюдать. Было пасмурно. Приглядевшись, я увидел на одном дереве медведицу и на другом трех медвежат. Медвежонок побольше залез на самую верхушку бука.

На зверей нанесло ветром мой запах. Медведица спустилась на землю и начала ходить на задних лапах вокруг бука, на котором сидели медвежата. Вытянувшись, она смотрела на маленьких и звала. Она издавала короткие, глухие звуки: «бу-у, бу-у», и не то чихала, не то фыркала. Медвежата отвечали ей похожим на протяжное мычание звуком и быстро соскользнули вниз. Метрах в двух от земли они прыгнули, и вся медвежья семья тотчас же скрылась.

*Умпырский перевал,
5 октября*

Солнце еще не взошло. В темноте, в десятке метров от дома наблюдателей слышится заглушенный шорох, тихое сопенье, треск пригибаемых ветвей. Это кормятся в фруктовых садах медведи, кабаны, олени.

Светает. На розовеющем небе обрисовываются скалистые громады Безымянной горы, одной из самых высоких в запопаднике: 3 200 метров над уровнем моря.

В семь часов утра отправляемся на Каралырь вместе со старшим наблюдателем этого кордона Никитой Степановичем Летягиным.

Едем молчаливым влажным лесом, через белые от инея поляны. На грушах и кислицах желтеют плоды. Золотой дождь плодов осыпал землю под деревьями.

Вдоль берега дымящейся утренним паром реки, в бурой траве под грушами, бормоча, медленно бредет кавказский медведь. Временами он опускает голову в бурьян, что-то добывая на ходу. Сначала мы видим только его горбатую спину, затем он поворачивается боком.

Заметив людей, медведь мгновенно вскинулся. Круто, одним прыжком он повернулся ко мне вполбока, блеснул беловатым горлом и показал полностью лобастую голову и грудь. Еще один неуклюжий прыжок в обратную сторону, мелькнули снова лобастая, остромордая голова, белое пятно на шее и груди, горбатый загривок и все серебристо-серое тело зверя. Сделав три, по виду тяжелых и неуклюжих, а на самом деле очень быстрых и ловких, нырющих скачка, медведь скрылся в чаще фруктовых деревьев и молодого дубняка.

Всюду свежие следы медведей, кабанов и оленей. Чернеют кабаны порон, Камни поменьше сдвинуты с места и перевернуты. Под большими обломками скал выкопаны глубокие ямы и набросаны кучи еще не подсохшей земли. Здесь трудился медведь. Он, роя, отгребает землю к себе; кабан, тот насыпает изогнутые, выгнутые наружу валки. Широкими полосами лежит примята медведем трава.

Минуем высокоствольные чащи поросших мхом, лишайником и гигантскими грибами серебряно-серых буков, синих пихт, светлозеленых сосен и черных прямых елей. Одна за другой уходят вниз просторные свежие поляны — Азиатская, Каменистая, Тетеревиная, Рододендроновая. Эти названия даны полянам недаром: на Азиатской поляне растут настоящие фруктовые сады — одичавшие потомки абадзехских культурных насаждений. Рододендроновая поляна покрыта непроходимыми зарослями рододендрона.

Выезжаем к полянам. В высокотравье, на верхней опушке леса, быстро пробежали четыре оленя: впереди самец, за ним старая лань, молодая ланка и снова рогаль. Промчались через поляну и скрылись в березняке. Поодаль стоит под зеленой кудрявой березой огромный олень и ревет. Его могучие рыжие бока прерывисто вздымаются. Медленно, опустив к земле голову с большими разлапными рогами, как бы готовясь к бою и угрожая, проходит он через поляну и исчезает в роще. Снова появляется на чистом месте, заходит за синие пихты, пересекает в последний раз поляну и скрывается в зелени берез.

Продолжаем подъем к гребню хребта. В сотне шагов от нас уходят к вершине четыре оленя, их догоняет еще один рогаль.

Отовсюду, снизу и сверху, доносится хриплый грозный рев. На тропе, которую только что пересек старый рогаль, был слышен настолько острый и дурманящий запах, что кружилась голова.

Идем по снегам Умпырского перешейка, ведя лошадей в поводу. Справа простираются альпийские луга Лугани и гряда убегающих вдаль скалистых вершин. Внизу морем яркой зелени разлились широколиственные леса. Это долины Умпыря. Слева уходит на восток скалистая громада Магишо.

Перед спуском мы с Никитой Степановичем, оставив лошадей на попочение Пономаренко, взбираемся на вершину Лугани. Странно встречать в тончайшем ковре альпийки до необычайности карликовые травы, которые достигают огромной высоты на лесных полянах и в субальпике. Почему-то особенно невозможной, выдуманной кажется черника-лилипут с крохотными листками и игрушечными ягодами.

С каждым лишним десятком метров вверх по прямой становится все труднее дышать. Будто чья-то рука сжимает сердце до острой боли. В ушах непрекращающийся шум и звон. Делается легче, если прилечь на траву.

С Лугани открывается такая величественная и радостная картина, что сразу забываются эти неприятные мелочи. Взгляд схватывает, как одно целое, и голубую воздушную бездну впереди, и за ней яркую синеву, и зелень на склонах и в ущельях Загедана и Имеретинки, и светлые нити стремящихся с гор притоков Большой Лабы, и коричнево-красные и синие срезы и осыпи прямо перед нами на крутом западном склоне Лугани — прибежище серн и туров.

Гремя, в глубине бездны кипит и бьется Зақан, вытекающий из-под Лугани. С хребта он представляется такой же чуть заметной серебряной нитью, как и другие реки. Но громовой гуд его доносится до самых высоких вершин. Над скалами и пропастями выотся, как черные листья, красноключные альпийские клушницы.

В скалах я подобрал несколько перьев орла-бородача. Летягин говорит, что на Лугани, кроме орлов, водятся еще грифы.

Белые снега на вершинах гор исчерчены тонкими зигзагами перекрещивающихся во всех направлениях следов туров и серн. Зверьиные дороги идут с Лугани на Магишо. На высоте 3 100 метров, справа по тропе к перевалу, снег истоптан сотнями серновых копыт. Широкая рябая полоса спускается напрямик, резко выделяясь на фоне окружающей слепящей белизны: с Лугани на зимовку на Магишо одновременно прошло больше двухсот серн. Эту тропу пересекает другая, такая

же широкая полоса, идущая от Закана: она проложена стадом не меньше, чем в сто семьдесят — сто восемьдесят сери. Оба стада откочевали этой ночью.

Через перевал с Умпья на Закан протянулись свежие следы двух медведей. В обратном направлении прошел олень-рогаль. На тропе, по которой мы сходим в долину Закана, видны следы волков.

Перевал, оказывается, очень оживлен, как перекресток всех звериных дорог.

Тропа вьется среди пихт, сосен и елей. Выходим на большую поляну. В центре ее стоит несколько огромных пихт. В стороне от них расположен имеретинский кош. На жердях ограды расластана бурка и подвешены сумки с припасами и ведра. С горы доносится свист: на скале неподвижно стоит пастух в широкополой войлочной шляпе и с длинной палкой в руках. Кругом, рассыпавшись в кустах, пасутся лошади.

За поляной начались лиственные леса. Под крутым берегом мчится Закан. Гремящий, ленивый, он скачет с утесов по выбитым его стремительным падением уступам. Он скрежещет и грохочет в каменном ложе, передвигая тяжелые круглые гальки. Быстрина во многих местах перегороджена наносами гальки, вырванными с корнем и добела обточенными водой деревьями. Упругая струя бьет через преграды взмыленными водопадами.

Еще за два-три километра от Закана появляются сплошные фруктовые сады. Они сопровождают нас до самого кордона. На ветках — золотое изобилие груш, кислицы и алычи. Плоды алычи исключительно разнообразны по цвету: от янтарно-желтого до несколько ослабленной буроватым оттенком синевы садовой сливы, и по вкусу: от нестерпимо кислого, сводящего рот оскоминой, и до более сладкого, чем у культурного плода. Не грех бы нашим ученым-садоводам забраться сюда в период созревания плодов. Мне же эти сады еще и еще раз говорят о человеке, который, быть может, сотни лет тому назад умными своими руками возвращал и делал одичавшие теперь деревья.

Мы проезжаем мимо лагеря геологов в устье реки, раньше безымянной и только в этом году нанесенной геологами на карту и получившей название Хвойной. Поворачиваем по дороге, построенной леспромхозом. Она частью прорублена в скалах, частью пролегла по мочагам змеящейся лентой поперечных деревянных плах, скрепленных по краям железными скобами.

Переправившись несколько раз через пенящийся Закан и его притоки, вступаем в похожий на парк высокоствольный лес. Он очень отличается от лесов северного и южного склонов. Главные древесные породы здесь граб, клен, ясень, карагач, ильм, медвежья груша.

В одном месте, где под старым карагачом поставлена волчья ловушка, мои спутники сходят с лошадей, и Пономаренко долго и обстоятельно объясняет Летягину, как правильно устраивать механизм, обрушивающий сорокапудовый груз бревен на схватившего приваду волка. В доказательство своей правоты он быстрым движением срывает с упора настораживающий брусок, и бревенчатый навес ловушки не падает. Прделав свой фокус, Пономаренко неодобрительно глядит на Летягина, который растерян и смущен, как провалившийся на экзамене школьник.

Сразу же при выходе из леса, у подножья гор, раскинулась светлая поляна — кордон Карапырь. Отсюда видны хребты Загадава, Дамхурца, Закана. Они охватывают поляну полукольцом. На горах лежит густая синева, смешанная с пурпурными красками заката.

*Кордон Карапырь,
6 октября*

Старший наблюдатель Никита Степанович Летягин работает на кордоне Карапырь четыре года. Он вырос в здешних лесах и хорошо знает зверей и их повадки.

— Я шел зимой, — рассказывает он, — по берегу Малой Лабы. Вскоре я заметил след оленя. Через несколько десятков шагов появились следы восьми волков. Оленья тропа была обрызгана кровью. По следам на снегу видно было, что волки погнались оленя к реке. Олень забежал в воду. Часть волков перешла на другой берег, а часть осталась на этом берегу. Олень пошел вниз по течению, не разбирая, где буруны, где камни. В местах, где сближался намерзший у обоих берегов лед, волки пробовали схватить оленя, танцевали. Весь снег тут был истоптан волчьими следами. Олень шел по быстрине километра четыре. Там на реке стоял балаган старателей. По воде стлался дым. Олень не испугался дыма и около балагана выскочил на берег, а волки повернули назад.

Один из младших наблюдателей вспоминает похожий случай:

— Это было на Третьей роте зимой. Стояла лунная ночь. Начали брехать собаки. Я вышел из балагана, смотрю: к моей кочевке, куда был загнан скот, мчится ланка. Она просунула через ворота голову и шею: видно, хотела проскочить за ограду. Со мной была собачонка, она подвела лай. Ланка покружилась и бросилась дальше. Следом из лесу выбежал волк и снова погнался за ней.

Никита Степанович продолжает:

— Как-то летом я шел по тропе выше кордона Черноречье. Сел передохнуть, начал закуривать, слышу — сзади кто-то

мурчит. Я обернулся: в нескольких шагах за моей спиной стоит медведица с двумя медвежатами. На морде — пена. Медведица подвигается ближе, ближе, то поднимается на дыбы, то падает на все четыре лапы. Я взялся за ружье, и тогда она ушла.

В августе я встретил перед вечером в кустарнике куницу-желтодушку. Тут же были две маленькие куницы. Они играли, прыгали, ловили жуков. Маленькие, заметив меня, быстро поднялись на пихту, а старая куница побежала кустами: стала отводить.

В другой раз я видел, как ветер свалил пихту. Потом на моих глазах к этой пихте подкралась куница и начала выбирать из дупла пчелиные соты. Она, должно быть, раньше знала, что тут мед. Это была куница-желтодушка.

У другого младшего наблюдателя также было немало интересных встреч.

— Я видел в реке Дамхурц, — говорит он, — старую выдру с двумя маленькими. Выдра ныряла, как рыба, в большом затоне. За ней нырял один выдренок, а другой сидел на карче. Они меня заметили и ушли в карчи. Это было зимой, в декабре.

В мае мне попала выдра на Малой Лябе. Выдра плавала в заросшем ольхой заливе. Она держала в зубах выдренка и вместе с ним плавала и ныряла. Она играла с маленьким, переворачиваясь с боку на бок и колесом, через голову. Детеныш был величиной с котенка...

Раз мне пришлось видеть бой оленей во время ревки. Смотрю — олень ревет и рогами сбивает ветки, а около него стоят три лани. В то же время за хребтом заревел другой олень. Через несколько минут гляжу — он идет по направлению к первому оленю. Этот заметил соперника и бросился наперерез. Олени сошлись метров на десять. Второй рвется к ланкам, а первый все не пускает. Второй олень ходил, ходил, не выдержал (он был больше) и бросился прямо на первого. Тут они и сцепились. Раздался частый треск и стук рогов. Ланки испугались и отскочили. Бой продолжался около часа. Меньший, который был с ланками, сбил противника, тот с ревом уходит, а победитель гонится за ним и тоже ревет. Гнался он метров тридцать и потом вернулся к ланкам.

*Поселок Теплый,
7 октября*

Выехал вдвоем с Пономаренко из Каралыря на Псебай. Дорога идет берегом Большой Лябы вниз по течению. Справа нас провожает хребет Загедана, величественный и скалистый. Он покрыт мощными лесами.

По пути минуем прииск Рошкоа. Это целый золотопромышленный городок. С гор к галечным террасам спускаются сооружения для промывки золотоносной породы сильным напором водяной струи. Вдоль берега, здесь и там, работают старатели — «золотничники». Поселок освещается электричеством. Дома рабочих окружены огородами.

В нескольких километрах от прииска, в поселке Теплом, живет бывший егерь Кубанской охоты Алексей Власович Телеусов, знаток мест, где раньше охотились великие князья, а теперь создан Кавказский государственный заповедник.

Я давно уже хотел увидеться с Телеусовым, и вот мы сидим у него в доме. Алексей Власович угощает нас парным молоком и рассказывает о делах давно минувших дней, о привычках и хитрости разного лесного зверя.

Маленький старичок, с седоватой острой бородкой и закрученными усами, сохранив до сих пор особую охотничью сноровку. Глаза его смотрят внимательно и зорко. Алексей Власович говорит:

— Не люблю пустых разговоров. Что знаю, то знаю. Я в здешних лесах тридцать лет проработал и выдумывать или понаслышке болтать всякую всячину не хочу. Есть у нас такие: здесь, говорят, было до тысячи зубров, а мы, егеря, сами считали их не больше трех сотен.

В своем справочнике «Рекорды крупной дичи», изданном в Лондоне в 1910 году, Уорд сообщает об очень крупных размерах кавказского зубра-самца, убитого охотником «джентльменом» мистером Литтлделем в лесах великокняжеской охоты. Длина этого быка от носа до конца хвоста была свыше десяти футов, высота в плечах — почти пять с половиной футов.

Телеусов вместе с другим егерем был прикомандирован к мистеру Литтлделю и подводил его к этому зубру: бык оказался действительно гигантом. С тем же Литтлделем Алексей Власович и его товарищ разыграли довольно жестокую шутку. Им не понравилось высокомерие англичанина. И однажды во время охоты на туров в снежниках, когда Литтлдел ночью в спальном мешке у костра, они, сговорившись, столкнули его в лежащие пониже сугробы. Пролетев изрядное количество метров по крутому обледеневшему скату, англичанин еле выбрался из мешка. Подоспевшие егеря объяснили ему, что это пришлось сделать для его же спасения: спальник мешок будто бы готов был вспыхнуть.

Мы провели в Теплом весь день и уже под вечер, распрощавшись с Телеусовым, тронулись дальше.

Наш путь идет все время вниз по берегу Большой Лябы, широким шоссе. Постройка шоссе еще не закончилась: ведут

ся взрывные работы, подвозится и сыпается щебень. Тяжело проплывают выравнивающие ленту дороги катки.

Ночь застигает нас в пути. Встает луна. Сначала она низкая, огромная, белая. Луна поднимается все выше и вот превращается в далекий яркозеленый кружок во тьме ночного неба. В засыпающих молчаливых дубняках и диких садах слышатся заглушенные шорохи зверей.

Останавливаемся на колхозной пасеке.

Песебай, 8 октября

Утром тысячи диких голубей взлетают над деревьями и снова садятся. В воздухе шелестят бесчисленные крылья. Слово в нерешительности поднявшись и опустившись несколько раз, голуби вдруг взмывают в небо сизой тучей, и свистящий шум полета проносится над нашими головами. Сверху дождем сыплется голубиный помет, и, кружась, падают пепельные перья.

Горы становятся шире и мягче. Справа от нас идет невысокий известняковый хребет Герпегем. Округлые увалы его поросли лиственными лесами и фруктовыми деревьями.

Уже смеркалось, когда мы подъезжали к Песебаю. В дубняке разноголосо затянули вечернюю песню волки. Они были, произительно скулили и тявкали. По голосам Пономаренко определил, что их не меньше дюжины.

...Зашли к заведующему Восточным отделом заповедника Саулетсу. Хозяин сидел на полу и, наклонив ковш с расплавленным свинцом над каким-то хитрым приспособлением, дил дробь. Саулетсу готовится к охоте на перепелов, которых очень много в окрестностях Песебая, за пределами заповедника. Водился здесь во множестве и кавказский фазан — прекрасная, окрашенная в цвета радуги птица, с длинным серповидным хвостом. Но в прошлую зиму, холодную и снежную, фазанов передушили лисицы.

По словам Саулетсу, за последние годы в Восточном отделе заметно увеличилось количество оленей, туров, серн. Наблюдатели встречали туров даже на Ачешбоке, где никогда прежде их не видели.

Караул на Гурмае, 9 октября

Горы все ниже. Только местами выветренные склоны круто обрываются, и высоко в небе встают колонны и башни красного песчаника и известняка. Леса перемежаются с пастбищами и сенокосами. По временам мы едем сквозь колючие заросли терновника. Покрытые сизой пылью, крупные ягоды

терна уже прихвачены утренниками, и терпкая сладость ягод приятна.

Всюду полно птиц — соек, ворон, сорок, черных и серых дроздов. С гор налетают новые тысячи диких голубей. Их гонят наступающие холода. Горы, откуда мы недавно выехали, сверкают в серебре, и над ними нависли снеговые тучи.

На поляне, у самой опушки леса, под стожком сена мышькует старый здоровенный лис. Он уже надел зимнюю шубу и сделался рыжевато-серым и толстым, как подушка. Увидев людей, лис под прямым углом откинул хвост и покатился через поляну к кустам. Там он остановился и, присев на задние лапы и наострив уши, смело глядел, провожая беспокойных пришельцев, затем снова вернулся к стожку и продолжал охоту.

Моросит мелкий дождь. Снова поворачиваем в горы. Снова нас окружают влажные и мшистые высокоствольные леса. Дождь усиливается. Вокруг поднялся густой туман. Мы с трудом добрались до караулки лесников на Гурмае. Придется здесь заночевать.

Когда мы заводили лошадей во двор караулки, навстречу нам высыпал десяток собак, разномастных и небольших, но достаточно злобных.

Отворившая ворота жена лесника крикнула:

— Катай! Разбой! На место! — Но собаки все ближе крались к нам бочком, вихляясь и припадая к земле. Мы поторопились расседлать лошадей и войти в дом.

Жена лесника сытно накормила нас, и мы с Пономаренко уже собирались ложиться спать. В это время вернулся лесник.

Евсей Афанасьевичу за пятьдесят, однако он держится прямо и без усилия несет за плечами объемистый тяжелый рюкзак и ружье.

Наша беседа несколько раз прерывалась тревожным лаем собак. Лесник говорит, что на караулке невозможно держать домашнюю птицу: каждую ночь в курятник забираются дикие коты и лисы. Недавно удалось затравить кота. Евсей Афанасьевич показывает рыжевато-бурую шкуру, испещренную темными полосами и кольцами. Зверь солидных размеров. Лисицы действуют хитрее котов. Они обычно приходят вдвоем. На днях собаки помчались всей стаей за одной лисицей, а другая в это время спокойно задушила несколько кур и унесла старого гуся. Еще больше домогают волки. Недавно они отбили от табуна и зарезали двух взрослых лошадей. Этой весной, как только сошел снег, на поляну выгнали колхозный скот. Среди бела дня, на глазах у пастухов, три матерых волка ворвались в середину стада и в одно мгновение зарезали носемь больших бычков. Тогда же волки напали на

кабана и двух свиной с подсвинок, принадлежавших лесникам. Они загнали свиной в узкое ущелье, откуда не было выхода. Кабан повернулся грудью к волкам и храбро защищал гурт. На визг свиной прибежали люди, но кабан был уже мертв.

Ночью вместе с Пономаренко выхожу посмотреть лошадей. Сеет мельчайшая изморось. Непроницаемый белесый туман стоит стеной. Но в середине он разорван, и в разрыв, как в бездонный колодезь между небом и землей, глядит страшно далекая, маленькая, с кулак, луна и льется прозрачный мертвый свет.

— Волчья луна! — замечает Пономаренко, и, точно подтверждая его слова, откуда-то из дымной неподвижной мути доносится протяжный многоголосый вой.

*Перевал на Сахрай,
10 октября*

Едем мокрыми от дождей буковыми и пихтовыми лесами, по дорогам лесорубов и дранщиков.

Мы опять забрались высоко в горы. В одном месте среди буков и пихт стоит балаган дранщиков. Людей нет: сегодня выходной день. В балагане оставлены теплая одежда, посуда и продукты.

На закате мы достигли перевала. В мутнеющей под нами синеве чуть заметно извилистой нитью белееет река Сахрай. Но засветло перевалить не удастся. Спускаемся по эту сторону хребта и ищем пристанища.

Над дугами, которые мы пересекаем, вьются сотни летучих мышей. Они чертят в воздухе широкие круги, ныряя, проносятся над самой травой и снова взмывают легко и бесшумно. Перепончатые крылья с такой быстротой мелькают в воздухе, что почти сливаются с серой мглой вечера.

Набрели на затерянный в густых ивняках колхозный кош и остановились на ночевку. Граница заповедника здесь проходит совсем близко. Ее отмечают черные гребни гор, поднимающиеся из тумана. Оттуда доносится трубный голос оленя: это запоздалый отмыв оленьего месяца. Больше до самого Гузерля мы рева не слышали.

*Сахрай—Киша,
11 октября*

Утром под проливным дождем выехал с коша. Над горами гудел ураган. Вскоре густыми мокрыми хлопьями посыпался снег. Через какой-нибудь час горы по границе с заповедником выбелены снегами от макушки до пояса.

Ураган свирепеет. Всюду раздается треск и протяжный

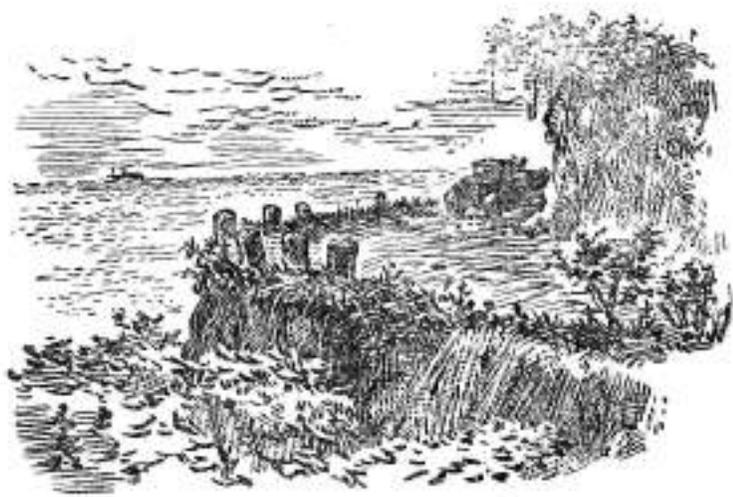
шум падающих деревьев. То здесь, то там торчат пни, и лежат между стволами соседей тела только что поваленных буков и берез. Древесина в местах излома бела, как кость. В воздухе, застилая леса и хребты, мчатся сорванные ураганом багряно-пурпурные листья клена и желто-золотые листья берез. Копыта лошадей тонут в мягких грудях мертвой листвы.

По сочащимся водой, скользким, точно стекло, отвесным глинистым скатам спускаемся к Сахраю. Лошади, осев на хвосты и широко расставив передние ноги, съезжают с крутизны, как на лыжах.

Наконец мы у подножья. Миновав село Сахрай, вновь поднимаемся в горы. Дождь льет и льет. Движемся очень медленно. На высшую точку перевала с Сахрая на Кишу мы взобрались уже ночью. Ити пешком нельзя: кругом глубокие рытвины, наполненные водой и жидкой глиной. Мокрые корни и камни заставляют скользить и падать на каждом шагу. Вдобавок ко всему непроглядная тьма.

Пономаренко нашел выход. Он зажег и прилепил к ладони сбереженный им огарок свечи. Прикрывая его буркой, он освещает кусок тропы впереди нас. Следя за бледным, чуть заметным во мраке пятном дрожащего света, кое-как съезжаем в долину Киши. Вот уже слышен в черной бездне гул наполненной паводками реки...





СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

*Красная Поляна,
3—5 июня 1946 года*

Семь лет минуло с тех пор, как я совершил последнюю поездку в горы и леса Кавказского заповедника. За это время произошли огромные, незабываемые события.

Отгремели четыре года Великой Отечественной войны.

В 1942 году фашистам удалось прорваться к предгорьям Кавказа. Местами их альпийские части проникли в горы. Были они и на некоторых территориях заповедника.

Гитлеровцы уничтожали с земли и воздуха неповторимые, известные всему миру богатства заповедника — его леса и редких животных.

Что произошло за время войны в заповеднике?

Как боролись за победу люди заповедника — ученые и наблюдатели?

Как они сохраняли во время войны доверенные им государством научно-культурные ценности и как они сейчас вос-

становливают былую мировую славу Кавказского заповедника?

Эти вопросы не давали мне покоя на протяжении всех военных лет. И вот поезд идет к синим горам Кавказа, а сердце полнится острым и радостным чувством скорой встречи с чем-то необычайно близким и дорогим.

... Утром на вторые сутки я уже ехал на автобусе из Сочи в Адлер. Там следовало пересест на автобус, идущий прямо в Красную Поляну — центр Южного отдела Кавказского заповедника. Но машина уже ушла. Кто-то мне посочувствовал и дал совет:

— Выйдите на угол и поймите попутную машину.

Я воспользовался советом и менее чем через час благополучно уехал на трехтонке. Помню меня и четырех женщин, в кузов машины сел человек с медалью «За оборону Кавказа». Кроме большого и, повидному, тяжелого чемодана, он имел при себе какой-то длинный деревянный футляр.

Человек держал этот узкий, покрытый желтым лаком футляр так, что он высоко торчал в воздухе, как ствол винтовой пушки.

Мы тронулись, взяв сразу большую скорость. На первом же километре шофер высовывался раза два из кабины и подозрительно присматривался к этому странному предмету в руках моего спутника. Вдруг машина остановилась, шофер выскочил из кабины и направился к человеку с загадочным футляром. Шофер начал говорить ему что-то не совсем для меня понятное о том, что поднятый кверху футляр мешает ходу машины. После недолгих пререканий владелец футляра кое-как с большими предосторожностями уложил его на рюкзаки и мешки. Когда шофер сел в кабину и машина вновь помчалась, я спросил у своего спутника:

— Что это у вас такое в футляре?

— Это ртутный барометр. Вот так на руках и везу его из самого Ростова для метеорологической станции. Вещь хрупкая: внутри стекло и ртуть. От неправильного положения и любого толчка может безнадежно испортиться.

— Но как барометр может влиять на ход машины? — шутя, задал я ему вопрос.

Он засмеялся:

— Очень просто. Шофер боится, как бы мой барометр не обратил на себя внимания начальства: тогда шоферу влетит за пассажиров.

... На шестьдесят с лишним километров тянется красно-полынное шоссе. В районе Адлера горы отстоят наиболее далеко от моря, и дорога тут проходит по ровной низменной

местности. Но, миновав деревни Первинку и Молдавку, она сворачивает от моста влево и за живописным Аштаракским ущельем вьется среди густых зеленых лесов по правому берегу Мзымты.

Все ближе и ближе узкая теснина, на дне которой, бурля и грохоча, прядает через камни река. Здесь две мощные горы сошлись почти вплотную. Около тринадцати километров шоссе пробивается между скал.

Зигзаги и петли все круче. Слева вздымается сверкающая на солнце отвесная стена. В 150-метровой вышине над нами нависли огромные глыбы и целые скалы известняка, словно готовые вот-вот рухнуть на нас. Шоссе змеей между этой стеной и обрывающейся справа на сотни метров вниз головокругительной бездной. Сейчас она калита до краев прозрачной синевой и дрожащим паром. На дне гремит и пенится алая вода в каменные тиски Мзымты. От этой пропасти нас отделяет парапет всего лишь в метр высотой и частично разрушенный. Лента дороги так узка, что двум машинам не разъехаться, и наш шофер все время нажимает на клаксон сирены.

По обе стороны реки высокие, мягкие, округлых очертаний горы и как бы оторвавшиеся от них отвесные скалы покрыты широколиственными стройными лесами. Во многих местах могучие деревья растут тесными рядами совершенно параллельно крутому срезу известняковой стены, и не понять, как они держатся.

В самом скалистом и крутом месте ущелья Мзымты шоссе неожиданно упирается в гору. Кажется, дальше не проехать: здесь конец пути. Но машина, не замедляя хода, мчится прямо на возникшую перед ней громаду горы, и не разбирается, как вы ожидаете, а ныряет в черную арку тоннеля, погружаясь во мрак. Через минуту она стремительно выносится из тоннеля среди еще более мощных скал и над еще более страшной бездной...

Но вот и Красная Поляна. Машина останавливается у автобазы.

Через полчаса я уже был в доме Южного отдела Кавказского заповедника, в том самом доме, где семь лет назад вел незабываемые для меня беседы с ученым лесоводом Леонидом Ивановичем Сосниным и замечательным исследователем высокогорных лугов Ричардом Аполлинариевичем Еленевским, ныне уже покойным.

...Рано утром спускаюсь через облитый сверкающей росой фруктовый сад по знакомой тропке к звонкому, бьющему из камней ключу.

При утреннем освещении на всем облике усадьбы видны следы войны: забытые дранью то там, то здесь окна, потре-

скавшаяся и местами обнажившая почерневшее дерево штукатурка, квадраты высокой сорной травы там, где раньше были куртины цветников и грядки ягод. В глубине сада баня с завалившейся крышей похожа на древние руины (во время войны в ней перемылась чуть не целая дивизия).

В отделе не осталось ни одной лошади, и сотрудникам почти все приходится перетаскивать на себе.

Линия фронта проходила отсюда в каких-нибудь тридцати километрах на северном склоне Псеашхо, у лагеря Холодного. Мосты через Уруштен сожжены немцами, и туристская тропа еще не разминирована.

Но люди отдела, вернувшись с фронта, залечив свои раны, теперь залечивают раны, нанесенные заповеднику. Они расчищают тропы в горах и лесах, строят новые мосты и кладки, ремонтируют здания. Вечером в усадьбе загорается яркий электрический свет: это работает электростанция, построенная перед войной силами здешних людей. Теперь она восстановлена и пущена их же руками.

Вот идет, заметно припадая на одну ногу и опираясь на палочку, человек с плохо выбритым, узким книзу лицом. Голова его постоянно опущена. Когда он говорит, то лишь поворачивает к собеседнику лицо, не поднимая головы, и смотрит на него как-то сбоку и вверх. Инвалид Отечественной войны Иван Тимофеевич Куницын раньше был строителем электростанции, а теперь электромонтер на ней и егерь-волчатник, хитро прячущий стальные капканы в земле и под водой, на волчьих тропах и бродах.

Люди заповедника с первых дней войны стали разведчиками, проводниками частей Красной Армии и оперативных групп, инструкторами по преодолению глубоких зимних снегов и борьбе с лавинами. Они ловили и уничтожали диверсантов, пробирались в тыл врага, доставляли нашим бойцам продовольствие, спасали из-под снега.

Осенью 1942 года немцы захватили станицу Псейбайскую, прорвались через Умпырь в заповедник и двинулись дальше по Малой Лабсе, но были остановлены в урочище Цахвао. Через Белоречевский перевал им все же удалось выйти к старому лагерю Уруштен, на подступы к перевалу Псеашхо.

Иван Тимофеевич Куницын, как проводник, водил в эти дни минометное подразделение в район Умпыря, на Мастакли. После тяжелых боев от подразделения осталось всего шесть бойцов с четырьмя минометами да командир роты лейтенант Лимаренко. Куницын вывел их к Холодному лагерю, который был еще в наших руках. Немцы к этому времени успели захватить расположенный немного ниже старый Уруштеньский лагерь.

Наши части отошли от лагеря Холодного, заняв оборону по ту сторону перевала Псеашхо. В лагере связисты уже начали сматывать телефонный провод. Вокруг лежали штабеля мин. Их должны были подорвать.

Лейтенант Лимаренко сказал бойцам:

— Здесь тысячи мин. У нас четыре тяжелых миномета. Отступать не будем.

Он запретил связистам снимать линию и донес командованию отошедшей части о своем решении.

За два часа минометчики и Куницын, оставшийся с ними, выпустили по врагу восемьсот мин.

Над ними все время висела «рама» — немецкий корректировщик. Вражеские пикировщики заход за заходом сбрасывали на них тонны бомб. Много раз немцы пытались обойти или перебить минометчиков с господствующим над лагерем Холодным скал. Но четыре миномета поднимали на воздух вместе с осколками камней и щепой деревьев выдвинувшиеся вперед огневые точки и группы немецких автоматчиков. Выстрелом из миномета Лимаренко сбросил в пропасть со всем расчетом немецкий станковый пулемет, особенно доминировавший защитников лагеря.

Подоспело первое подкрепление: двадцать автоматчиков при двух пулеметах.

Рубеж был удержан.

Дальше лагеря Холодного врагу так и не удалось прорваться.

Кордон Ачипсе, 7-9 июня

Сегодня с рюкзаком за плечами я отправился на кордон заповедника Ачипсе, где сейчас работает старшим наблюдателем Михаил Сафонович Пономаренко — один из скромных героев этой книги, с которым семь лет назад я совершил большую круговую поездку по заповеднику.

День хотя и облачный, но очень жаркий. Спасает от жары лишь то, что дорога большей частью идет среди густого леса грецкого ореха, каштанов, грабов, кленов, черешен, дающего прохладную тень. Местами лес отступает влево, взбегая на горы, и тогда с правой стороны открывается наполненная синим воздухом бездна, где гремит Мзымта, светлая зелень просторных долин за ней и еще дальше — нежная бирюзовая дымка лесов и хребтов, уходящих ввысь и сливающихся с пепельно-сизыми облаками над горизонтом.

Миновав сланцевый рудник, иду непролазными низкими зарослями ивняка и ольхи. Узкая, черная от дождей тропа чуть заметна в царящем здесь сумеречном освещении. Это

настоящие волчьи места, и недаром на влажной тропе видны следы волков.

Тропа сворачивает к речной террасе и через высокие папоротники и крупный галечник выводит к реке Ачипсе. Налитая до краев паводком, река стремительно мчит по крутому ложу, бурлит и пенится в водоворотах. Через рукава и петли реки перекинута кладка. Кладки — это поваленные с берега на берег деревья, иногда, как в этом случае, с чем-то вроде перил. Я терпеть не могу кладок. Без здешней мягкой обуви и не имея привычки по этим мокрым стволам трудно перебираться, особенно с грузом за спиной: того и гляди как раз очутишься в летящей среди каменных порогах бешеной струе.

После долгих усилий и осторожных переходов я выбрался, наконец, на твердую землю.

Кордон Ачипсе — это несколько почерневших от времени и дождей домиков, окруженных невысокой оградой, фруктовыми деревьями и огородами на серой щебнистой почве лесной поляны.

На лай собаки и мой зов из дверей ближайшего домика вышла невысокая смуглая женщина с темными серьезными глазами. Я узнаю жену Пономаренко, Анну Емельяновну, снаряжавшую когда-то нас в многодневную поездку по заповеднику. Михаила Сафоновича нет: он только что ушел в горы расчищать тропы...

На следующий день с утра с сыном Михаила Сафоновича Толей, недавно учеником фабрично-заводской школы, а теперь слесарем рудника, отправляемся к реке Ачипсе ловить форель.

Переходим на другой берег по двум скользким кладкам над скачущей через камни, поднявшейся за ночь водой. В руках у Толи бамбуковая удочка с волосистой лесой. Скрываясь в тени прибрежных кустов, Толя забрасывает лесу у самого берега, против течения, в завивающиеся воронки бурунов. Но форель не клюет: вода после дождя слишком высока и мутна.

Прыгая с камня на камень, мы перебираемся через один из рукавов Ачипсе и по густым зарослям ольшаника и папоротников выходим к реке Лауре. Зеленоватая вода чиста и прозрачна, и Толя снова забрасывает лесу. Вдруг он быстро выдергивает ее из воды, и на конце упругого волоса, извиваясь и сверкая на солнце, как кусок серебра с чернью, танцует в воздухе крапчатая форель. Толя еще раз забрасывает лесу — и опять добыча.

В кустах неподалеку от нас сухо хрустнул сучок. Присмотревшись, я увидел дикую козу. Насторожив уши и пригнбая переднюю часть тела низко к земле, она бесшумно

крадась к отмели, почти пополам перерезавшей узкую в этом месте реку. Подойдя к краю отмели, дикая коза остановилась. Выпуклые большие глаза ее пугливо смотрели по сторонам и на противоположный берег. Но вот она медленно, как бы не доверяя дну, вошла в воду, и вскоре на том берегу в последний раз блеснуло в кустах белое пятно «зеркала». Коза скрылась в лесу.

Возвращаемся с уловом домой, но уже по другой дороге — звериными запутанными тропами. Время от времени Толя останавливается, внимательно разглядывая что-то внизу — какие-то кочки и глубоко вбитые в землю колья, и говорит:

— Осторожнее. Тут капкан.

Капканы запрятаны на волчьих ходах и лазах. Их много, и если бы не проводник, я, без сомнения, попался бы в один из них...

Против нас, влево от реки, тянется покрытый лесами отрог Псеашхо — хребт Псикако, а направо искривится в снегах вершина горы Ассары. Небо голубеет все больше и больше. Нагретые солнцем облака, утончаясь, поднимаются все выше, подобные прозрачной кисее и легким детским шарам...

Мы уже подходили к кордону, как вдруг из лесу в двух шагах от нас легкой походкой вышел Михаил Сафонович.

Он был в защитной рубахе, подпоясанной патронташем, и в брюках из прорезиненной материи навыпуск. Обут он был в привычные поршнги из шкуры дикого кабана. За плечами висела на ремне трофейная немецкая винтовка, на поясе — большой охотничий нож. Кепка с задорно загнутым козырьком, как и семь лет назад, была обита к затылку, открывая знакомое, слегка усмехающееся лицо. На гимнастерке у Пономаренко — медаль «За оборону Кавказа».

Михаил Сафонович почти не изменился, только оброс большими усами и бородкой, тронутыми, как и виски, серебром. Да еще лицом и фигурой стал он суше и тоньше. Но, приглядываясь, я заметил и кое-что новое. На загорелом лбу Михаила Сафоновича, над правым глазом, темнел продолговатый шрам, отчего бровь поднималась кверху, придавая всему лицу выражение удивления, и, когда он свертывал папиросу, три пальца на правой руке беспомощно шевелились, не сгибаясь.

Я спросил Михаила Сафоновича, что с ним случилось.

Он вскользь ответил: «Это медведь покалечил» — и обещал подробнее рассказать потом.

...Вечером, управившись по хозяйству, Пономаренко присаживается к столу, за которым я работаю, и повествует обо всем, что пришлось пережить за время нашей долгой разлуки.

— Война застала меня у первой кладки через реку Ачипсе. Я только что вышел с наблюдателями строить кладку, а с другого берега девочки кричат: «Дядя Пономаренко! Война... Военкомат!»

Река бушует, грохочет. Не расслышать толком. Мы спрашиваем, девочки кричат снова, но мы только слышим отдельные слова: «Война... Военкомат...».

Мои наблюдатели пошли кружным путем через гору, а я, как был в одежде, переплыл реку. Связался по рудничному телефону с Красной Поляной, с Деревянко — он тогда заведывал отделом. Договорился, что с рюкзаками, ложками, бельем явлюсь в Адлерский военкомат. Через четыре часа мы были уже в Красной Поляне. Однако меня не взяли.

Я ходил в августе 1941 года с группой боевого Сочинского участка с заданием — осмотреть горы, выяснить возможные парашютные площадки. Мы сняли все указатели, опознавательные знаки и прочесали леса в тех местах, где могли быть сброшены десанты или шпионы. В марте 1942 года я получил приказ — строго просматривать свой участок. В один из обходов я обнаружил на снегу на склоне горы Ассары следы. Пошел по следам на лыжах и настиг двух диверсантов. Произошла схватка. Одному из них я прострелил руку и грудь, другой сдался. Обоих диверсантов на следующий день доставил в Красную Поляну.

В августе получил приказание провести отряд на Малый и Большой Бамбаки, в глубокий тыл врага. В этом отряде было тринадцать младших лейтенантов, один старший лейтенант — командир отряда — и семь бойцов истребительного батальона, в том числе и я.

Я повел отряд через Уруштен, где стояло наше боевое охранение. Гитлеровцы находились в стороне Псебая, на Алоусе. Мы обошли их в направлении на Челписинский перевал, через реку Бамбачку и Большой Бамбак. Добрались до столба-указателя, — мы его видели с вами в 1939 году, — и по Челпиской тропе, где мы с вами тогда замерзали, вышли к лагерю Бамбак.

Отряд остановился тут же, заняв две господствующие высоты, с которых во все стороны открывалось хорошее наблюдение. Сам я направился, несмотря на густой туман и дождь, с двумя лейтенантами и двумя истребителями дальше к Чортовым Воротам — Ачешбоку. У Чортовых Ворот на плоскогорье вершины (помните, мы тогда же видели там оленей?) обнаружили вражеский наблюдательный пост и верховых лошадей.

Мы возвратились в лагерь Бамбак и доложили результаты разведки старшему лейтенанту. Обойдя открытый нами

пост на Ачешбоке, мы благополучно вернулись обратно. За это дело я был премирован. Не меньше сорока раз я выходил на разведку.

В декабре того же года был такой случай. Я услышал глухие взрывы в верховьях Киши. Сообщил об этом командованию. Командование направило в разведку минометное подразделение и меня в качестве проводника. Буран был жестокий. Мы на дыжах перевалили по двухметровым снегам хребет Ассару. Через двое суток нашли четырнадцать красноармейцев автоматного взвода и с ними двух сержантов. Они были на охранении минных полей впереди своей части, когда их отрезали немцы. Месяц они пробивались из окружения, шли без троп, опухли от голода. Видя, что приходит конец, стали взрывать гранаты, подавать сигналы, потому что догадывались о близости наших, а силы идти уже не стало. Когда мы на них наткнулись, они совсем замерзали...

— А теперь, — произнес он, помолчав, — расскажу о медведе.

В прошлом году шел я по склону хребта, и тут на меня напал медведь. Он, — потом я ходил на это место и узнал, — выкапывал земляных ос и был обозлен. Высокие папоротники совсем скрывали медведя. Он сразу взревел и набросился на меня. Я шагнул назад через ручей; не заметил его, оступился и упал навзничь. Медведь ухватился зубами за приклад винтовки, и она отлетела в сторону. Медведь навалился на меня и стал грызть колено, которое я выставил для защиты. Тогда я попробовал сунуть поглубже ему в пасть правую руку, но неудачно: зверь зажал ее в зубах и принялся мять пальцы. Боль адская!

Во время борьбы нож, свободно подвешенный к поясу, сосунулся налево за спину, и я на нем лежал. Я левой рукой с трудом вытащил нож и попытался освободить правую руку. Медведь парашнул меня когтями по черепу и содрал с него кожу — от бровей почти до затылка.левой рукой я всадил нож в медвежье горло, перерезал его и отделил позвонки. Когда они хрустнули, мне показалось, что я сломал лезвие. Вот тут я в первый раз испугался. Но нож не подвел: он у меня кован из самолетной стальной оси. Медведь отвалился. Я вскопал на ноги, схватил винтовку и с левой руки, положив ствол на искалеченную правую руку, пять раз выстрелил в медведя. Все нули попали. Только в этом уже не было надобности: медведь был мертв.

Тогда мне захотелось закурить. Кровь залила глаза, и я ничего не видел. Все же свернул папиросу на ощупь и закурил. Только странно что-то: дым краской пахнет. Я затушил па-

пиросу и сунул в карман. Уже дома обнаружил, что для папиросы я оторвал клочок десятирублевой бумажки.

После мне страшно захотелось мяса. Я попробовал отрезать кусок сырой медвежатины и не смог. Я хотел перевязаться, но белье оказалось прочным, и разорвать его не удалось. Тогда я пошел домой напрямик, через лес и воду. Шел вброд протоками. Несколько раз от потери крови был без памяти.

Вышел я с места, где схватился с медведем, в четыре часа дня, а пришел на кордон в час ночи. Жена дала знать на рудник. Меня уложили на носилки и в них перенесли прямо по воде через реку. После этого я полтора месяца лежал в больнице и еще месяца три дома.

Все обошлось благополучно. Вот только над бровью долго не заживал шрам: был он красный и величиной с медный пятак, да три пальца изжеваны. Кости хотя и срослись, но пальцы не работают. Нажимаю я теперь на спуск четвертым пальцем, но это пустое! При стрельбе из ружья главное — левая рука: на нее ложится вся тяжесть.

Убитый медведь был худой, но огромный. Да вот сами посмотрите.

Михаил Сафонович выходит в сени и возвращается оттуда с медвежьей шкурой в охапке. Растянутая на полу она действительно огромна — больше двух метров, рыже-бурого цвета, с белым галстуком на горле. Галстук по форме похож на летучую мышь с развернутыми крыльями. Когти могучих лап достигают семи-восьми сантиметров.

Я узнаю шкуру: это на ней я отдыхал в день моего прихода на кордон.

...Утром Михаил Сафонович собирает меня в обратный путь. Он вручает мне бутылку с каштановым медом и мешочек грецких орехов. Когда я, поблагодарив, отказываюсь под предлогом, что в рюкзаке нет места, он сам принимает за укладку, приговаривая:

— И не думайте отказываться. Мед в дороге — первое дело. Если часом нет ничего под рукой, съел три-четыре ложки меда — и уже веселее.

Мы прощаемся на берегу Ачипсе.

— Ну, будьте здоровы. Не забывайте нас, лесных людей.

— Желаю успеха и счастья, Михаил Сафонович!

Река бурлит и грохочет, высоко взметая в синий прозрачный воздух пену и брызги. На повороте узкой тропы оглядываюсь в последний раз: Пономаренко неподвижно стоит, легко отираясь о перила кладки. За его плечами винтовка, и козырек сбитой назад кепки все так же задорно загнут вверх.

Маршрутный автобус Красная Поляна — Адлер — Сочи доставил меня в Хосту.

Высадившись за мостом через реку Хосту, я поднимаюсь по крутой извилистой тропинке к дому заповедника. На веранде меня встречает Петр Давыдович Лазук, заведующий тисово-самшитовой заповедной рощей.

Лазук — ученый лесовод. Он недавно демобилизован и полон неистощимой энергии. За короткий срок он уже немало сделал. Главные маршрутные тропы-рощи расчищены, подготовлены площадки для фенологических наблюдений. Наиболее интересные и редкие экземпляры растений берутся на учет.

Петр Давыдович добивается превращения рощи в живой музей природы.

Это правильная мысль, так как здесь бывают тысячи людей, приезжающих на курорты Сочи, Мацесты и Хосты со всех концов Союза.

Лазук неустанно собирает ботаническую коллекцию и изучает биоценоз, то есть взаимосвязь и взаимодействие растительного и животного мира тисово-самшитовой рощи.

Когда Петр Давыдович говорит обо всех этих волнующих его вещах, молоджавое, несколько мальчишеское лицо его покрывается румянцем, глаза через круглые стекла очков смотрят остро и упорно. То же упорство звучит и в его твердом голосе, в котором заметно слышится белорусский выговор.

...Тисово-самшитовая роща заповедника — нетронутый участок черноморской природы. Здесь сохранились все особенности роскошной колхидской растительности.

Ее основные древесные породы — тис и самшит — дошли до нас из глубины двухсот-пятисот миллионов лет. Они реликты* третичного периода.

В самшитниках подлесок составляют два вида иглицы — рускуе понтикус и рускуе гиппофиллус — с узкими, словно высушенными, игольчатыми листками. В «окнах», на солнце, растет клекачка, чубушник — жасмин, папоротники — сколопендрий обыкновенный и сладкий корень, древнее растение эпимедиум с очень мелкими белыми цветами и твердыми круглыми листочками, кустарник сумах, дающий дубильные вещества, и лилейное растение — соломонова печать, употребляющееся в народной медицине.

Стволы деревьев верхнего яруса — граба, грабинника, липы, бука, вяза — опутывает кавказская лиана — плющ. Во втором ярусе, на стволах самшита живет до двадцати видов

* Остатки древней растительности.

мха и лишайников. Но основных мхов два: неккера криста и неккера комплината. Это очень древние мхи, сопутствующие дереву-хозяину от времен третичной эпохи. Они придают самшитникам сумрачный и таинственный вид.

В верхнем ярусе насаждений тиса, кроме него, растут лиственные деревья: бук, дуб, липа, ильм, ясень. Вокруг стволов тиса и широколиственных деревьев причудливо обвиваются многочисленные лианы: колхидский плющ, похожий на толстый канат и покрытый сочными кожистыми листьями, цепкий ломонос с листьями более тонкими и бледными, нитевидная лианка — каприфоль и малоазиатская колочая лиана — смилакс.

Подлесок тисов густ и запутан, особенно много здесь лавровишни, встречается медвежья груша.

На светлых местах растет колючий, узорчатолостый падуб, клекачка и черная бузина, а в травянистом покрове — трахистема, папоротники — сколопендрий обыкновенный и сладкий корень.

На известняках по берегам Хосты — прекрасные условия для тиса и самшита. Оба реликта тут очень хорошо восстанавливаются естественным путем.

...Лазук уходит с группой экскурсантов-студентов в глубь самшитового «кольца», а я, пройдя километра полтора, спускаюсь по шоссе к морю.

На песчаном берегу, у впадения реки в море, лежит растерзанный труп дельфина, выброшенный на отмель недавним штормом. Вокруг на серебряно-белом песке отпечатаны бесчисленные следы шакалов.

Неумолкаемо шумит и ропщет море.

Сегодня в воздухе чувствуется



напряжение грозы, и море тревожно. Туманно-голубое у берега, оно становится все синее к горизонту. Там среди темной сини белыми завитками вскипают гребни волн.

Странно видеть, как при полном безветрии зелено-голубая сверкающая масса влаги, похожая на жидкое стекло, вздымается все выше и, словно гонимая подводным извержением, тяжело и шумно обрушивается на отлогий пляж. Вдоль всего берега слышится сухая перестрелка камней. Волна с шипением растекается по песку. Впереди стремительно мчится жемчужно-белый бордюр пены. Волна также стремительно откатывается, оставляя за собой на мокром песке зеленых бегущих боком под камни крабов, прозрачно радужные купола медуз и гирлянды красных водорослей.

Недалеко от берега над бирюзовой гладью воды мелькнула на миг и скрылась черная лоснящаяся спина дельфина. За ней еще и еще, и вот уже шесть дельфинов, сверкая на солнце атласно-черной влажной кожей, круто ныряя и почти кувыркаясь в воздухе, резвятся на просторе морского залива.

Так, легко и, кажется, бесцельно играя, они постепенно выстраиваются широким полумесяцем. Теперь мне понятно, что их игра совсем небеспредметна. Впереди, куда, показывая в воздухе черные блестящие тела и кружась колесом в воде, мчатся дельфины, выдвинулись в море мостки, и от них протянуты еще дальше, вглубь, рыбацьи сети. Дельфины гонят прямо в сети косяк рыб, охватив его полукругом. Они охотятся сообща.

Доплыв до сетей, дельфины круто поворачивают в открытое море и, все так же играя и кувыркаясь, один за одним исчезают в туманной дали...

Под солнцем юга все необычайно ярко — и краски и звуки. словно в первый раз я смотрю изумленными глазами на этот сверкающий и поющий мир.

Звон цикад заполняет все вокруг. Или это звенит само пылающее солнце, и ему вторят каждая травинка и каждая частица пронизанного горячими лучами, благоухающего прозрачного воздуха? Кажется, что огромные чашечки цветов горят изнутри оранжевым, синим, фиолетовым огнями. Бабочки величиной с ладонь падают на цветы, на широкие листья бананов и пальм осколками трепещущей радуги.

Здесь змеи толсты, как морские канаты, и... очень любят сладкое. Их часто по утрам находят в колхозной клубнике: объевшись ягод, они бессильно лежат на грядках, разбухшие и вялые.

Я сегодня видел трех полуметровых змей в нескольких шагах от дома заповедника. Две из них, серо-стальной окраски, грелись на камнях под старым большим пнем, а третья, такая же длинная и толстая, с желтым брюхом, бы-

стро промчалась с горы через тропу, чуть не задев моих ног: сверху, откуда скатилась змея, были грядки с клубникой. Добравшись до ближайших кустов, змея не уползла в чащу, а повернулась ко мне головой, вытянувшись во всю свою длину, и упорно смотрела на меня круглыми, как у птицы, изумрудными глазами.

...Вечером на обвитой диким виноградом решетчатой веранде особенно легко дышится. Дом стоит на горе, и его со всех сторон овеивает влажный морской ветер.

Справа виден кусок моря нежной, бледной голубизны, сливающейся с затуманенной далью. Слева чернеют кудрявые, округлые горы над рекой Хостой, на которых засыпает роща. Высоко в небе повисла белая, как сгусток тумана, ушербленная луна.

Над прино пахнувшими куртинами роз во всех направлениях перекрещиваются тонкие молнии светляков. Зелено-голубые искры беспрестанно загораются и гаснут то на длинных и узких, как шпага, стеблях травы, то на овальном листке грецкого ореха.

В вечерних сумерках смутными тенями проносятся совы. Их негромкий сплюснутый крик протяжен и докучен. Он слышится отовсюду.

Однообразно трещат сверчки.

Потянуло острой свежестью близкого дождя, и вдруг забил тревогу древесные лягушки — квакши. Они лихорадочно быстрыми, оглушительными воплями не то отпугивают дождь, не то его зазывают.

Где-то недалеко, в темном ущелье, захохотал и заплакал вышедший на добычу шакал. Ему отвечает сразу в нескольких местах пронзительный смех и стонущий, надрывный визг других шакалов.

Я ночью вместе с Петром Давыдовичем в маленькой комнатке, где он временно живет. Стелю на пол сложенную втрое плащ-палатку, рюкзак под голову — и сразу крепко засыпаю.

*Тисово-самшитовая роща,
11 июня*

Иду по самшитовому «кольцу». Кроны невысоких деревьев самшита осыпаны мелкой щедрой листвой. Стволы их одеты пышным мхом и оттого кажутся вдвое толще. Мох неподвижными зеленовато-серыми бородами свисает с ветвей. Уже давно стоят жаркие дни, и кожистые листья самшита, обычно сочные, и окутывающий его мох сейчас похудели и поблекли. Из сумрака рощи тянет своеобразным резким запахом не то папоротников, не то грибов.



Самшит любит прохладную влажность, и недаром здесь его особенно много на известняковых скалах вдоль балок Лабиринтовой и Глубокой. Если эти балки, постоянно хранящие холодную сырость и зелено-черную воду ям внутри скользких известняковых стен, помогают самшиту, то они тоже обязаны ему своим существованием. Корни самшита и растущий на нем мох отдают влагу обратно и в почву и — в виде испарений — в воздух и таким образом подготавливают новые паводки, наполняющие потом извилистые щели балок и углубляющие их дно. Так взаимодействует живая и «мертвая» природа.

Деревья самшита растут чрезвычайно густо — до десяти тысяч на гектар. От этого в самшитовой роще сумерки даже в самый ясный день, и почти нет подлеска. Только опавшая листва плотным слоем устилает черную сырую землю.

Непокрытые мхом части стволов самшита белы и гладки, как кость, и, как кость, хрупки на излом. Его твердая, неподдающаяся ношу древесина так тяжела, что тонет в воде. Не случайно самшит называют «железным деревом».

В самшитовом лесу не слышно пения птиц. Здесь все мертво и тихо.

Но зато там, где в голубом небе купают свои зеленолиственные вершины кавказские липы, вязы и грабы, возвышающиеся над нижним, безмолвным и мрачным ярусом самшитника (он всегда растет во втором или в третьем ярусе), ни на миг не умолкает свист, щебетание и теньканье веселой и пестрой птичьей мелкоты.

Издали доносятся вдовьи вздохи кукушки. На обрызганных утренней росой светлых полянах, чокая и подпрыгивая, шныряют в траве черные дрозды. Пробегают юркие ласточки. Вот одна из них, яркозеленая, вырнула в вору и, круто повернувшись на бегу, глядит оттуда, сверкая бисеринкой любопытного глаза.

Трепеща узкими слюдяными крыльями, проносятся изумрудные и бирюзовые стрекозы. Горячий свет солнца делает

их окраску сказочно-яркой, как будто они слетели со страниц забытой детской книги...

К вечеру пошел проливной дождь. Поднявшийся ветер угнал дождевые тучи, но горы дымятся в сизом тумане. Снова оглушительно кричат квакши, хохочут и пронзительно воют шакалы.

Багряно пламенеет закат, и море сегодня бархатно-синее.

*Тисово-самшитовая роща,
12 июня*

Снова через балки Лабиринтовую и Глубокую прохожу по самшитовой тропе.

Сейчас, после дождя, мелкие листки самшита набухли и словно облиты блестящим коричневым лаком, а напитанный влагой мох свисает с его ветвей до самой земли сочно-зелеными пышными гирляндами. В прохладном, сыром полумраке тихо и таинственно, как в подводном царстве.

Это впечатление усиливают причудливые очертания источенных водою высоких стен каменного лабиринта балки, по которому пролегает мой путь. Здесь особенно влажно и свежо, даже холодно. На дне лабиринта местами глубокие провалы, наполненные почти черной неподвижной водой. Только с трудом в ней можно рассмотреть неясные силуэты головастика и странных, похожих на скорпионов личинок.

На известняке скал, в щелках и просто на шероховатых стенах, на тропе и мертвой листве под деревьями множество крупных полосатых улиток. У большинства из них раковина по форме напоминает трубу духового оркестра, у других она представляет витой конус. Некоторые улитки так крепко присосались к камню, что их трудно оторвать.

Встречаются и совсем голые слизняки. Один такой слизнячок меня удивил: выпустив из себя, подобно пауку, клейкую нить, он безжизненно висел на ней, совсем окоченелый.

Тут же на тропе мне попался немислимо-голубой жучок и другое насекомое, чем-то сходное с крошечным жирафом и точь-в-точь, как жираф, широко расставлявшее тонкие и длинные передние ножки, чтобы дотянуться до упавшего листка.

Пройдя самшитник, я поднялся на тисовую площадку. Тис — иначе его называют красным деревом или «негной-деревом», так как красноватая древесина его не гниет в воде и лишь принимает яркорушевый оттенок, — пережиток, реликт третичного периода, подобно самшиту. Это странное хвойное растение, у которого вместо игл узкие, похожие на хвою листья, и размножается он не так, как обычные хвойные, но имеет два рода цветов: на одних деревьях мужские, напоминаю-

щие сережки ивы, а на других — женские, в форме небольших шишек, осыпающие ранней весной темные вершины дерева желтыми искрами.

Сразу же при входе на площадку стоит могучий тис со сломанной верхушкой. Скелет ее, лишенный коры и хвои, валяется рядом в густой траве. Толщина этого дерева — четыре обхвата, и оно походит на приземистого богатыря с широкой выпуклой грудью в чешуе брони.

Вблизи от него виден такой же великан. А дальше, по всей площадке, и там и здесь высятся весня-черные мощные кроны тисов вперемежку со светлыми шапками буков, лип, ясеней, грабов. Очень много тисов без вершин, с дуплистыми замшелыми стволами.

Гигантские стволы тисов — толщина их доходит до двух метров в поперечнике, а высота до тридцати пяти метров — и лиственных деревьев, окружающих их, густо обросли древними лишайниками и косматым мхом, и вокруг них — от корней до вершины — обвилась, как удавы, грандиозные лианы толщиной в человеческую руку, глубоко врезавшись в кору.

Поражает упругость древесины тиса. Даже тончайшие ветки на мертвых, быть может уже сотни лет, обломках легко гнутся и пружинят, как свежие. Недаром из ветвей тиса в древности делали луки.

Во втором ярусе тисового леса, образуя непроходимую чащу, буйно разросся подлесок из лавровишни и палоротника-сколопендрия. Особенно много тут лавровишни. Ее копьевидные крупные листья, блестя коричнево-зеленой поверхностью, сплошь устилают промежутки между стволами лесных гигантов. И все это перевито и опутано бесчисленными веревками и нитями плюща, цепкого домонаса и колючей проволокой ма-лазиатского выходца — повоа.

Конечная цель сегодняшней моей вылазки — Стецова поляна; она где-то неподалеку, за тисовой площадкой. Но, оказываясь, и в этой невинной на первый взгляд роще, которую ежедневно посещают сотни курортников, можно по-настоящему заблудиться. Во всяком случае, я сбился с главной тропы и ушел куда-то вниз, увлекаемый звериной тропой, ошибочно принятой мною за главную.

Так я добрался до Граничного ключа и лишь здесь обнаружил свою ошибку, неожиданно наткнувшись при переходе через ручей на совсем свежие следы медведицы с маленьким медвежонком.

Я попытался пройти еще немного вперед, надеясь, что, возможно, медведи воспользовались для прогулки главной тропой. Однако явно уходявшие от меня медвежьи следы вскоре повернули в такую непролазную путаницу ежевики и лиан, что я едва выбрался оттуда.

Ну что же: если медвежье семейство упорно избегает знакомства со мной, насильно мил не будешь. И я пошел обратно домой.

Но не тут-то было. Три раза я пробовал выйти на главную тропу — и три раза вынужден был возвращаться к Граничному ключу, танцую от него, как от пещки. Только четвертая попытка увенчалась успехом, и я вырвался, наконец, из заколдованного круга, мокрый от усталости. Рельеф здесь очень изрезан и подъемы часты и круты, а ведь я в своих безуспешных поисках правильной дороги брал их четырежды.

Меня утешало одно: не заблудись я, не пришлось бы мне увидеть медвежьи следы.

...Сегодня вечер тихий и светлый. По небу катится совсем невесомая белая луна. Море у берега бледнобирюзовое, к горизонту окрашено густой синью.

Над кустами сверкают мгновенные вспышки и молнии светляков.

*Тисово-самшитовая роща,
13 июня*

В восемь часов утра я отправился по Колхидской тропе. Это самый замечательный уголок тисово-самшитовой заповедной рощи. Здесь, как в живом музее природы, собраны вместе все представители колхидской растительности Черноморского побережья.

Сначала идут частые сумрачные самшитники. Кроны деревьев сплошь усыпаны мелкой свежесочной, блестящей листвою. Белые гладкие стволы окутаны яркозеленым, налитым влагой мхом.

Кстати, представление о «безжизненности» самшитников очень ошибочно. Самшитовый лес густо населен. Но население его не так легко увидеть: оно или выходит из своих потаенных убежищ — в дуплах деревьев верхнего яруса — только с наступлением ночной темноты, или живет под корой и в корнях самшита, проделывая глубокие ходы в самую землю. Во время созревания семян в кронах самшита по ночам возится с шуршанием, писком и цоканьем тысячи полчков, а в корнях живут мириады насекомых.

Вот под одним, другим, третьим деревом, между корней и земле проточены муравьиные ходы, и крупные, черные, бодягоголовые муравьи деловито слезают по ним взад и вперед. А в корнях четвертого самшита под камнем поселилась колония каких-то плоских красных насекомых с черными головками.

Если поднять камень, то под ним обнаруживаются их белые личинки и темные отверстия ведущих в землю ходов, подобных муравьиным. В эти ходы потревоженные насеко-

мые немедленно принимаются уносить своих беспомощных, словно свеленутых, детенышей.

Здесь же я обнаружил, как мне показалось, зеленого червячка, свернутого в очень точную спираль. В одном месте спираль была подгрызена. После внимательного осмотра спираль эта оказалась не червяком, а заростком цикламена. Зато, когда в корнях одного из соседних самшитов я нашел под корой такую же точно по форме и цвету спираль, то она быстро распрямилась и мгновенно зарылась в землю, превратившись в червяка-проволочника: его тонкое, ускользающее из-под пальцев тельце было на ощупь упруго, как сталь. Червячок прекрасно замаскировался под растение, и, повидимому, в первом случае красные насекомые попались на удочку, приняв растение за червяка.

Самшитовые чащи прерываются солнечными полянами в буйных зарослях высоких трав, папоротников, кизила и представителей колхидской флоры: колючей иглицы — руксуса, с узкими мелкими листками, узорчатого падуба, лавровишни, каприфоля и растущего по известняковым уступам спутника самшита-клеячки.

Впереди меня по тропе недавно прошла косуля, оставив четкие отпечатки маленьких копыт.

Тропа то вьется среди этой великоленной третичной растительности, то ныряет в глубину зигзагов и лабиринтов влажно-прохладных каменных балок, наполненных полумраком, то лепится по самому карнизу вдоль отвесной стены, обрывающейся в бездонное ущелье реки Хосты.

Снова зелено-коричневая блестящая листва сплошного самшитника и снова светлое окно. На этот раз из него открывается захватывающий дыхание вид. Выступ гигантских белых скал навис справа, подобно фантастическому замку, над узкой в этом месте пропастью, где слышится грохот реки. Налево сливается с синевой неба неоглядная панорама горных хребтов.

Я выхожу на буковую площадку. Это настоящий парк. Большая ровная поляна залита светом солнца и наполнена до краев голубовато-прозрачным воздухом. Буки-гиганты стоят на таком расстоянии друг от друга, что не подавляют роскошного подлеска, самшитов, лавровишни и других колхидских растений.

Особенно поражает один необычайно огромный древний бук: он совершенно прям и на три четверти своей непомерной высоты лишен ветвей и сучьев. Многообхватный ствол его уходит ввысь, как грандиозная колонна, и ее где-то в самом поднебесье увенчивает широколиственная вершина. Другой гигант, как видно, совсем недавно обрушившийся, на десятки метров протянул на земле свое могучее серебри-

сто-серое тело. Среди буков вздымаются к небу такие же древние и мощные тисы в пестрых лохмотьях лишайников и мхов.

В теплом, пронизанном лучами солнца утреннем воздухе на разные голоса по-весеннему — здесь все еще весна — поют и щебечут птицы. Высоко в кронах буков гремит, как отдаленный гром, воркованье дикого голубя. Сначала немного приглушенное, оно крепнет, ширится, и вот уже чудится, что нарастающие раскаты грома и рокота плывут с каждой вершины в лесу...

За буковой площадкой в смешанном лесу самшита, тиса, буков, грабов и лип, в едва проходимой путанице лавровишни и лиан лежат развалины древней крепости.

Справа видно основание толстой каменной стены, уходящее на сотни метров вниз по очень крутому, почти отвесному обрыву берега Хосты. На расстоянии трех десятков метров друг от друга и в верхней части этого крыла стены находятся остатки двух башен, похожие на четырехугольные колодцы. Ближе располагались, судя по грудам камней, внутренние здания и две фронтальные башни.

Левое крыло крепости сохранилось лучше; хотя две его башни совершенно завалились изнутри, однако уцелели мощные и, если глядеть снизу, очень высокие наружные стены с бойницами. Это крыло также спускается в глубь речного ущелья, но уже с другой стороны крутой возвышенности, на которой находится центр развалин. Стены крепости защищали, таким образом, с трех сторон широкое пространство, включающее эту возвышенность и речную террасу за ней и окруженное с четвертой стороны излучиной реки.

Камни стен прочно цементированы. Развалины покрыты лишайниками и мхами. Сквозь нагромождение камней проросли многосогнутые тисы, самшиты, буки, липы. Громадные деревья растут и на стенах крепости, глубоко пустив в них узловатые корни. Вокруг непролазная чаща самшита и лавровишни. Все это переплетено цепкими лианами.

Облазив и осмотрев развалины крепости, я по крутой и скользкой тропе спускаюсь к реке Хосте.

По обеим сторонам течения реки, сжатой скалами и очень узкой в этом месте, вздымаются колоссальные известняковые стены, совершенно отвесные. Их причудливые изломы и необычные краски роняют на воду отражения сказочной красоты.

Река до этих теснин мчится бурно, а здесь у левого берега, где очень глубоко, течет незаметно для глаза, почти стоит. В этих глубоких и спокойных местах вода мыльно-голубого цвета, а на отмелях правого берега она желто-зеленая и очень прозрачная. Из воды беспрестанно выбрасы-

вається, сверкая и переливаясь на солнце живой ртутью и золотом, рыба мелочь. Замедленное течение кружит водоросли и мхи. На сотню-другую метров ниже река снова, шумя и пенясь, скатывается через пороги стремительной быстриной. Тут очень много галечных отмелей. По ним можно переходить вброд с берега на берег. Нужно только при этом опасаться глубоких подводных ям.

В реке Хосте и во впадающих в нее ручьях водятся пресноводные крабы. Они невелики и голубовато-белой окраской очень похожи на усыпающую дно известняковую гальку. Они так хорошо приспособились к окружающей среде, что их почти невозможно отличить от настоящей гальки, и только, если крабов потревожить, ожившие «камни» вдруг начинают быстро убегать вкось.

Над двухцветным течением реки — голубым у левого берега и зелено-желтым у правого — дрожит полупрозрачная завеса водяных паров. От этого общий тон освещения в глубине ущелья — мягкоприглушенный, стирающий резкость очертаний и красок. Но зато сверху все необычайно ярко: пронзительная зелень омытых дождями листьев и мхов и слепящая белизна обрывистых, уходящих в недостижимую высоту известняковых стен.

В почти неподвижной воде глубоких затонов внизу отражаются нежно-розоватые, голубые и желтые с белым оттенком известняки крутых каньонов реки и тончайший узор ветвей и листьев. Эти отражения так легки и неясно-туманны, как след дыхания на стекле.

Отсюда я снова поднимаюсь вверх, к Ахунской тропе, и иду по ней разыскивать еще раз загадочную Стецову поляну.

Я слышал, что в самшитниках при удаче можно встретить красивого синего жука очень больших размеров. Поэтому я все время внимательно приглядываюсь к деревьям самшита по сторонам тропы, к каждому сухому листку под ними. От непрерывного напряжения в обычном здесь сумеречном освещении в глазах начинает рябить, а знаменитого жука нет как нет. Я махнул рукой и остановился. Больше никаких жуков! Свертываю папиросу, и вдруг мой взгляд совершенно непроизвольно упал на что-то еще для меня неясное, находящееся на тропе у самых моих ног. Это «что-то» — странное сочетание синего полуовала и какой-то круглой шишки в черных и белых полосках. Не сразу до сознания дошло: да ведь это тот самый жук!

Наклонившись, я вижу огромную блестящую жужелицу — процерус кауказикус, великолепного сине-стального цвета, уткнувшуюся головой в раструб большой улитки. Когда я вытаскивал жужелицу из ее убежища, мне сначала подумалось, что она со страху пыталась спрятаться в раковине. Но

оказалось, что синяя жужелица доедала слизистую мякоть улитки: хрупкая раковина служила ей кастрюлей.

Зазевавшаяся любительница устриц была немедленно водворена вместе с жертвой в футляр бинокля. Так просто и совсем неожиданно в мои руки попала эта довольно редкая находка.

Я подошел к тому роковому повороту, где сбился на днях с главной тропы. Мне объясняли, что она ведет прямо на Стецову поляну, и удивлялись, как я мог взять в сторону и заблудиться.

Внимательно осматриваюсь. Заросли, куда упирается главная тропа, дики и непроглядны: никакого намека на проход. Наоборот, звериная тропа, уводящая вниз, так и соблазняет своей проторенностью. Но раз говорят, что надо идти прямо, — иду, правильнее выразиться, пробираюсь через цепкие кусты, временами лезу, сгибаясь в три погибели, скачу с камня на камень через ручьи, промачиваю ноги в болотцах — уж кажется, вот где настоящая звериная тропа! — и, наконец, к своему удивлению, действительно выхожу на широкое, светлое место.

Догадываюсь, что это и есть Стецова поляна, догадываться приходится потому, что сначала я не вижу и подобия поляны. Закрываая горизонт, передо мной поднимается стена крапивы выше человеческого роста.

Заросли сорняков во всех направлениях исхожены дикими козами, кабанями, медведями. Об этом свидетельствуют широкие полосы поваленных животными стеблей. Звериное население роци привыкло ходить сюда за фруктами: над сорняками, в низине справа и слева, на пологом холме, кудрявятся зеленые верхушки слив, груш и грецкого ореха.

В правом углу поляны над травой возвышаются живописные полуразвалины двухэтажного дома. От верхнего этажа остались одни стропила.

В этом доме, похожем на мельницу из оперы «Русалка», в прошлом году провела не одну ночь жена наблюдателя, мобилизованного в армию. Тут неподалеку ею была посеяна кукуруза. Чтобы сохранить ее от медведей, она протянула в помещение, где ночевала, веревку, к другому концу которой была подвязана деревянная колотушка, опущенная в ведро. Ведро с колотушкой было подвешено к столбу, вбитому среди кукурузы.

Женщина время от времени просыпалась, дергала веревку, колотушка била о ведро, жест гремела, и ни один медведь не отважился благодаря этому хитрому приспособлению полакомиться кукурузой. Возвращаюсь по тропе через тисовую площадку. Вечером тисовый лес как-то по-особенному могуч и торжественно спокоен.



Золотые пятна теплого солнца сеются сквозь листву тисов и лавровишни, сверкают на коричневом лаке продолговато овальных листьев. Заиграл на флейте и зазвенел стеклянными бубенчиками певчий дрозд. Кукует кукушка. Нежно переливается и, дрожа, замирает в отдалении трель, выбиваемая дятлом о сухой сук. Высоко над вершинами гор, там, где море, парит орлан.

Я присаживаюсь на кривые корни старого бука и дышу полной грудью сладкими ароматами вьющихся трав, разогретой земли и древесных смол.

Не знаю, сколько прошло времени. Вдруг в ближних зарослях

пробежал шорох, и в десятке шагов передо мной через тропу цепочкой один за другим промчались по охотничьему следу четыре шакала, опустив носы к земле и насторожив острые уши. Они мгновенно исчезли, как серые тени.

Прощаюсь с великанами-тисами. Мох на их ветвях как будто стал еще гуще и длиннее. Еще злее вливаются толстые лианы в чешуйчатую кору дуплистых стволов. Иссиня-черные вершины неподвижны и молчаливо-загадочны.

В лесу удивительно свежо и тихо. Вечерние голоса птиц только подчеркивают эту хрустальную тишину.

Хоста, 14 июня

Хостинская роща невелика — около двухсот тридцати гектаров. Но в ее густой зелени, в известняковых пещерах, провалах, гротах и дуплистых деревьях укрываются от палящего солнца летом и от холодов зимой тысячи живых существ.

Недалеко от древней крепости, на правом берегу Хосты, высоко в белых скалах есть узкая, глубоко уходящая в толщу известняка пещера. Уже при входе в нее слышен странный неумолкающий шум: кажется, что это долетает смягченный расстоянием гул реки, мчащейся на дне пропасти. Но зажжен факел, и глаза сначала с трудом, а потом все яснее начинают различать какие-то темные наросты на потолке и стенах пещеры. Факел разгорается ярче, и тогда видно, что это огромные гроздья летучих мышей, висящие повсюду.

Яркий свет беспокоит летучих мышей. Гроздья все сильнее и сильнее шевелятся, распадаются. Тысячи встревоженных летучих мышей слепо мечутся вдоль потолка и стен пещеры, вылетают из нее и вновь возвращаются. При этом они производят непрерывный шум.

Размеров пещеры, и приблизительной населенности ее летучими мышами никто не знает.

В этой пещере еще до создания заповедника убили залегшего на зимнюю спячку двенадцатипудового медведя. Ее поэтому прозвали Медвежьей.

Не только в пещерах скал, но и в известняковых провалах живут тысячи летучих мышей. Выходное отверстие одного из таких провалов находится в самом начале Ахунской тропы, за первым мостом.

Живет в роще и остромордый поджарый кавказский барсук. Он спит весь день в глубине подземного жилища и выходит на добычу только с наступлением темноты.

Есть куницы, выдры, лисицы, дикие коты, и даже, говорят, этой зимой появилась рысь.

Дикие козы и особенно следы их встречаются очень часто. В отдаленных местах рощи, в болотцах-мочагах видны следы и купалки диких кабанов, а в дубяках их порои: взброшенная полудуниями земля и сухая листва.

Каждую весну в апреле в тисово-самшитовую рощу приходит медведица с медвежонком. Все же для медведей здесь нет простора. Интерес их к роще усиливается только во время созревания ягод лавровишни, буковых плодов и фруктов. Тогда медведи-самцы спускаются сюда с окружающих гор. То же бывает зимой, потому что в известняковых скалах рощи много подходящих для лежки и спокойных пещер, так как охота здесь запрещена.

Самые любопытные дикие животные Хостинской рощи — шакалы.

Их пронзительный вой, похожий одновременно на смех и плач, в предвечерние вечера слышится по всему побережью. Всю ночь, не зная отдыха, они то трудятся на морском берегу над выброшенными на отмели дарами моря, то шарят по дворам, охотясь на домашнюю птицу.

Шакал очень осторожный и хитрый зверь, и его почти невозможно увидеть. Он труслив, нахален. С наступлением темноты, всюду чувствуется здесь его близкое присутствие.

У шакалов есть обычай: если завоет





один, то другие, где бы они ни были, ему обязательно отвечают. Забавный случай в этом смысле произошел с одним здешним старожилом. Зимним вечером он ужинал со своей семьей. Как раз в это время где-то в горах завывали и заскулили шакалы. Тотчас же, к великому изумлению ужинавших, под полом комнаты раздался такой грозный и отчаянный вой, что маленькие дети перепугались и заплакали.

Оказывается, шакал проник в отверстие под крыльцом и залез дальше под пол, в поисках кухонных остатков. Несмотря на щекотливость своего положения, он немедленно ответил, строго соблюдая обычай, на призывный

вой своих товарищей. Хозяин дома выбежал с ружьем во двор, но нарушителя покоя и след простыл.

Шакалов ловят так: к ветке дерева, на высоте двух с половиной метров, подвешивают какую-нибудь небольшую птицу и под приманкой закапывают кашкан. Только привязывать приманку нужно не веревкой или проволокой, а веткой же. Если зверь прыгнет, чтобы схватить птицу, то непременно опустится передними лапами в кашкан.

Шакала, говорят старики, лишь в редких случаях можно подкараулить на ружейный выстрел, когда он бежит на охотника против солнца, на закате, по самому хребтику. Тогда он, как слепой, ничего не видит. А как только взойдет солнце, тут уж он не попадется.

Окрестности Хосты и Сочи таят много интересного и еще хорошо не разведанного.

Близ реки Кудеисте есть большая сталактитовая пещера. К ней надо идти от Хосты по Воронцовской дороге, через Белые Скалы и колхоз «Хлебобоб», до известняковой скалы, нависшей над рекой Кудеисте.

Нужно подняться на вершину скалы и спуститься по очень крутой и опасной тропе, цепляясь за деревья и камни, на площадку под скалой, почти у самой воды. Тут будет видна узкая темная щель. В нее можно пройти только согнувшись, по одному, гуськом. С собой обязательно следует брать фонари. Сначала путь идет метров тридцать этим коридором. Затем открывается обширная зала с многосводчатым потолком. Высота ее доходит до десяти метров. Здесь видны ряды

известняковых колонн больше метра в поперечнике. Колонны и своды необычайно причудливых очертаний, и все это при свете факелов сказочно сверкает то бронзой, то серебром.

Местами на полу встречается грязь, и слышно, что где-то струится вода.

Из первого зала естественные ходы ведут вверх и вниз и в стороны, в другие пещеры.

На левом берегу Хосты против развалин крепости из-под огромной скалы, поросшей лишайниками, мхом и самшитом, вырывается подземная река. Ее струя, шириной в несколько метров, бьет с чрезвычайным напором поперек течения Хосты, как бы стремясь вверх. Вода подземной реки светлее воды в Хосте и такая холодная, что по сравнению с ней вода реки Хосты кажется подогретой. Начиная от этого места, река Хоста становится в два раза полноводнее.

Такое странное, на первый взгляд, явление природы объясняется просто. Всюду, где есть под поверхностью земли растворимые породы, вода просачивается сквозь них в глубину. Так образуются здесь настоящие подземные реки и озера.

Между Западной поляной и крепостью реку Хосту сжимают почти вплотную сближавшиеся известняковые массивы, и она кипит и бурлит в теснине водопадом. Ниже ее преграждает гряда утесов, оставляя лишь узкую щель, куда, пенясь и гремя новым водопадом, стремительно скатывается река. Между первой тесниной — Чортовыми Воротами и нижней грядой скалистых порогов Хоста достигает чрезвычайно большой глубины. Тут держится лосось.

*Хоста — Гузерипль,
15—20 июня*

Я выехал ночью из Хосты поездом Тбилиси — Ростов на Хаджох.

Из ночных путевых картин надолго врезались в память сквозные силуэты развалин героического Туапсе.

Высадился в Белореченской в проливной дождь. Тут, в предгорьях, дожди уже полтора месяца не прекращаются ни на один день.

Пересев на местный поезд, через три часа я уже был на станции Хаджох.

Переночевав в Хаджохе в доме заповедника, я утром выехал на подводе через станицу Даховскую в селение Хамышки. В Хамышках снова ночевка, и, наконец, подвода, запряженная парой лошадей, громяхая по камням, корням и бревнам деревянного настила, то взбираясь на крутые подъемы, то скатываясь вниз, в глубокие, полные воды выбоины, увозит нас все дальше в горы, в центр заповедника — Гузерипль.

Дорога идет между отвесными скалами и обрывистым берегом реки Белой.

Река далеко внизу, на дне глубокого ущелья гремит и хлещет ключьями пепельно-жемчужной пены, сжатая в узкой теснине и прегражденная согнутыми порогами.

Горы поросли буками и грабами.

За кордоном Лагерная над самым обрывом реки в Соркодумовой балке, теперь переименованной в балку Андреева, белеет памятная доска. Текст ее немногословен: «Здесь в 1942 году при обороне Кавказа пал смертью храбрых герой-партизан тов. Андреев. Могила его находится в Хамышках. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Дальше, в полутора километрах от Гузерипля, в урочище Рыбалкина обвала, к дереву над грохочущей и пенящейся рекой прибита другая памятная доска. На этом месте 19 августа 1942 года бойцами роты старшего лейтенанта Ф. А. Шап был наголову разбит и отброшен враг, рвавшийся по теснине каменного коридора к Гузериплю и Белореченскому перевалу.

Мост через Малчепу сожжен во время войны. Шаткий временный настил не выдерживает слишком большой тяжести. Приходится отпрячь лошадей и перевести их на другую сторону реки, затем мы вместе с ездовым перетаскивали подвод. Лошади снова впряжены, и через несколько минут все под тем же бесконечным дождем мы въезжаем во двор центральной усадьбы заповедника.

Подвода остановилась у кладовой. Из жилого помещения вышла молодая миловидная женщина с румяным лицом и живыми глазами, отперла двери кладовой, и ездовой стал сдавать привезенный попутно с нами груз.

Я вошел вслед за ездовым и попросил у кладовицы разрешения временно оставить здесь рюкзак и плащ-палатку.

Мы познакомились.

— Моя фамилия Бондарева, Раиса Дмитриевна, — назвалась кладовица. — А вас я знаю: это ваша книга? — и она назвала мою книгу о Кавказском заповеднике, изданную до войны. — Вы знаете, что старик Бугаенко, тот, что описан в вашей книге, расстрелян фашистами в Сахрае как партизан?

Вы правильно тогда писали, что он в семье крутой был и непокорный. Он и фашистам не покорился, ему было девять-сто шесть лет, когда они его убили. Он мой дедушка, отец моей матери. Гитлеровцы весь Сахрай сожгли дотла, кого не расстреляли — выселили с детьми.

Вскоре я сидел в маленькой чистой комнате за накрытым столом и беседовал с Алексеем Тимофеевичем Бондаревым, мужем миловидной кладовицы. Алексей Тимофеевич служил

на Черноморском флоте и после демобилизации снова стал рабочим заповедника.

Шатен, лет двенадцати пяти — тридцати, среднего роста, худощавый, но мускулистый, он до сих пор сохранил на своем лице крепкий черноморский загар. Из-под темных бровей, с несколько скошенными кверху крыльями, внимательно смотрят серые глаза, в то время как хорошо очерченные губы мягко и застенчиво улыбаются. Общее выражение умного и решительного лица, морщинка между бровей и короткий, суховатый, чуть вздернутый нос говорят о характере и силе. Есть такой тип русских людей: детская улыбка, тихие и словно бы робкие движения, — думаешь, красная девица, — и не догадаться, какая скрыта в нем страшная сила, а только задень — и будет обидчику худо.

Алексей Тимофеевич был на фронте с июня 1941 года. Служил старшиной-сигнальщиком, был в береговой обороне, в разведке воздушного наблюдения, ловил вражеские самолеты и подводные лодки. Когда немцы подошли к Новороссийску, вел разведку на суше, добывал «языков». На катерах-тральщиках расчищал фарватер и, прорываясь сквозь минные заграждения и адскую бомбежку с воздуха, подвозил боеприпасы на знаменитую Малую землю. Контужен взрывом авиабомбы. Несколько раз награжден.

После эвакуации Новороссийска он попал с частью в Геленджик. Здесь в брошенном санатории «Голубая бухта» на Тонком мысу расположилась его часть. Роясь в библиотеке санатория, он нашел мою книгу о заповеднике.

Бондарев рассказывает:

— Ребята узнали, что я захватил с собой только одну книгу, они спрашивают: «Почему ее?» Я отвечаю: «Она о моих родных местах и близких людях».

Раиса Дмитриевна, как и муж ее, была всю войну в армии. Она зенитчица, сержант, награждена двумя медалями и значком «Отличный артиллерист».

...Идя на отведенную мне квартиру, я и здесь, как и в Красной Поляне, отмечаю, что печать войны еще лежит на всем облике усадьбы заповедника. Дома старого Гузерипля совсем утонули в разросшейся за военные годы густой молодой зелени.

Все новые постройки на широкой поляне, засаженой фруктовыми деревьями, кукурузой и картофелем, уцелели. Но они потемнели от дождей и времени, а деревянные переходы от дома к дому истлели, и между остатками досок, лежащими прямо на земле, брызжет вода — поляна болотистая. В палисадниках вокруг домов, где нет огородов и цветников, снова поднимается высокая трава. Во многих местах у самых домов и сараев видны свежие волчьи следы.

Поляну обступили со всех сторон черные тяжелые горы, скатанные до подножья клубящимися свинцово-синими тучами. Густой туман медленно растекается по ущельям. Похоже, что опять будет ненастная погода.

Все же я решил ехать за тридцать километров в горы, на Кишу, и дальше — в зубровый парк на Темной поляне.

Со мной отправляется радист, он же и фотограф, партизан Отечественной войны из Тульского отряда № 2, Иван Яковлевич Вяляховский. Будем наблюдать и фотографировать зубро-бизонов, хотя нас и предупреждают, что это опасно и вообще вряд ли удастся: зубро-бизоны только что выпущены на волю, и у них маленькие телата. Они настолько возбуждены и воинственно настроены, что может повториться неприятность, происшедшая с заведующим зубровым парком Заславским, когда зубро-бизоны чуть не убили его.

Закончив недолгие сборы, мы идем на старый Гузери́ль, где нас уже ждут лошади: два маленьких монгольских мажтака светлоглинистого цвета — Каштанчик и Буланчик, похожие друг на друга, как близнецы.

К нам подходит заведующий хозяйством и говорит, указывая на волчьи следы внушительных размеров:

— Волки за войну совсем обнаглели. Их развелось множество и бродят они, где хотят. Вот посмотрите, они толклись всю ночь у этого сарая: тут у нас два вола. До них волки не добрались, но зато съели кожаные ремни на дышле брички.

...На самом въезде с поляны Гузери́ль при дороге видна деревянная решетчатая ограда, обсаженная молодыми деревцами, в ограде пять небольших холмиков в изумрудной зелени травы и в цветах. Дорожки между холмиками посыпаны белым гравием. В центре ограды — пирамидальный памятник со звездой. Надпись на металлической доске гласит:

«Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Здесь погребены герои Великой Отечественной войны: три бойца роты лейтенанта тов. Шип Ф. А., павших смертью храбрых при обороне Кавказа в бою 19 августа 1942 года на подступах к п. Гузери́ль, где фашистские захватчики были наголову разбиты и отброшены;

политрук роты старший сержант тов. Зиновьев, пулеметчик младший сержант тов. Габов, красноармеец (фамилия не установлена);

два сталинских сокола — военные летчики: дважды орденоседец лейтенант тов. Шульгин Леонид Александрович и техник лейтенант тов. Бирюков Василий Ильич, погибшие

18 февраля 1943 года в урочище Горелое при выполнении боевого задания».

Ограда и светлая зелень молодых посадок, цветы на могилах и все следы неуспяной заботы свидетельствуют, что память о защитниках этого уголка нашей родины прочна в сердцах жителей Гузери́ля...

...Мы продвигаемся не очень быстро по залитому дождями каменному карнизу над Белой. В глубоком ущелье под нами подымающаяся за ночь вода скачет через пороги, и грозный гул реки наполняет воздух.

Мой спутник одет в синий альпинистский комбинезон, шляпа военного образца заброшена на резинке за плечи. У пояса — кривой и узкий турецкий кинжал.

У Ивана Яковлевича смуглое нервное лицо, нос с небольшой горбинкой, энергично сжатые губы, серые пристальные глаза. Над крутым открытым лбом слегка выются почти черные волосы.

Посадка его в седле очень свободна: видна партизанская выучка. И ходит Иван Яковлевич, когда мы принуждены спешиваться, с особой легкостью и плавностью. А ведь в гражданскую войну он потерял половину правой ступни. Это, однако, не мешает ему подниматься высоко в горы.

В один из таких недавних своих горных походов Иван Яковлевич наткнулся на труднодоступном хребте Абаго на следы давних воздушных боев.

В траве, в камнях из пространства в несколько километров были разбросаны части разбившегося самолета. Иван Яковлевич обнаружил крыло «Хейнкеля-111». Оно валялось у подножья гигантской скалы, в которую со страшной силой ночью или в туман врезался вражеский самолет, разлетевшись в куски. Придавленные крылом, белели четыре скелета летчиков с неразвернувшимися парашютами за плечами. Плоскость крыла накрыла их, как гробовая доска. На полустлевших остатках одного из мундиров еще можно было различить четыре серебряных кондора и длинную планку орденских ленточек. Здесь же валялись пушки, пулеметы, патроны.

У балки Андреева Иван Яковлевич сходит с коня и, глядя вниз в заросшую грабами и буками, загроможденную ветровало каменную кучу, произносит:

— В этом бою немцы были разбиты. Они уже показали спину. Тогда партизан Андреев бросился за ними, чтобы захватить автомат подстреленного им фашиста. В этот момент его настигла пуля гитлеровского снайпера.

Просторный двухэтажный дом кордона Лагерная сожжен фашистами. Теперь наблюдатели временно помещаются в части сарая, переделанной под жилье. Сожжен и мост через Бе-

люю. Ведя лошадей в поводу, мы по одному переходим на другую сторону по шатающимся доскам времянки. Такая же ненадежная времянка переброшена и через Кишу рядом с обугленными остатками старого моста.

Взбираемся выше и выше в горы. Размытая и то там, то здесь сползающая тропа крутыми зигзагами лепится вдоль отвесного правого берега Киши.

Река вся в мыльной пене и крутящихся воронках стремительно скатывается навстречу. Местами, когда глянешь в бездонную пропасть, Киша кажется извилистой белой ниткой, но нитка эта грохочет.

Впереди на тропе между серебристыми стволами показалась всадница — небольшого роста молодая женщина на длинноногом черном коне черкесской породы. Наездница была в обычном для работников заповедника туристском комбинезоне защитного цвета и мужских ботинках. Из-под белой косынки с повязанными на затылке концами выбивались рыжевато-золотистые прядки, на слегка вздернутом и чуть пухловатом небольшом носу поблескивали стекла пенсне. Всадница ехала с задумчивым безмятежно-домашним видом.

Походка коня была спокойно-небрежная, размашистая и в то же время неторопливая.

— Привет, Лидия Васильевна! — здороваются Вяляховский с белокурой всадницей. — Вы прямо из зубрового парка сегодня?

— Да, прямо оттуда, без заезда на Кишу.

— Жаль, что так случилось, и мы разминувшись; хотели вместе с вами поглядеть на зубро-бизонов и пофотографировать. Вот если бы вы могли вернуться с нами...

Иван Яковлевич знакомит нас:

— Лидия Васильевна Крайнова — научный сотрудник зоологического сектора и хозяйка зубро-бизонов. А это наш гость: пишет о заповеднике.

Лидия Васильевна, немного подумав и сморщив брови, решает просто:

— Ну что ж! Пожалуй, дня два могу еще пробыть с вами в зубровом парке, но не больше. Поехали! Только нам надо сегодня же попасть прямо на Сулимину поляну. Ночевать на Кише не будем. Хотя дорога к Сулиминкой очень плохая, я думаю, доберемся еще засветло.

Лидия Васильевна повернула своего Вёрона, и высокий конь неторопливо зашагал впереди нас по взмокнувшей и скользкой тропе.

В течение дня Лидия Васильевна сделала почти весь путь к Гузериплю, и теперь ей, таща нас на буксире, надо без передышки совершать его в обратном порядке — не меньше сорока километров в один день, да по этой тропе, которая, по словам Крайновой, дальше, к концу, становится еще хуже.

Дорога с каждым шагом действительно становится все тяжелее.

Мой монгольский конь Каштанчик на опасном спуске поскользнулся и дважды подряд грохнулся с размаху мордой о землю, высоко взбросив круп. Если бы я все время не был на-чеку и двумя быстрыми и сильными рывками повода не поднял коня, то, безусловно, очутился бы в реке вместе с ним.

Каштанчик был так напуган после этого случая, что на протяжении остального пути при виде самого невинного спуска мгновенно покрывался потом, дрожал и ни за что не хотел сдвинуться с места, пока я не слезал и не тянул его за повод.

Когда я осмотрел Каштанчика на кордоне, — в лесу было слишком пасмурно, — оказалось, что лоб, левый глаз и морда его залеплены сплошной корой присохшей глины, будто на коня была надета маска; в момент падения он буквально стал на голову.

Наконец, миновав хребет Дудугуш, нависший над Кишей черно-синей громадой, мы спускаемся к просторной ровной поляне Терновой. До войны на ней зеленели поля картофеля и свеклы, зрели под щедрым солнцем полосатые арбузы. В веселом белом домике на кудрявой опушке леса жил тогда с семьей Михаил Сафонович Пономаренко — он был влюблен в свою веселую солнечную поляну. Богатые плоды человеческого труда привлекали на нее многочисленных кабанов и оленей. Дикие козы играли здесь по утрам под защитой человека, а черные, как монахи, большие вороны бродили по поляне, то выбирая дождевых червей из дымящейся сизым паром свежесплаханной жирной земли, то со звонким стуком долбя упругую корку арбузов на бахче.

А сейчас домик огородника сожжен, и на месте его стоит плетенный из хвороста шалаш. Там, где прежде были огороды и бахчи, высится крапива: в ее чаще свободно скрывается всадник на лошади. Поляна заросла буйной травой и огромными лопухами. Не видно и оленей. Улетели вороны: им тут больше нечего делать.

Только широкие полосы примятой травы и черные лысины покопов и лежек говорят о том, что не изменили поляне одикие дикие кабаны.

А все-таки Терновая поляна хороша теперь и мила моему сердцу в этих, еще не залеченных ранах войны: широка она, зелена и светла, несмотря на низкие тучи в ненастном небе. И я знаю: снова сюда вернется прежнее цветение и кипение жизни, и, словно отвечая на мои мысли, горячее золото солнца хлынуло в голубые разрывы между пепельными клубами и дымными веретенами облаков, обрызгало живыми огнями мокрые высокие сорняки, и сразу они перестали казаться оди-

чалыми и враждебными. Запели птицы, и с особенной мелодичной выразительностью и нежной силой раздаются в кустах стеклянное звенение, и соловьиное бульканье, и тѣхающий переливчатый свист певчего дрозда.

Снова спуск, на этот раз уже последний, и мы едем по обширной речной террасе, поросшей ольхой. Гигантский папоротник — страусово перо — заполняет все пространство между деревьями. Он необычайно густ и высок — по плечо всаднику, и завившиеся спиралью на концах огромные вырезные его листья — вайи, как опахала, развернулись в воздухе. Эти пышные заросли напоминают леса древовидных папоротников какой-то давно исчезнувшей геологической эпохи...

Впереди — кордон Киша. Здание зоологической лаборатории, где я когда-то провел не одну ночь в окружении звериных черепов, смотревших на меня темными глазницами с полок застекленных шкафов, пусто, и окна заколочены досками. Оленьих рогов над главным входом нет. На Кише в 1942 году побывали фашисты. Двести конных полицаяев под командой офицеров налетели на кордон с Сахрая. Хотя они были вскоре же прогнаны партизанами и больше не смели совать сюда носа, однако они разрушили и изгадили все, что только успели.

Отдохнув с час у заведующего зубровым парком Бориса Артамоновича Заславского и подкормив лошадей, трогаемся с кордона в дальнейший путь на Сулимину поляну.

Мы поднимаемся к ней через другие поляны, как с этажа на этаж. Я бывал здесь до войны и, однако, не узнаю окружающего пейзажа. Раньше в горы вилась узкая, местами едва приметная каменистая тропа, а сейчас мы едем по изрытой колеями и глубокими ухабами, замешанной непролазной грязью, широко раскатанной дороге. Вязкая грязь, налитые водой выбоины и ямы, переплетающиеся повсюду, обнаженные от почвы, скользкие корни делают дорогу для лошадей чрезвычайно трудной, особенно на подъемах, очень крутых и длинных.

Буланчик, на котором сидит Виляховский, четыре раза ложился под ним, предварительно вскося посмотрев на него и осторожно поджав ноги, так, чтобы не сбросить всадника в месиво грязи и самому не измараться в ней. И всякий раз Иван Яковлевич вынужден сходить в глубокую жижу и вести хитроумного Буланчика на поводу.

Только поляна Венгерская, вся в светлой кудрявой зелени фруктовых деревьев, среди которой видны похожие на большие вороны гнезда медвежьих заломы, сохранила знакомые черты.

Остальных полян не узнать. На длинном и круто восходящем подъеме Ломтевой поляны стоят побуревшие от дождей стога сена для зубрового парка. Внизу косога склона поляны Яминой, где раньше бродили, вспахивая землю длинными рылами, гурты диких свиней, зеленеют посевы турнепса, свек-

лы и картофеля — подкормка зубро-бизонов. За огородами — скотный двор и ограда, через ворота которой мы въезжаем уже при свете встающей луны на Сулимину поляну, вернее, на то место, где она была, потому что перед собой мы видим дом, сарай, базы и снова ограду и огороды, но прежней лесной высокогорной поляны уже нет.

Все эти изменения, в отличие от того, что случилось с Терновой поляной, я принимаю как неизбежные и оправданные. Ведь они тесно связаны с восстановлением в заповеднике уже исчезнувшего гигантского жителя здешних гор и лесов — кавказского зубра. Чистокровную зубровую породу можно вывести, только переселив сюда зубро-бизонов и приспособив их к новым условиям жизни.

А пока зубро-бизоны к ним привыкнут и дадут уже «туземные», прочно стоящие на собственных ногах поколения, этим огромным младенцам природы нужна человеческая неусыпная помощь и забота. Их надо зимой держать в защищенном огороженном месте, кормить скошенным на полянах сеном, картофелем, свеклой и турнепсом, посеянными рукой человека на тех же полянах. Телят зубро-бизонов поят коровьим молоком, и поэтому здесь находится целое стадо коров. Отруби, соль и другие дополнительные корма для зубро-бизонов подвозят снизу, из Сахрая, через кордон.

Вот почему высокогорные, еще недавно «дикие» лесные поляны превращены в огороды и сенокосы, перегорожены частоколами, застроены базами и «родильными станками» — дощатыми сараями, где происходит отел зубриц. Вот почему каменистая и узкая горная тропа превратилась в широкую раскатанную дорогу.

Впервые в мире в обществе советском, социалистическом, где царствует закон «один за всех и все за одного», человек подходит к природе как умный, заботливый хозяин, друг и творец.

Советский человек взлелеял прекрасную творческую мечту: вызвать к новой жизни то, что казалось навсегда погибшим, вернуть зеленым лесам и синим горам Кавказа живое выражение всей их мощной красоты — зубра.

Он начал еще до войны это смелое творческое дело. Люди заповедника — от ученого до рядового рабочего — продолжали это дело в кольце вражеского окружения и, не щадя своей жизни, отстояли первые его плоды. Фашистские мракобесы трижды пытались разбомбить с воздуха зубро-бизонов. Гитлеровцы в Хамышках и Даховской показывали заснятые с самолетов фотографии этих бомбежек, похваляясь, что зубро-бизоном «капнут».

Части Красной Армии и партизанские отряды защищали заповедные горы. Им помогали работники заповедника,

стройка дзоты, неся охрану, ходя в разведку по тылам врага. Они угоняли зубро-бизонов из-под бомбовых разрывов в горные дебри. Только два или три зубро-бизона случайно погибли за все время войны.

В заповеднике этим летом пасется на поляне Темной зубро-бизонье стадо в семнадцать голов.

Так осуществляется творческая мечта.

Зубровый парк, 22 июля

Утром мы отправились в поход. Нас пятеро: Лидия Васильевна, Виляховский, старший наблюдатель зубрового парка Павел Борисович Кондрашов, наблюдатель Федор Емельянович Бурдо и я.

Все, кроме меня, идут пешком. Я еду на Вброне, потому что сегодня, к своему недоумению, впервые в этих местах испытываю довольно неприятный приступ горной болезни: звенит в ушах, сердце как будто хочет, повернувшись, острием, про ткнуть грудную клетку, к горлу подступает тошнота.

Виляховский в синем альпинистском комбинезоне, с двумя фотоаппаратами через плечо и биноклем в руках идет впереди, за ним мелькает белая косынка Лидии Васильевны. Наблюдатели замыкают «колонну». Кондрашов — кряжистый, средних лет блондин, сероглазый, с твердым, несколько тяжеловатым в нижней части лицом. Бурдо примерно того же возраста, что и Кондрашов. У него черные волосы и усы и шафранно-желтое длинное узкое лицо. На ходу он сутулится.

Оба наблюдателя одеты в куртки и брюки из прорезиненного серебристо-серого материала. За плечами у них — трофейные немецкие винтовки и в руках по две длинных палки, назначение которых я узнал только потом.

Сулимина поляна, где зимуют зубро-бизоны, расположена на высоте 1400 метров над уровнем моря. Она окружена частым осинником с беспрестанно дрожащими на легком ветру



мелкими листьями. В осинник вкраплены белоствольные стройные березы.

Среди поляны выстроены два новых дома и два овощехранилища. Зимний загон для зубров расположен тут же, у самого жилья. Это ограда метров девятьсот с каждой стороны. Внутри загона находится два сарая для зубро-бизонов, так называемые «родильные станки» и два база — небольшие загородки, куда от остального стада отделяют маток с телятами на некоторое время после отела.

Сулимину поляну отовсюду обступили высокие горы — Пшекиш, Тыбга, Джемарук и Бамбак. На трех последних горах белеют, сверкая под ярким утренним солнцем, снежные шапки.

Мы пересекаем зимний загон и выходим в ворота ограды на поляну Широкою.

На этой высоте еще не кончилась весна. Белым цветом посыпан боярышник. В густых росистых травах нежно голубеют крупные колокольчики.

Просторный, обрамленный светлозелеными лиственными и черно-синими хвойными лесами откос поляны Широкой уходит круто вниз — к югу.

На верхней, северной, части поляны Широкой темнохвойным гребнем встали сосняки. На востоке, где ниже и солнечнее, ярко выделяется на коричнево-черном фоне гор светлая зелень буков, грабов и диких фруктовых деревьев. Сюда осенью, в период созревания плодов, собираются зубро-бизоны, олени, кабаны и медведи. На Широкой находятся основные сенокосы для зубро-бизонов и картофельные поля.

С этой поляны видны те же хребты, что и с Сулиминой, но к ним присоединяется кудрявый Лохмач и еще дальше Уруштен. На востоке, в стороне Темной поляны, над пихтовыми и сосновыми лесами врезаются в небо серо-голубая пирамида горы Слесарни и куполообразная вершина Афонки.

На Широкой я оставляю Вброна: зубро-бизоны не терпят лошадей. Широкою сменяют несколько круглых полей, которые все вместе называются Жернова. Эти поляны разбросаны среди осинников, буков и грабов. Сюда тропа идет мимо завалившегося балагана и посадок картофеля и свеклы.

У чернеющих в траве развалин балагана видны свежие медвежьи следы; здесь вчера днем один из наблюдателей наткнулся на большого бурого медведя.

На Жерновах для зубро-бизонов построены сарай, родильные помещения и два база.

В широком загоне пасется зубрица Зорька. Ее отделили от стада, так как она накануне отела (Зорька еще ни разу не теллась). Крупное, горбатое буро-коричневое тело зубрицы медленно движется на светлом фоне травы.

Услышав наши шаги и голоса, зубрица высоко поднимает бородатую голову, пристально всматривается и, увидев людей, приходит в возбуждение. Приблизившись к частоколу, она с угрозой наклоняет рога, и в этот момент Иван Яковлевич ее фотографирует.

Одолев еще один спуск и такой же крутой подъем, мы выходим на поляну Темную.

Темная поляна — новое «зубровое царство» заповедника. Высота ее 1 500 метров над уровнем моря и к реке Шише все время снижается. Западная часть ее поросла осинником, в восточной, скалистой части внизу растет пихта, а выше и севернее — сосняк.

Поляна вся в зелени высокой густой травы. Здесь главное летнее и осеннее пастбище зубро-бизонов.

Тень, падающая от горы Слесарин, покрывает почти всю обширную поляну. На гигантских бело-голубых отвесных стенах Слесарин, в купах сосен и лиственных деревьев, в осыпях и на скалах держатся серны.

И сейчас в бинокль отчетливо видна на скале под одинокой сосенкой пасущаяся серна. Она медленно подвигается наискось к группе деревьев, пасясь на ходу. Скрывается среди стволов, снова появляется, вытягивает шею, обгрызая листву на нижних ветках. Вот мелькает на бело-голубом известняке скалы красновато-бурым пятном, неторопливо спускаясь все ниже и ниже. Наконец она совсем исчезает из поля зрения в мелкой поросли сосен.

На влажной земле тропы видны многочисленные глубоко вдавленные следы широких зубро-бизоньих копыт. На склоне, по которому мы идем, чернеют в зелени травы места их лежек: тут зубры катаются и совершенно оголяют почву от травы. На стволах осин тут и там кора содрана узкой и длинной полоской, идущей далеко вверх. Это тоже работа зубро-бизонов.

С вершины склона видны в зарослях густой высокой травы какие-то темные горбатые тела. Через несколько мгновений я различаю головы с короткими рогами и козлиными бородами: это зубро-бизоны.

Сначала я рассмотрел только четырех животных, но затем вижу новых и новых. Вот они зашевелились и оборачиваются на нас. Одна зубрица повернулась к нам всей грудью. Она подняла голову над травой и пристально всматривается. Наблюдатели несут на плечах мешки с подкормкой, и это, очевидно, привлекло ее внимание. Вскоре к ней присоединяются один за другим остальные зубро-бизоны.

Мы спускаемся к истоптанной и изрытой следами зубро-бизонов ровной площадке у ручья, бегущего в путаных зарослях кустов травы. Среди площадки расставлены сбитые из

досок и выдолбленные в стволах деревьев длинные и узкие кормушки. Они расположены у подножья нескольких больших деревьев и в центре площадки так, что научные работники, взобравшись на развалины деревьев, могут спокойно наблюдать зубро-бизонов вплотную. Для лучшей видимости лишние ветви спилены на высоте человеческого роста от развилин.

По совету Лидии Васильевны, я залез на разлапистое дерево над самыми кормушками и, примостив дощечку в развилине, присел, как белка в гнезде, метрах в двух с половиной над землей. На соседнем дереве устроились Иван Яковлевич и Лидия Васильевна.

Наблюдатели забыли ведро на Жерновах, и пока туда сходил за ним Бурдо, Павел Борисович, оставшись один, начал рассыпать отруби по кормушкам.

Вскоре совсем близко от него одна за другой появились четыре зубрицы без телят: Валькирия, Елька, Еруня и Жанка (все зубро-бизоны имеют свои имена). Павел Борисович отпугнул их окриком и взмахом палки. Зубрицы повятились и остановились за ручьем на опушке, внимательно и нетерпеливо следя за его работой. К ним через минуту присоединилась пятая зубрица, довольно мрачного вида, с хитрыми и злыми глазами, с единственным рогом, неправильно растущим вниз. Она была меньше остальных, но, повидимому, гораздо решительнее их. Она начала это доказывать, приближаясь бочком к Павлу Борисовичу, вертясь и взъерошенная. Лидия Васильевна при появлении ее оклинула Кондрашова:

— Павел Борисович! Осторожнее: показалась Лира — «гроза морей»!

Павел Борисович все теми же немудрыми средствами — окриком и взмахом длинной палки — отогнал ее на приличное расстояние.

Теперь уже пять зубриц неотрывно следили за каждым его движением. Спустя минуты две они зафыркали, глухо заурчали, и вслед за этим сигналом, продираясь сквозь заросли травы и наваяка, начали подходить остальные зубро-бизоны.

Первыми появились телята, затем — старая зубрица и за ними — годовички. Через некоторое время к ним присоединяется могучий бык Луган с большим лоснящимся горбом.

Горбатые, с косматыми козлиными бородами, с темнокаштановой курчавой шапкой гривы между коротких, но широких и толстых рогов, с шерстью, окрашенной в бурый цвет, переходящий в коричневые тона и черноту, особенно на морде, зубро-бизоны были очень внушительны. Время от времени они отдельными группами пробовали вести наступление на кормушки или взять в обход охраняемые Павлом Борисовичем позиции. Но он был настороже и удачно отбивал эти попытки.

Вернулся Бурдо с ведром. Он стал размешивать отруби, поливая их водой и добавляя в них горстью соль и мед — минеральную примесь к подкормке.

Теперь зубро-бизоны стояли сплошной стеной, выставляя из зарослей рогатые головы и окружив полукольцом площадку. Некоторые из них, выражая нетерпение и недовольство, фыркали и катались по земле. Но вот звонкий стук о корыто и ведро и условный крик известили их, что подкормка готова и можно приступать к завтраку.

Наблюдатели отошли повыше на склон и спрятались в траве с палками в руках.

Зубро-бизоны быстро двинулись к кормушкам и рассыпались по площадке живописными группами. Особенно веселы и оживленны были четыре одномесечных теленка. Они то, задржав короткие хвосты, высоко подпрыгивали в воздух, то сосали матерей и снова играли друг с другом и резво скакали. Тупоносые, горбатые, с взъерошенными и изогнутыми крючком куцеватыми хвостиками, они были уморительно забавны.

Телята держались вплотную к матерям. Когда к той или иной зубрице слишком близко подходил головичок, то зубрица быстро с угрозой наклоняла к нему рога, фыркала и заставляла его немедленно ретироваться.

Среди зубриц есть одна бесхвостая. Кличка ее Лаура. В прошлом году в августовскую ночь на нее и старую зубрицу Волну напали волки. Лаура была тогда годовалой телкой, и нападение явно велось на нее. Телке удалось спастись стремительным бегством в стадо, но по пути она потеряла хвост, захлестнув его за ствол дерева. Возможно, что этому помог и волк, крепко ухватив зубами хвост зубрицы.

Все стадо пришло в сильное возбуждение. Зубрица Еруня, яростно роя землю рогами, зацепила одним из них за корень и оставила рог в земле (зубро-бизоны вообще легко теряют оболочку рогов). Хвост Лауры и рог Еруни утром были найдены наблюдателем и помогли представить картину ночного нападения волков и неистовство зубро-бизоньевого стада.

Постепенно у кормушек собралось пятнадцать зубро-бизонов. Нехватало только Зорьки, которая находилась в загоне, и хозяйина стада — Ермыша.

В стаде сейчас два быка — Луган и Ермыш, родившиеся уже в Кавказском заповеднике в 1942 году. Третий, старый бык Витязь, прибывший вместе с первыми зубро-бизонами из Аскания-Нова, был убит прошлой осенью за пределами заповедника.

Витязь покинул стадо, не желая примириться с тем, что он был побежден в единоборстве за зубриц молодым быком Ермышом. Уходил вместе с ним и Луган, тоже потерпевший поражение, но скоро вернулся в парк.

С гор подул сильный холодный ветер. Но мне не до него. Слишком уж волнующе интересна эта первая моя встреча с четвероногими гигантами.

Иаан Яковлевич беспрерывно нацеливает на них объектив фотоаппарата и щелкает затвором. Лидия Васильевна, не отрывая от глаз бинокля, делает короткие замечания и пояснения.

Когда нужно приблизить зубро-бизонов к объективу фотоаппарата, она с развилки дерева, как с капитанской рубки, подает команду, и наблюдатели, искусно маневрируя и то покрикивая, то ласково уговаривая, подгоняют зубро-бизонов.

Наевшись, зубро-бизоны по одному ушли в кусты, и только две-три коровы продолжали упорно смотреть в пустые кормушки.

Мы возвращаемся обратно в усадьбу зубрового парка.

Показывая на поросший высокой травой склон поляны, где мы на пути к кормушкам видели стадо, Павел Борисович говорит:

— Смотрите, Лидия Васильевна: Ермыш! Вон он пасется.

Волнуя траву и приминая ее широкими полосами, внизу медленно передвигалось огромное бурое тело с мощным коричнево-черным горбатым загривком и лобастой головой, с широко расставленными рогами.

Для него, владыки стада, торопливость унизительна и общие правила необязательны.

Лидия Васильевна рассказывает мне об этом великолепном экземпляре зубро-бизона и обо всем стаде.

...Лидия Васильевна Крайнова окончила биологический факультет Ленинградского университета. Учителем ее был известный эколог доктор биологических наук профессор Кошкарлов. В заповеднике она работает научным сотрудником с 1940 года. Вместе с Михаилом Александровичем Заблоцким Лидия Васильевна вела научную работу по акклиматизации зубро-бизонов в Кавказском заповеднике. Заблоцкий был отозван в Центральное управление по заповедникам при Совете Министров РСФСР, и Лидия Васильевна сейчас самостоятельно ведет наблюдение над зубро-бизонами.

Когда фашисты захватили Даховскую, Хамышки и Сахрай, она много сделала для сохранения зубро-бизонов и научных ценностей зоологического сектора. Он находился тогда на Каше.

Потом Лидия Васильевна была эвакуирована в Сочи и в 1944 году вернулась оттуда на прежнюю работу. На обратном пути она первой прошла через перевал Псеашхо с подростком-проводником по еще не разминированным тропам. Через стремительный Уруштен она перебиралась вброд, так как мосты

на Уруштее, сожженные немцами, еще не были восстановлены.

Лидия Васильевна знает до мелочей «биографию» и характер каждого из зубро-бизонов.

Мы долго беседуем с ней на эту тему.

— Из второй партии чистокровных бизонов и гибридов зубра и бизона, — рассказывает она, — полученной из Москвы уже во время войны, осталась одна Зорька. Во время переезда стада на новое место она отбилась от остальных зубро-бизонов.

Зорька родилась и выросла в Московском зоопарке, в клетке. К жизни в естественных условиях она не привыкла.

Неудивительно, что, отбившись от стада, Зорька заблудилась. Она потеряла направление и попала в скалистое ущелье реки Куны. Там она свалилась с отвесной скалы в шестьдесят метров и второй раз — с сорокаметровой высоты. Она сильно разбилась: поломала ногу, повредила крестец и внутренние органы. Было сомнение: стоит ли ее спасать со дна ущелья? Все же решили попробовать выгнать ее наверх по травянистому крутому склону. С большим трудом за два дня удалось этого добиться.

Натура зубрицы оказалась крепкой. Тяжелые повреждения зажили, нога срослась. Теперь Зорька — гроза для телят: она их не терпит, может быть, потому, что после падения со скалы ни разу не телзилась.

Старая зубрица Еруня — дочь одного из самых крупных чистокровных беловежских зубров в Аскания-Нова — Альфельда и бизойки. Она наиболее сильная и самостоятельная самка в стаде. У зубро-бизонов нет вожака. Но наиболее сильному и решительному животному все в стаде уступают место, и именно такое положение занимает Еруня.

В первую осень после пригона зубро-бизонов в парк она ударом рога убилла коня. Случилось это так. Лошади паслись в одном загоне с зубро-бизоном. Кобылица заигралась с коном. Сначала мимо зубро-бизоньего стада промчалась кобылица. За ней бежал конь. Раздраженная первой лошадейю, Еруня совершенно незаметно повела рогом — и конь, взлетев в воздух, упал на землю с вспоротым бедром.

Зубрица Лира отличается особым вниманием к телятам, и поэтому она наиболее подозрительно и неприязненно относится к людям. Она постоянно охраняет тылы стада. Лира привезена в заповедник молодой телкой и за пять лет принесла четырех телят. Все ее потомство живо.

Это самое большое количество телят от одной матери, другие зубрицы за это же время телились не больше двух раз.

Жанка — самая «кокетливая» из зубриц. Она отличается

щегольством, всегда на первом плане и очень любит фотографироваться. У нее хороший вид, прекрасная упитанность, но оба рога сбиты. Зубро-бизоны легко теряют роговые чехлы, приходя в возбуждение и роя рогами землю или нанося удары страшной силы. Быки, как правило, в зрелом возрасте сбивают концы рогов, и у них остаются только мощные роговые основания.

В разное время стадо неодинаково отвечает на опасность со стороны хищников или человека. Если нет молодняка, то первым пугается бык, и за ним мчатся остальные зубро-бизоны. Но когда в стаде находятся маленькие телята, оно при появлении опасности остается на месте, соя и хрюкает. Зубро-бизоны постепенно начинают приходить в ярость. Они поддевают рогами корни деревьев, бьют по ним копытами, взрывают рогами землю, далеко разбрасывая комья. Катаются в возбуждении по земле, переваливаясь через спину. Хрюканье переходит в непрерывное грозное урчание.

Зубро-бизон особенно красив в возбужденном состоянии. Тогда голова его опускается так низко, что доб почти касается земли. Рога выставляются вперед. Горб приобретает наиболее крутой и мощный вид, а хвост приподнимается и изгибается крючком. Зубро-бизон идет на напряженных ногах и издает шумные, сильные выдохи, напоминающие паровозные выхлопы.

Интересно отношение местных зверей к зубро-бизонам. Олени их не очень остерегаются, пасутся на одной и той же поляне, только в разных концах. Так же ведут себя дикие кабаны и косули. Олени совместно с зубро-бизонами посещают естественные солонцы, а на искусственных солонцах, заложенных для зубро-бизонов, весной и осенью бывают самки оленей. На солонцы, заложенные для оленей и косуль, приходят зубро-бизоны.

Волки все время бродят вокруг зубрового парка. Они, конечно, очень «интересуются» зубро-бизонами. Под утро наблюдатели часто встречают свежие следы волков, шедших по пятам зубро-бизонов. Зубровый парк навешают и рыси.

Однажды весной 1942 года — зубро-бизоны тогда были в заповеднике еще новинкой — мне пришлось с наблюдателем встретить на Жерновах следы целой волчьей семьи: волчицы и двух молодых. По следам было видно, что волки приближались вплотную к «родильному станку», где в то время находилась зубрица с только что родившимся теленком. Старая волчица, несомненно, знакомила волчат через щели ограды с будущей «дичью».

Климат заповедника и обилие древесных кормов создают здесь наиболее благоприятные условия для зубро-бизонов. В Аскания-Нова они страдают желудочными заболеваниями.

ми. У нас этого не наблюдается, потому что древесные корма — кора — хорошее желудочное лекарство.

Благодаря благоприятным условиям зубро-бизоны чувствуют себя в Кавказском заповеднике, как дома. Через несколько лет здесь будет уже стадо чистокровных зубров и даже зубров кавказских. Это тем более вероятная перспектива, что у старого быка Журавля, погибшего в 1941 году, была примесь крови кавказского зубра. Имеется она и у зубриц Жанки и Леры и их потомства.

— Мы только что получили сообщение от Главного управления по заповедникам, — говорит Лидия Васильевна, — что нам в ближайшее время дают двух быков — чистопородных и беловежских зубров. Это значительно сократит сроки ингабитации зубров, то есть выведения чистокровного зубра из стада зубро-бизонов путем искусственного отбора потомства с наиболее выраженными зубровыми чертами, «габитусом».

...На закате сильно похолодало. Ветер стремительно мчит пухлые темносизые и белые тучи. Небо к вечеру очистилось, во ветер и холод еще сильнее. Где-то в горах выпал снег. Должно быть завтра, наконец, установится хорошая погода. Это будет очень кстати: с утра мы снова идем на Широкую.

Ночью возле самого дома я вспугнул какое-то крупное хищное животное, неясной серой тенью кравшееся вдоль ограды; оно мгновенно метнулось в сторону и, шелестя травой, скользнуло в лесную темень.

Зубровый парк, 23 июня

Раннее утро. Небо бледно-голубое и холодное. Высоко над лесами висит односторонняя луна, похожая на примятый золотой шар. Вдали темносиними и зелено-коричневыми пирамидами возвышаются горы.

Но вот небо на востоке посветлело и зарумянилось. Порозовели и перистые облачка на западе. Из-за гор косыми алыми мечами ударило встающее солнце. На отдаленных вершинах заискрились алмазной пылью и радугой переливаются венцы снегов. Еще минута — и ослепительно загорелись и засверкали снега.

Пока мы, снова впятером, поднимаемся к поляне Темной, небо совершенно очистилось от облаков. На излюбленном месте, на самом краю высокотравного широкого откоса Темной поляны, лежат зубро-бизоны. Огромный горб быка Ермыша виден уже издали на вытоптанном открытом месте. Вблизи него лежит телок и по бокам — три зубрицы. Одна зубрица неподвижно стоит под деревом, как на страже. Еще две пасутся неподалеку.

Ермыш ложится то на один бок, то на другой и несколько раз тяжело переваливается, взбрыкивая ногами в воздухе. Затем он встает, медленно и важно движется в траве, словно огромный бурый утес. Следом за ним трогаются зубрица, телята и годовички.

Зубро-бизоны услышали стук о корыто на площадке, куда раньше нашего ушел третий наблюдатель зубрового парка — Денисенко. Когда мы подошли к кормушкам, рядом в зарослях уже затаилось несколько зубриц.

Первой из укрытия показывается Еруня. Она жадно глядит на кормушки и пытается подступиться к ним, ведя за собой других зубриц. Вскоре в зарослях против кормушек выстроились полумесяцем все семнадцать зубро-бизонов. Ермыш подошел последним.

Выставив бородастые, с короткими рогами, широколобые голозы, зубро-бизоны недовольно фыркают, хрюкают и пыхтят, судорожно помахиывая хвостами. Время от времени они делают попытки прорваться к кормушкам, в которые наблюдатели Кондрашов, Бурдо и Денисенко закладывают отруби, смачивая их водой, размешивая и присыпая мелом и солью.

Чтобы зубро-бизоны до срока не прорвались, заведующий зубровым парком Борис Артамонович Заславский, догнавший нас у площадки, грозит им палкой и отпугивает криками. Еруня пробует обойти преграду с тыла, но во-время предупрежденный Лидией Васильевной, зорко следящей с дерева за каждым животным, Борис Артамонович поворачивается и метко швыряет в Еруню одну из двух палок, которые он держит в руках. Замахиваясь оставшейся палкой, он заставляет отступить Лугана. Теперь мне становится понятным не только назначение палок, но и количество их «на вооружении» у каждого наблюдателя.

Наконец подкормка готова. Тот же сигнал, что и в первый раз: стук по корыту и условный крик наблюдателя извещают животных, что они могут подходить. Один за другим зубро-бизоны пересекают площадку и размещаются у кормушек. Они идут, тяжело пыхтя и беспрестанно хрюкая, — телята в центре и два быка друг за другом среди зубриц. Некоторые из ходу облизываются.

Утолив первый аппетит, зубро-бизоны начинают раззеваться каждый по-своему. Одна зубрица катается по земле, другие, наставив рога, гоняют годовичков.

Быки Луган и Ермыш схватываются друг с другом в коротких стычках, как бы пробуя силу и упражняясь. Мощно изгибаются крутые шеи, сталкиваются широкие лбы, слышится костяной сухой стук рогов, хрюканье, всхрапывание и прерывистое сопение. Схватки прекращаются так же внезапно, как и возникли.

Снова и снова Луган делает попытку напасть и одолеть Ермыша, и всякий раз Ермыш гонит его прочь.

Ермышу четыре года. Он родился и вырос в заповеднике. Этот могучий бык с возрастом превратится в редкого даже для своей породы гиганта.

Ермыш обладает спокойным характером, но сила его огромна. Однажды шуточная борьба Ермыша с Луганом перешла в серьезную схватку, и Ермыш буквально перекинул через себя огромную и тяжелую тушу Лугана.

Ермыш чрезвычайно упитан и гладок. Весь налитой, горб его бурого цвета. Бурая окраска к ногам и голове темнеет, доходя до черного оттенка. Шея рыжевато-красноватая, а морда, ноги и живот окрашены в черный цвет. Лоб и нос у Ермыша покрыты бархатно-черной короткой шерстью. Сейчас Ермыш полностью еще не отлинял и не приобрел свойственного ему после линьки бархатистого блеска.

Весит Ермыш около шестисот килограммов, длина его тела — два с половиной метра, высота — свыше полутора метров. Ширина между рогами в изгибе достигает полуметра.

У зубро-бизонов глаза темносиние, у некоторых — темно-коричневые. Черные мохнатые медвежьи уши довольно коротки. От подбородка до передних ног идет длинная черная борода. Хвост, от корня бурый, заканчивается метелкой черного цвета, длиной до половины всего хвоста. Копыта сравнительно небольшие: пятнадцать на двадцать сантиметров, глянцево-черного цвета.

Корова Зорька — самая низкокровная в смысле зубровой наследственности. У нее все бизоновые признаки: «чолка», падающая на лоб, и очень длинная борода.

У Ермыша, наоборот, сильно сказывается зубровая кровь. Шерсть на нем коротка и курчава. Он горбонос и имеет слегка овальный профиль.

Вообще у здешних зубро-бизонов внешний вид — габитус — и повадки больше зубровые, чем бизоновые.

Пока мы с Лидией Васильевной внимательно рассматриваем Ермыша и других зубро-бизонов, они успевают очистить кормушки до дна.

Одна из зубриц взрыла землю копытом и припала бородой вплотную к земле: это обозначает, что зубрица недовольна и возбуждена. Зорька, как обычно, непрерывно гоняет телят и годовичков. Лидия Васильевна говорит по этому поводу, что ее следовало бы назвать не Зорькой, а Фурией. Остальные зубро-бизоны выстроились полумесяцем среди деревьев в центре площадки и неподвижно стоят в тени, выхтя и всхрапывая.

Телята, изогнув хвосты, начали драку. К ним, хрюкая, подошла мать одного из них, и телята тотчас же присмирели.

Они присоединились к своим матерям. Одни улеглись на землю, и старые зубрицы их ласково лизжут. Другие, помахивая хвостами, тычутся в материнское вымя. Чужих телят коровы отгоняют.

Телята сейчас светлобурого цвета. Они — маленькие копытные копии старых зубро-бизонов: у них небольшие рожки, бородки и горбы. Им надо быть очень подвижными, юркими, чтобы избежать ударов рогами со стороны взрослых животных и озорных годовичков. У одного теленка заживающая ссадина на боку — кто-то из старших уже успел его боднуть.

Луган опять напал на Ермыша: он определенно не хочет простить ему позора своего прошлогоднего поражения. Он так упорно и зло насаждает на Ермыша, что тот бросает борьбу и убегает в сторону.

Но через несколько минут Луган еще раз задирает соперника. Он, вытаращив белок налитого кровью глаза и изогнув толстую шею с напряженными тяжами мускулов, изо всех сил пытается поддеть Ермыша под ребра, и снова Ермыш благо-разумно уклоняется от ненужной драки.

Стадо уходит на пастбище. Впереди друг за другом идут зубрицы, следом годовички, а за ними телята. Оба быка особого места в стаде не занимают и идут сами по себе.

Лира, замыкая шествие, смотрит на нас злым красным глазом.

Возвращаемся в зубровый парк. Хотя сейчас двенадцать часов дня, но в небе висит бледная, призрачная луна.

По дороге вижу волчьи следы и помет, состоящий из шерсти олененка-ланчука. Идущий рядом со мной Заславский говорит, что наблюдатели встречают следы кабаньих гуртов, оленьих и серновых стад совершенно без молодняка: его беспощадно уничтожают волки.

Сам Борис Артамонович в мае, безоружный, отбил у волка маленького козленка. Сначала он увидел на склоне вблизи тропы лобастую голову волка, а потом заметил пятнистого козленка. Волк не спеша отошел повыше на склон и недо-волью смотрел оттуда. Борис Артамонович подобрал и унес с собой козленка. Тот испуганно бился в руках и, как ребенок, кричал жалобным свистящим криком.

На поляне Широкой мы с Борисом Артамоновичем остановились передохнуть у заветенной хворостом изгороди.

Голова Бориса Артамоновича в коротких и курчавых седых волосах, не покрыта. Полное, красноватое лицо, с белыми усами и бородой клинышком, освещает улыбочные, с хитринкой, узко и немного косо прорезанные глаза. Борис Артамонович среднего роста, плечист и широкогруд и, несмотря на возраст, по-военному подтянут. Одет он в выцветшую на солнце гимнастерку с медалью «За оборону Кавказа» на груди и защит-

ного, цвета брюки. На ногах у него легкие поршан из бычьей шкуры. Он прекрасный ходок, пожалуй, лучший в заповеднике. Он идет без малейшего шума, легко и быстро ступая, как будто не касаясь земли.

Как старожил заповедника и заведующий зубровым парком (работает он в заповеднике с 1927 года), Борис Артамонович знает много интересного о зубрах и о заменивших их в наши дни зубро-бизонах.

Вот и сейчас, опираясь небольшой, но упругой и сильной ладонью с короткими пальцами о хворост ограды, он неторопливо рассказывает об их жизни и повадках.

Борису Артамоновичу пришлось слышать о случае удивительной силы зубра.

Неожиданно вслухнутый старый зубр сослепу ринулся с косогора под нависшую над землей лесину больше полуметра в поперечнике и соответственной длины. Он протащил ее на своих плечах метров пятьдесят. Говорил Борису Артамоновичу об этом местный житель, человек серьезный, не красноречивый.

В 1941 году, когда зубрица Зорька сбежала из парка, Заславский ходил на ее розыски. Он был свидетелем, как она упала с шестидесятиметровой отвесной скалы. Зубрица отделалась только хромотой. Она хромотает и сейчас. После этого зубрица снова пыталась уходить и снова сорвалась с сорокаметровой высоты. Лежа на дне кручи, она все еще пробовала бодаться. Она даже встала, хотя была сильно изувечена, и пыталась поднять на рога Бориса Артамоновича, поспешившего к ней на помощь, загнала его за пихту и чуть не прикончила.

Борис Артамонович рассказывает подробности об уходе из зубро-бизоньего стада Лугана и погибшего Витязя.

Сначала оба зубро-бизона забрались в самую глушь заповедника. Затем Луган появился на пастбище Абаго. Работавшие там новые в заповеднике люди приняли его за дикого зубра и подняли кутерьму в управлении.

Витязя в это время видели в Хамышках: он бродил по огородам и кукурузе.

Заславский и Коидрашов по следам отыскивали его на Поповой поляне, за Даховской. Отсюда Витязя не удалось угнать даже ружейными выстрелами в воздух.

Вскоре оба быка, как сговорившись, добровольно пришли почти в один день в зубровый парк. Удивительное чутье! Находились они в двух разных концах заповедника, где никогда прежде не бывали. Однако безошибочно пришли в одно и то же место, на Темную поляну.

Через пять дней Витязь вновь ушел и забрел на Махош-поляну. Там его убили, приняв за дикого. Обрывки полуист-

левшей шкуры нашли при розысках Витязя. За его черепом на Махош-поляну на-днях отправляется Борис Артамонович.

Случайный очевидец рассказывал, что в Витязя выстрелили несколько раз. В зубро-бизона попали все пули. Однако он на каждое попадание отвечал, как на осинные укусы: подрагивал шкурой, оборачивался, но не убегал, пока не упал мертвым.

Во всех соседних поселениях было объявлено об уходе из парка зубро-бизона, чтобы его не спутали с диким зубром. Витязь заходил по пути в окрестности станции Даховской. Там пастухи видели его в колхозном стаде. Они предупредили сельсовет, но не трогали Витязя, хотя он бродил по огородам и ломал кукурузу. В это же время он избил рогами и прогнал буйволицу Верхне-Белореченского лесничества, принявшую его за кавалера буйволиной породы.

Весной и в начале лета зубро-бизоны пасутся на открытых полянах. Они очень любят Темную. В конце лета, когда созревают плоды, стадо переходит в места, где больше диких фруктовых деревьев. В это время оно особенно часто бывает на Жерновах и забирается на огороды, на свеклу. Его не могут удерживать даже изгороди.

Любимый корм зубро-бизонов — листья и особенно кора деревьев: карагача, вяза, ильма, осины, ивы. Кору осины они едят круглый год, иву же — больше весной как добавление к сочным весенним травам.

Кору они надгрызают на высоте своего роста, крепко схватывая ее зубами, и узкой лентой тянут кверху доотказа. Это, как здесь называют, подёры. Многие деревья в средней части ствола лишены коры, засохли или засыхают. На Жерновах есть целые мертвые рощи.

Места, где катаются по земле эти грузные животные, — точки — совершенно оголены. Года по два там не растет ни одна былинка.

Осенью и зимой, перед непогодой, зубро-бизоны устраивают настоящие скачки. Зимой, в сильную метель, они лежат, совершенно засыпанные снегом. Свободны только глаза и рот, да над сугробами шевелятся рога.

Однажды, в начале июня прошлого года, Борис Артамонович наблюдал зубро-бизонов в загоне парка. Шагах в восьмидесяти от него стояла зубрица Валькирия, обычно очень смиренная. На этот раз у нее был восьмидневный телок. Зубрица как будто была спокойна.

Ничего не подозревая, Борис Артамонович записывал наблюдения. Однако едва он на секунду повернулся к ней спиной, как Валькирия, тоже, видимо, «наблюдавшая», стремительно наскочила на него и начала бодать. Он получил сильнейшие удары лбом в спину, грудь и бока и был сбит на землю. Услы-

шав раздраженное сопение зубрицы и звук ударов, все стадо пришло в неистовство и бросилось на Заславского. Но так как теленок ушел, Валькирия так же неожиданно прекратила нападение, как и нападала.

Борис Артамонович не потерял самообладания. Он вскочил на ноги и, несмотря на тяжелые ушибы и боль (он потом пролежал полтора месяца в больнице), схватил палку, всегда сопутствующую ему при посещении зубров, подобрал карандаши и разбросанные записки. Он остановил палкой первого налетевшего на него зубро-бизона. Все стадо кинулось в сторону, и Борис Артамонович быстро вышел из загона.

Зубровый парк, 24 июня

Сегодня утром Лидия Васильевна верхом на Вброне уехала на Гузерипль.

У меня снова приступы горной болезни, и я устроил себе передышку.

В доме наблюдателей, где я живу, на стенах висят немецкие винтовки и карабины. Трофейные котелки и кружки заменили привычную посуду.

И одежда наблюдателей, как я уже раньше успел заметить, совсем иная, чем до войны. Куртки и брюки из прорезиненной шелковистой материи делают их похожими на десантников-парашютистов.

— Наша работа на-глазок как будто простая, а если вникнуть — трудноватая, — говорит Павел Борисович. — Мы два раза в день — утром и вечером — ходим на Темную, тащим на себе мешки с подкормкой да еще ружье. Идем с горы на гору — тут высоко и круто, сдает сердце. Место мокрое, масса мочагов, а утром и вечером — росы. Травы, видели, какие?

Ноги у нас никогда не просыхают. Зимой ежедневно носим зубро-бизонам сено по метровому снегу.

В войну приходилось, конечно, тяжелее. Это вот только потом Бурдо и Денисенко вернулись из армии, а тогда народу не было. Тут еще кругом леса, горы, а в них развелись за войну хищные звери. Пробирался и диверсанты. Нам доверило государство большую научную ценность — зубро-бизонов. Надо было их сохранить и защищать. Мы ведь находились в окружении.

На третий год войны, в мае, во время ночного обхода я столкнулся с диверсантом. Стрелять нельзя: слишком близко. Схватились на ножах. Он меня заметил раньше и кинулся первый. Порезал мне пальцы на левой руке, пока я вытаскивал свой нож правой. Ударил в шею, в лицо, между глаз: видите, шрам остался. Я его тоже ранил. Он успел бежать, потому что кровь залила мне глаза.

За войну в здешних местах расплодилось очень много волков и грифов.

Прежде никогда не было столько грифов. Не успеешь положить приваду для волков — грифы уже тут: смотришь — высоко кружатся в небе, слетаются на добычу. Прошлой осенью я поставил волчий капкан. Но попались в него не волки, а три грифа и ворон. Один гриф и ворон потеряли в капкане пальцы и все-таки улетели. Два грифа погибли. Я подобрал от них только остатки: грифов успели растерзать в капкане лисички. Вот, гляньте, в том углу — крыло; мы им подметаем комнату. В размахе крыльев грифы были огромные — больше двух с половиной метров. Гриф очень прожорлив. Он может за один раз съесть пуд мяса.

Как-то я убил дикого кабана для лаборатории. Выпустил ему кишки и пошел на усадьбу взять кого-нибудь с собой за кабаньей тушей. Вернулся и вижу: с места, где лежал кабан, поднялись в воздух грифы. Они так здорово наелись, что им едва хватило силы разбежаться по земле для взлета. Скелет кабана был почти очищен от мяса.

О зубро-бизонах могу сказать, что они характера смиренного. Только после отела они подозрительны и злы. Потом, через два или три месяца, когда они прогоняют телят, опять смиряются.

Зимой зубро-бизоны толкуются в загоне и никуда не уходят, а ведь знают, что ограда местами завалилась. Они обыкновенно тогда держатся возле усадьбы и сенового сарая. Иногда в зимнее время они подходят к самым домам и заглядывают в окна. Бывает, выйдешь и кормишь их из рук свеклой или еще чем повкуснее. Они любопытные, хотя и пуgливые.

Как-то раз мы брали в зубровом сарае сено. Подошел Ермыш и заглянул в сарай, а Лаура, та сунулась к двери и начала подбирать сениую труху. Мы шутя надели ей шапку на рога. Лаура зафыркала и бросилась бежать — только снег за ней крутится столбом. Уже давно шапка с рогов свалилась, а она все мчится, как сумасшедшая.

...Ночью негромкий мяукающий крик сов оглашает спящий черный лес. Ночное небо холодно-синее, и звезды горят ярко. К утру небо светлее, гаснут одна за другой звезды, и лишь тонкий бледный серп месяца висит в безоблачной высоте. Пробуждаются дневные птицы. Кукушка отсчитывает свое однозвучное «ку-ку». Вслед за ней рассыпает первые певчие трели серый дрозд. Затем свист, щебет и тонкий звон пернатого населения заполняют сбегаящие с горной выси леса, освещенные прозрачной прохладой раннего утра, залитые солнцем и ослепительно сверкающие синью и зеленью еще влажной хвои и листвы.

Обратную дорогу на Гузериэль мы снова делаем вдвоем с Иваном Яковлевичем Виляховским. Я еду верхом на Каштанчике. Иван Яковлевич решил идти пешком.

Сегодня тропа не такая «страшная», как в день нашего выхода на Кишу. Земля немного подсохла, и нет той предательской скользкости, которая при малейшей неосторожности грозит катастрофой.

Впереди нас по тропе тянется волчий след. Он смело проложен по свежим следам недавно проходивших здесь людей и лошадей.

Стремительно мчится с гор Киша. На этот раз ей по пути с нами. Она то в узких теснинах с отвесными стенами бьет кипящими, пенными водопадами, льет жидкое зелено-черное стекло через гигантские отполированные камни, завывает белогривые буруны, то успокаивается в широких низинах, и тогда кажется, что она совсем остановилась, и сквозь ставшую вдруг прозрачной воду на сером мелкозернистом песке плоских отелей видны отпечатки кабаньих и козьих копыт.

В чаще леса на склоне нависшего над рекой хребта слышался шорох и треск сучьев. На тропу посыпался щебень. С другого берега донесся троекратный сердитый рев дикого козла. И снова слышен только однообразный гул и гром мчащейся далеко под нами воды, и говор, и рокот ее, похожий на спор приглушенных голосов, там, где течение делается более спокойным.

На Терювой поляне высокие густые травы и огромные лопухи примяты и повалены на кабаньих и медвежьих ходах. Такой путаницы звериных троп, лежек и порохов в зарослях Терювой прошлый раз не было.

У последнего спуска, где Киша врывается в Белую, раскинулась обширная и светлая речная терраса, вся в веселой зелени луговой травы. Вокруг толпятся, набегают друг на друга и переплетают ветви, как руки, молодые деревца на месте прежних порубок; тут еще не заповедник.

На тропе, пересекающей изумрудно-зеленый ровный ковер, видны следы лани: первые оленьи следы, которые я встретил за поездку. Правда, летом большинство копытных животных поднимается высоко в горы, к альпийским лугам. Но раньше в эту пору можно было видеть в тех местах, где я побывал теперь, немало следов ланей с телятами. Сейчас этого нет. Война, несомненно, на время серьезно изменила жизнь животных заповедника.

Мой спутник идет пешком легко и быстро. Его синий комбинезон мелькает впереди среди деревьев и скал. Каштанчик

время от времени припускает за ним рысью, но не обгоняет: он привык ходить в паре с Буланчиком последним и теперь вместо отсутствующего друга, повидимому, признал «лидером» Ивана Яковлевича. Под конец пути Каштанчик сыграл со мной шутку. Он на ходу повернул ко мне голову и искоса посмотрел одним глазом. Я не придавал этому значения, как вдруг Каштанчик спустился на колени и лег среди дороги, заставив меня слезть с седла. Безусловно, он видел, как это проделал Буланчик с Иваном Яковлевичем, и решил повторить урок.

Уже вечером мы приближаемся к Гузериэлю. Впереди высятся уходящие в небо горбы и конусы поросших лесами могучих гор. Спкие и коричнево-черные тени наполняют полукругия цирков Джемарука. Вершины гор — в серебре снегов.

В наплывающей темноте ночи в лесах перекликаются совы. Завыванье и дохот неясней слышится со всех сторон.

Высоко над хребтами высипали частые лучистые звезды.

Сотрясаются шаткие доски моста через Белую, и мы уже на поляне Гузериэль. Путешествие на Кишу окончилось

Гузериэль, 26 июня

Еще в первый день приезда на Гузериэль я встретил человека в синей гимнастерке и бриджах. Две голубые звездочки в петлицах гимнастерки свидетельствовали, что это работник заповедника. Худощавый, с бритым подвижным лицом, прорезанным двумя складками вдоль щек, он был невысок, даже мал ростом. Как многие невысокие люди держался он чрезвычайно подтянуто, грудь вперед, и казался выше своего настоящего роста. На боку у него висел кривой турецкий кинжал (здесь почти все работники охраны носят такие кинжалы), и эта деталь как-то еще более подчеркивала его военную подобранность и стройность перехваченной офицерским поясом талии.

— Архангельский, начальник охраны Кавказского заповедника, — назвал он себя, четким движением взбросив ладонь к козырьку фуражки.

Константин Григорьевич Архангельский — один из энтузиастов восстановления зубра в Кавказском заповеднике. Хотя Архангельский и не научный работник, он оказал большую помощь в этом деле. В годы Отечественной войны он руководил охраной заповедника и был командиром группы содействия истребительного отряда.

Сидя в рабочей комнате Константина Григорьевича за картой заповедника, мы беседуем с ним о событиях Отечественной войны, связанных с заповедной территорией, и об истории появления здесь зубро-бизонов.

Речь Архангельского по-военному отчетлива.

— Заповедник задолго до войны вел большую подготовительную научную работу по восстановлению зубра. Его сотрудниками были написаны целые исследования по биологии кавказского зубра, прекрасно изучены условия его существования. Было твердо решено, что исчезнувший уже вид можно восстановить путем выведения чистой зубровой породы из гибридов зубра и бизона. Мы наметили подходящие поляны, подобрали людей. Дело было за самими зубро-бизонами. Их нам давала Аскания-Нова.

В 1940 году с помощью теперь покойного президента Академии наук СССР Владимира Леонтьевича Комарова нам удалось добиться разрешения на переброску вагона с зубро-бизонами пассажирской скоростью. Суть в том, что каждому зубро-бизону в день нужно не менее пяти ведер чистой воды. А ведь нам предстояло доставить пять взрослых животных на расстояние 1360 километров. Отсюда необходимость: для наибольшего сокращения времени на перевозку прицепить вагон к пассажирскому составу. Вагон, кроме того, должен быть головным, чтобы можно было быстрее брать воду на стоянках, там, где она подается в паровоз, и в случае необходимости получать ее в пути прямо из паровоза (как мы выяснили, некоторые химические примеси в паровозной воде не имели значения).

Наконец вагон был получен. Клетки удалось доставить в Крым, куда раньше отправили другую партию зубро-бизонов. Мы, три работника заповедника: старший научный сотрудник Михаил Александрович Заблочкин, коллектор Василий Алексеевич Дементьев и я, уже были в это время в центре Аскания-Нова, в девяносто километрах от станции Ново-Алексеевка и в ста километрах от местности Баркуты, где на свободе находились зубро-бизоны. Там их осмотрели ветеринарные врачи и отобрали для нас.

Двадцать пятого июня 1940 года клетки с зубро-бизонами доставили на автомашинах из Баркутов на Ново-Алексеевку и погрузили. Двадцать седьмого июня зубро-бизоны прибыли в Днепрпетровск за сорок минут до прихода скорого поезда Киев — Баку, к которому должен был быть прицеплен вагон с ними. Казалось, все шло, как по-писаному. Вдруг старичок-осмотрщик, остукав молотком колеса нашего вагона, подошел к нам — мы все трое сопровождали животных.

— Кто из вас главный? Вагон-то негоден.

— Почему?

— На одном скате колес стальной обод надет на чугунные центры. Не могу допустить следования на большую скорость.

Вагон немедленно доставили отдельным паровозом в мастерские. Подняли на домкрат. Негодный скат заменяли. Но

опоздали на десять минут, и поезд отправился. Пришлось ждать сутки.

Кроме клеток с зубро-бизонами, в вагоне находилось пресованное сено и запас отрубей для подкормки. Большой американский вагон в пути болтало. Иногда животные вели себя беспокойно: храпели, бились. Но клетки были солидные, не широкие, и мы их прочно укрепили.

На станциях мы прежде всего вооружались ведрами и бежали за водой. Мы трое и поили и кормили зубро-бизонов в дороге. Никого больше в вагон не допускали, чтобы не занести заразу. Начиная от Днепрпетровска, на каждой станции возникало целое паломничество к нашему вагону:

— Покажите зебр.

— Каких зебр? У нас зубры.

— А что такое — зубры?

— Видели буйволов?

— Случалось.

— Ну вот, только зубры значительно больше да еще с бородой и с горбом.

— Теперь понятно: покажите!

Показывать, конечно, мы не показывали. Но приходилось давать объяснения и на больших остановках даже читать лекции. Дальше так и ехали, уже без задержек, через Армавир на Белореченскую. От Белореченской с отдельным паровозом вагон был доставлен на станцию Хаджох. В Хаджохе зубро-бизонов ждали представители заповедника, а народ по пути следования животных в Хаджохе и Даховской стоял просто шпалерами.

Из Хаджоха клетки на автомашинах доставили на Попову поляну, за Даховской, и выгрузили. Здесь были собраны наблюдатели заповедника и специальные люди, чтобы отогнать зубро-бизонов в заповедник через Сахрай и Кишу прямо на Темную поляну, где заранее был построен загон. На Поповой поляне зубро-бизонов выпустили из клеток. Они сразу набросились на сочную траву.

Хотя зубро-бизонов тщательно охраняли, однако в первую же ночь на поляне Поповой произошла неприятность. Зубрица Волна перепрыгнула через костер, у которого сидели сторожа, и побежала обратно к Хаджоху. Она переплыла Белую на Даховской и ушла в лес на левом берегу реки. По ее следам немедленно бросился тогдашний начальник охраны Саулиет с наблюдателями.

Волну обнаружили в стаде колхозных коров возле Хаджоха. Она успела там где-то проломить забор и наделать паники. Волна долго упорствовала. Понадобилось больше недели, чтобы отогнать ее в заповедник. Но наблюдатели, все здешние люди, хорошо знавшие местность, не пугали беглянку,

а терпеливо, то давая ей пастись и отдыхать, то заходя вперед и незаметно направляя ее в нужную сторону, шаг за шагом подогнали Волну к зубровому парку.

Все остальные зубро-бизоны пришли на место благополучно.

Так рассказывал он о зубрах, а затем начал говорить о том, что произошло в заповеднике полтора года спустя, когда к заповедным горам и рощам вплотную подступила война.

— ...Когда немцы в 1942 году заняли Даховскую, Сахрай и Хамышки, они показывали местному населению сделанные с воздуха «Фокке-Вульфом» фотографии зубрового парка с засвятыми животными. Вслед за этим они трехкратно бомбили парк. Они сбросили на этот «военный объект» девять крупных бомб, по три бомбы в залет. Но бомбежки оказались впустую: только изуродовали землю в нескольких местах.

Самые тяжелые дни заповедник пережил в 1942 и 1943 годах. Он находился тогда почти в полном окружении. В заповеднике была создана группа содействия истребительного батальона. Командовал группой я, политруком был директор Гузерипльского лесного участка Майкопского леспромхоза Анатолий Яковлевич Шишов.

В истребительную группу входили все наблюдатели и научные сотрудники заповедника. Многие работники заповедника потом были награждены медалью «За оборону Кавказа»: Никифоров, два брата Комнатных, два брата Гукаловых, Пономаренко, Кейв, Савельев, Лаврентьев, Заславский.

Заведующий научной частью заповедника кандидат биологических наук Леонид Иванович Соснин спас и бережно сохранил все научные ценности заповедника: архив, библиотеку, фототеку и анатомические материалы.

Вместе со своей женой Верой Александровной он создал для детей сотрудников и эвакуированных экстернат за школу-десятилетку. Несмотря на то, что заповедник находился в окружении, краевой отдел народного образования, эвакуированный в Сочи, доставлял на «кукурузинке» учебники, бумагу и карандаши для нашего экстерната. Сейчас на основе экстерната в Гузерипле работает школа-семилетка.

Леонид Иванович — инвалид: у него на правой руке только два пальца, но он, ведя научную работу и обучая детей, одновременно состоял в истребительной группе заповедника и нес вооруженную охрану.

Заповедник в это время, в сущности, занимал круговую оборону. Группа содействия истребительного батальона не знала отдыха. На Гузерипле стояли постоянные вооруженные посты, каждую ночь производились обходы. Как в каком-нибудь средневековом замке, кладка через Белую между Гузе-

риплем и леспромхозом на ночь поднималась воротом, а днем снова опускалась. Все были вооружены; даже бухгалтер выходил на работу с винтовкой. В лесах бродило фашистское охвостье, и охрана заповедника вела с ним постоянную борьбу. В километре от Гузерипля, по тропе на Горелое, однажды пришлось выдержать ожесточенный огневой бой.

Наблюдатели заповедника оказали большую помощь частям Красной Армии. Они работали проводниками-разведчиками. Особенно много сделали в боевой обстановке Пономаренко, Куишцын и Кейв, который был ранен. Многие отдали жизнь за родину в рядах Красной Армии: Иван Леонтьевич Деревянко, Пастухов, Колесников и другие.

Война оставила заповеднику тяжелое наследство. Копытные животные напуганы, стали бояться человека и держаться там, где глуше и выше. Их стало меньше. Но зато расплодилось множество волков. Только в одном Восточном отделе за последнее полугодие А. В. Никифоров истребил тридцать два волка. Необходимо уничтожать ежегодно сто-двести волков.

Увеличилось число и других хищников. Недавно заведующий Восточным отделом Никифоров сообщил, что два тура на горе Ятыргварте, в районе Черноречья, разорваны барсом. Работники заповедника предполагают, что сейчас барсы появились и на горе Абаго. Это один из наиболее труднодоступных для человека высокогорных участков.

Медведи стали часто нападать на копытных животных. Раньше этого почти не было. За войну многие медведи приехали к падали и стали хищниками.

На уменьшение стада полезных диких животных повлияло и то, что за время войны представление о границах заповедника стерлось. Мы тоже производили плановый отстрел туров, сери и кабанов для питания раненых. Вот в этом самом помещении, где мы с вами находимся, был госпиталь. И все-таки, несмотря на все трудности военного времени, работники заповедника сумели сохранить и зубро-бизонов и других ценных животных заповедника, а теперь делают все для полного восстановления и дальнейшего роста поголовья диких животных. В десятки мест закладывают солонцы. Усилена охрана заповедника, ведется беспощадная борьба с браконьерством, расчищены тропы, организовано уничтожение волков капканами и другими способами.

Восстановление заповедности и усиление охраны сказываются. Звери снова начинают чувствовать себя в безопасности на территории заповедника. Например, обнаружено до тридцати переходов гуртов диких свиной через реку Кису. Кабаны уходят на ночь пастись в незаповедный район, а с рассветом возвращаются в заповедник.

Научная часть заповедника помещается в нижнем этаже высокого деревянного дома. Двор за время войны зарос травой, через которую протоптана дорожка к крыльцу. В первой от входа просторной и светлой комнате расставлены чучела серы, туров, кабанов, рысей, диких кошек, куниц. На стенах висят картины, изображающие наиболее интересные места заповедника и сцены из жизни животных.

В других комнатах зоологи и ботаники заняты обработкой материалов.

Заведующий научной частью Леонид Иванович Соснин мало изменился за семь лет, прошедших после нашей первой встречи. Он невысок ростом. У него серьезные темнокарие глаза. Резкая складка над переносьем придает его лицу несколько строгий вид. Внешне Леонид Иванович кажется замкнутым и медлительным, но на самом деле он полон внутренней живости и горячего интереса к своей работе.

Он попрежнему стремится глубоко вдуматься в смысл задач, поставленных государством перед заповедником, и наметить ведущую линию всей научной деятельности заповедника.

Мне в главных чертах уже раньше была известна его точка зрения на задачи заповедника. В сегодняшней беседе чувствуется, что она отлилась в окончательно откристаллизовавшиеся формы. Видно, что опыт протекших лет превратил ее из предположения, еще проверяемого в дискуссиях с противниками и во внутреннем споре с самим собой, в твердую обоснованную уверенность.

— Кавказский заповедник, — говорит Соснин, — это огромный участок нигде в нашей стране не повторяющегося своеобразия богатейшей кавказской и колхидской природы. Все стороны ее неразрывно связаны друг с другом. Нарушение одной из них неизбежно отразится на всем биоценозе массива.

Кроме того, наш заповедник является гигантской лабораторией живой природы в ее естественном состоянии. Изучение поведения растений и животных, их восстановление и развитие в естественных условиях — дело большой государственной важности. Такую же государственную важность имеет заповедник для исполнения местными ценными промысловыми животными сопредельных охотничьих районов.

Мы ввели у себя зубро-бизонов. И это совершенно правильно. На нынешней территории заповедника жил кавказский зубр. Он погиб. Теперь мы прежние зубровые места пока населим зубро-бизонами. Но будет время, и у нас появятся зубры, выведенные из гибридов зубра и бизона. Вернется к новой жизни уже вымерший вид. Природа Кавказа в этом случае будет

обогащена путем восстановления свойственного ей в прошлом местного вида, без которого она была бы все же не в полной мере типичной, обедненной. И если приспособление зубро-бизонов к новой для них высокогорной обстановке требует «жертв», нарушает естественный режим ряда лесных полян, то это оправдано конечной целью.

Кавказский заповедник и с научной и с хозяйственной точки зрения заслуживает того, чтобы его биоценоз в целом был полностью сохранен.

Кавказский заповедник сравнивают с Йеллоустонским национальным парком в Соединенных Штатах Америки. Это неправильно. Прежде всего наш заповедник ставит перед собой большие научные и народнохозяйственные задачи в области изучения, сохранения и преобразования природы в интересах человека. Наоборот, уже в самом государственном акте об учреждении Йеллоустонского национального парка записано, что он создается только «как общественный парк и место для удовольствия и полезного развлечения народа». Никакой научной работой Йеллоустонский парк не занимается. Он является местом туристских прогулок состоятельных людей. Неудивительно, что когда-то наводивший страх на первых поселенцев огромный серый медведь — гризли — превратился в Йеллоустонском парке в постоянного посетителя мусорных ям и жалкого попрошайку.

Наш заповедник — не американский зоопарк, превращенный почти в цирковой аттракцион, где зверей показывают за плату. Наш заповедник — это огромный массив настоящей могучей природы, более богатой и интересной, чем йеллоустонская.

— Мы не прерывали научно-исследовательской работы во время войны, — с гордостью говорит Леонид Иванович. — В свете Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР мы наметили ряд тем, определяющих направление научно-исследовательской работы в заповеднике. Среди них особенное значение имеет изучение влияния изменения биотопов на распространение и численность диких животных. Это очень важный вопрос. Он тесно связан с восстановлением и увеличением поголовья. Во время войны боевые действия велись в ряде мест на территории заповедника. Это вызвало серьезные изменения экологической обстановки. В восточной части заповедника по Большой Лябе, в верховьях Малой Лябы и Уруштена, в районе Белореченского перевала и лагеря Холодного гитлеровцы вырубали леса, делали завалы, вытаптывали и скармливали вяжущим животным и скоту травянистую растительность. В этих районах продолжительное время не стихали стрельба и шум, связанный с присутствием большого числа людей. Звери переместились. Чис-

ленность многих видов уменьшилась. Очень сильно повлияли на снижение поголовья размножившиеся за время войны волки и другие хищники.

Мы провели после войны приблизительный учет наиболее ценных диких животных. Оказалось, что только от руки человека погибло не меньше тысячи серн, кабанов, оленей и туров. А сколько заедено хищниками, пало от заболеваний!..

— Большой ущерб всему нашему хозяйству причинили фашисты. Они сожгли метеорологические станции и помещения, где жили наблюдатели. У нас почти не осталось транспорта. Сожжены или подорваны мосты и самые важные участки троп. Все это требует от нас исключительно большой восстановительной работы. Наши ближайшие задачи — расширение посевов для искусственной подкормки, закладка новых солонцов, охрана диких животных и истребление волков, сохранение и восстановление лесов в местах вырубок. И, конечно, одна из наших важнейших научно-теоретических и научно-практических задач первой очереди, — заканчивает Леонид Иванович свой рассказ, — это восстановление, полная ингабиляция зубра.

*Гузерицль—Хамьшии,
28—29 июня*

Опять я еду, теперь уже домой...

Широко раскрыты мои глаза. Они глядят и не наглядятся на грозную и нежную красоту отвесных каменных стен, синих бездонных ущелий, клубящихся пеной бурунов реки, лесов, словно откинувшихся назад в стремительном беге с кручи, и чуть затуманенной бирюзовой голубизны самых далеких далей...

Грудь жадно дышит и не насытится животворящей горной свежестью. И сердцу еще роднее, еще ближе эти, такие знакомые и в то же время по-новому радостные леса и горы и буйные вольные воды, вместе с нами боровшиеся за жизнь и вместе с нами торжествующие победу...

Со мной едет Вера Александровна Соснина. Временами, в трудных местах, мы идем пешком боковой щебнистой тропкой.

У Веры Александровны поверх легкого летнего платья наброшен короткий плащ, так как временами брызжет дождь. Обута она в излюбленную здешнюю горную обувь — маленькие ворсистые поршни. В городе Вера Александровна наденет обычные дамские туфли. Они в рюкзаке. В горах удобнее поршни: их носят здесь летом и зимой.

Внимательный взгляд Веры Александровны останавливается на груде камней, что высится, подобно сторожевой башне, над речным ущельем.

— Вы знаете, что это такое, вот эти камни? — спросила вдруг она.

— Похоже, что сброс с той вершины спрессовал их в скалу.

— Нет, происхождение скалы другое. Мы, женщины Гузерицля, сложили ее своими руками, чтобы преградить дорогу немцам. Это дзот. На пастбище Абаго мы построили несколько таких дзотов.

Это было в самые тяжелые для нас дни. Заповедник со всех сторон окружали фашисты. На Гузерицле находились тогда почти одни женщины и дети, местные и эвакуированные.

Гитлеровцы могли появиться каждую минуту. Оставалась только одна дорога, очень трудная, — на Березовую. Женщины уже приготовились к походу. С рюкзаками за плечами и детьми на руках они должны были пробираться едва доступной горной тропой. Днем над ними с хриплым ревом кружились немецкие самолеты. Ночью — полная темнота... И — дети, много детей...

Вот в это время и спустилась с гор рота старшего лейтенанта товарища Шип.

Мы даже не знали, как и когда она к нам пришла. Должно быть, это случилось ночью. Лейтенант Шип расположил свою роту на опушке леса вокруг Гузерицля. Выставил посты и выдвинул огневые точки и заставу с пулеметами и минометами за леспрохозом. Утром кто шел за водой, кто гнал коров на пастьбу, всех окликали посты. Оказывается, войска.

Товарищ Шип собрал женщин и сказал:

— Будьте спокойны за себя и детей. Красная Армия никогда не отдаст Гузерицля врагу. Моя рота будет держать оборону. Помогайте Красной Армии, и ни один фашист сюда живым не пройдет.

Вера Александровна на секунду обернулась к уже скрывшемуся за деревьями дзоту и взволнованно продолжала:

— Нельзя передать наше состояние после его очень простой и короткой речи: и смех, и слезы радости, и особенно гордость за Советскую страну, за советских людей, и уверенность, полная, абсолютная, в победе. А ведь у лейтенанта была всего одна неполная рота!

Сразу наступило спокойствие, спокойствие решимости. Женщины ломали и били камень, строили дзоты, ухаживали за ранеными, кормили солдат и офицеров, стирали им белье, несли караулы на усадьбе Гузерицля, занимались с ребятами-школьниками, чтобы те не отстали...

Там, где теперь памятная доска, произошел ожесточенный бой. По втянувшемуся в узкий каменный коридор авангарду гитлеровских войск рота товарища Шип была из станковых

пулеметов, накрывала их минами. Слышался непрерывный треск автоматов, разрывы гранат: ведь бой был почти у нашего порога.

Фашисты не выдержали. С высокого берега женщины видели, как фашисты, убегая, бросали оружие или, срываясь с кручи, пробовали цепляться за камни и, взмахнув руками, летели в Белую. Рота старшего лейтенанта Шип разгромила наголову гитлеровскую колонну. В Гузерипль привели пленных, начали сносить трофеи...

Больше фашисты не осмеливались наступать на Гузерипль. Они пробовали его разбомбить. Но бомбы попадали или в Белую, или в лес. Скоро прекратились и бомбежки.

Вместе с бомбами фашисты сбрасывали с самолета листовки: «Сдавайтесь, или все погибнете».

В Хамышках они объявили населению, что Гузерипль уничтожен со всеми войсками и партизанами, пришедшими на подкрепление роты. Оккупанты приказывали населению не брать воды из Белой, потому что будто бы вода смешалась с кровью и течение несет трупы. Им было ведомо, что женщины из оккупированных Хамышков напрямую через кручи лесных хребтов, без троп, пробирались к родным в Гузерипль и что хамышкинцы смеялись над неумной выдумкой фашистов.

Так держался Гузерипль до окончательного разгрома немецких захватчиков. Старший лейтенант Шип сдержал слово советского офицера.

Товарищ Шип писал нам из Крыма. Мы не знаем его дальнейшей судьбы и его адреса, но мы верим так же крепко, как верили в победу, что такой человек не может, не должен погибнуть. Я прошу вас от нашего имени всех женщин-матерей Гузерипля, от имени наших детей передать ему через вашу книгу такое письмо:

«Дорогой Федор Алексеевич! Где бы вы ни были, знайте, что мы всегда помним о вас. Непременно приезжайте к нам погостить или совсем остаться у нас, в расцветающем заново Гузерипле. Мы ждем вас и примем, как самого близкого, как самого родного человека!»

...Подъезжая к Хамышкам, мы обогнали бричку, запряженную парой медленно плетущихся разномастных волов. На бричке, груженной дранью — тонкими дощечками пихтовой древесины, сидело двое мужчин: пожилой, в кепке, в матерчатом пиджаке, с орденами и медалями на груди, и молодой, в военной защитного цвета фуражке и гимнастерке. Пожилой человек мирно разговаривал с волами и понукал их, помахивая хвостиком.

Когда мы их обгоняли, пожилой весело крикнул:

— Эй, кавалерия, обгоняй артиллерию!

Что-то в мягкой, глуховатой и чуть запинаящейся речи его показалось знакомым. Обернувшись, я взгляделся и вспомнил вдруг. Слегка угловатое лицо с тонкими морщинками у рта и глубокой вертикальной чертой между бровей, крутой упрямый подбородок и в то же время детская застенчивая улыбка на губах и в сощуренных глазах сразу напомнили довоенную раннюю весну в горах, балаган дранщиков над шумящей Малчепой, ночь и костер и в пляшущем свете костра это лицо. Я узнал Якова Лукьяновича Бородавкина, потомственного лесоруба и охотника.

Я соскочил с подводы и подошел к бричке.

— Если артиллерия не хочет узнавать знакомых, так кавалерия спешится. Здравствуй, Яков Лукьянович!

Пожилой мужчина секунду смущенно смотрел на меня и вдруг широко улыбнулся:

— Вот она, какая кавалерия! То-то, будто я уже видел вас, — и он назвал меня по имени.

— Как живете, Яков Лукьянович?

— Четыре года был на фронте... Три раза ранен... Теперь вернулся, и снова за дело. По прежней своей специальности: дрань заготавливаю для леспромартели. Да мы еще об этом потолкуем. Обязательно будете почевать у меня.

— А как Григорий Иванович Бессонный?

— Я его только что оставил на Лагерной. Сообща заготавливаем дрань. Теперь он совсем старичок. Живет у себя дома, в Хамышках.

Оставив рюкзак в доме заповедника, я иду с Яковым Лукьяновичем на самый край села. Бородавкин, прихрамывая, ведет меня через выгон и заросли молодняка. За ними, у опушки леса, стоит потемневший бревенчатый дом. Здесь выросло два или три поколения хамышкинских старожилых Бородавковых.

По обычаю вымыл руки в сенях, заходим в горницу. Яков Лукьянович знакомит меня со старшим сыном Николаем, веселым темноволосым юношей в голубой майке, под которой пружинят упругие мускулы спортсмена, и тестем — Сергеем Тихоновичем Дубовским.

Сергей Тихонович — высокий широкоплечий человек лет шестидесяти — шестидесяти пяти. Несмотря на возраст и полноту, он сохранил могучее природное здоровье. На нем тоже майка-безрукавка, плотно облегающая грудь и обнажающая сильную загорелую шею. Его лицо и голова начисто, до блеска, выбриты.

Дубовский — примечательный человек. В 1920 году он был организатором и командиром краснопартизанского отряда в Алексеевском (так назывались тогда Хамышки). Алексеевское попало в белое окружение. Белогвардейский генерал Эрдели, разъяренный неудачными штурмами, которые отбива-

лись алексеевцами раз за разом, засылая свирепые листовки; приказывал немедленно сложить оружие, или все село будет сожжено дотла, а жители от мала до велика перевешаны.

Но лесорубы, охотники, дранщики держались крепко и выстояли до конца. Прошедшие через белое кольцо алексеевские партизаны связались с нашими частями на Черноморском побережье. Красная Армия неожиданно ударила на белых с тыла, разгромила их, разметав остатки белых банд по лесам и горам, и тяжкая многодневная осада кончилась. После этого алексеевцы помогли Красной Армии хлебом, одеждой, бельем, и помощь эта была такой сердечной и всенародной, что командование отметило ее особой благодарностью.

Сергей Тихонович интересен и другим: он настоящий поэт-сказитель. Его сказы рифмованные.

Вот сейчас, стоя у распахнутого настежь окна и устремив взгляд на синеву гор, лесов и неба, он наизусть читает мне сложенные им стихи-сказы о защите Алексеевского.

В сказах его, как живые, встают лесорубы и дранщики. Видишь, как с топором за поясом, пилой и котомкой за плечами взбираются они, цепляясь за камни и корни, на отвесные стены речных ущелий. Валят с опасностью для жизни столетние деревья, очищают их от коры и ветвей. С гулом сталкивают оголенные, сочащиеся смолой и соками, скользкие, толстые стволы-кряжи по отполированным постоянным трением деревянным желобам в кипящую горную реку. По пояс, а то и по грудь в ледяной бурной воде пропускают кряжи через камни и мели в быстрину. Или разделявают их, скатив с крутизны на пологое место, распиливают на большие чурки и щепят на сотни и тысячи тонких размеренных дощечек — дрань.

Эта работа требует острого глаза, сметки, молниеносной быстроты и в то же время мужественного спокойствия. Она выковывает богатырей даже из неказистых с виду и щуплых людей. И адепты любят свой нелегкий и опасный труд и привержены к нему потомственно.

Род потомственных хамышкинских дранщиков, лесорубов и охотников Бородавкиных честно и хорошо сражался за родину в Отечественной войне.

В первые дни окружения Гузерипля гитлеровцами сын Якова Лукьяновича Николай Бородавкин вместе с дедом своим Сергеем Тихоновичем охранял стадо зубро-бизонов на Темной. Он с дедом косил и копнил сено на зиму, а когда налетали немецкие самолеты, Николай угонял зубро-бизонов из-под бомбежки в горы. Потом Николая призвали в Красную Армию одновременно с младшим братом Игорем.

На сборном пункте мобилизованных разбивали для отправки в части; Николай и Игорь обратились к военкому:

— Просим, по приказу товарища Сталина, нас, как родных братьев, отправить в одну часть.

Военком удовлетворил их просьбу. Они попали в связь минометного полка. Оба брата воевали вместе и в одно время стали сержантами.

В тяжелом бою в районе хребта Индюк была прервана связь. Братья выжили, но не смогли исправить повреждение. Немцы засыпали линию минами. Кругом дыбился снег, смешанный с черной землей; воя, летели мины, свистели осколки. Николай нашел одно повреждение, а дальше Игорь обнаружил другое: большой кусок провода, словно кем-то вырезанный из линии, лежал на снегу. Николай начал соединять концы разрыва. В это время пуля впилась в плечо, рука повисла. Тогда он, сжав один конец провода зубами, здоровой рукой произвел соединение. Тут он был вторично ранен осколком мины.

Догонять брата не было сил. Раненая рука, как непомерная тяжесть, тянула книзу. Николай по вершине хребта, глубоком снегом, дошел до спуска. Но как сойти в казавшееся бездонным ущелье по отвесному, присыпанному ненадежным снегом склону? И Николай вспомнил, как зимой в детских играх, а потом на охоте он съезжал с горы. Наломав пихтовых веток, сел на них, поджав ноги, и оттолкнулся. Направляя движение здоровой рукой, он, пыля снегом, скатился к подножью хребта. Потом эвакуогоспиталь, лечение в далекой Сибири и инвалидность.

Так братья расстались.

Яков Лукьянович в это время тоже был на фронте, старшиной в одном из полков гвардейской дивизии.

Из письма Игоря он узнал о ранении Николая и заявил командованию о своем желании заменить выбывшего сына. Командир полка не хотел отпускать хорошего разведчика и затягивал разрешение вопроса.

Вскоре в полк приехал командир дивизии генерал-майор Яков Лукьянович подошел к нему по уставу, чеканя шаг, и приложил руку к пилотке:

— Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться.

— Разрешаю обратиться, товарищ старшина.

— Товарищ генерал-майор! Прошу перевести меня в часть, в которой воевали мои два сына. Один тяжело ранен, хочу его заменить.

— Похвальное намерение. Разрешаю. Как ваша фамилия, какая часть?

Яков Лукьянович назвал.

— Товарищ подполковник, — обернулся генерал к командиру полка, — приказываю: перевести старшину Бородавкина в минометный полк. Документы выписать немедленно.

До самого дня Победы Яков Лукьянович воевал вместе с сыном Игорем. Вместе с ним гнал врага с родной земли за государственную границу.

Младший сын Игорь сейчас курсант артиллерийского училища.

Прощаясь со мной, Яков Лукьянович говорит, чуть запылая и улыбаясь глазами:

— Увидите Игоря — передавайте привет. Пусть крепко берется за офицерское учение, чтобы Красная Армия была еще сильнее. А мы тут своими кряжами и дранью подкрепление строителям дадим. Теперь наша дрань тоже немалое дело: пойдет на крыши в села, колхозы... Всем родом воевали, всем родом будем и строить!



ЧЕРЕЗ БЕЛОРЕЧЕНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

*Ростов-Дон — Уамышки,
20—23 августа 1948 года*

Со времени моей последней поездки в Кавказский заповедник прошло два года. Как там сейчас? Чем живут и дышат его работники, как он восстанавливается и растет в послевоенную сталинскую пятилетку?

И вот я опять в пути. В семь часов утра пассажирский самолет, стремительно пробежав по широкой ровной площадке, отрывается от накренившейся на миг земли и уносит нас в безоблачное небо. За чертой города, внизу, под нами, блеснул стальной широкий меч Дона.

Дальше стелются степи Донщины, без края и границы, все расчерченные, как огромная карта, на прямоугольники колхозных и совхозных полей. Хлеба уже убраны, и прямоугольники, окрашенные в нежные зеленоватые и серебристо-серые тона, испещрены вдоль и поперек вытянутым в нитку светлым пунктиром. На обоих концах прямоугольников тонкой спи-

рально узорятся закругления борозд, оставленных трактором на поворотах при пахоте.

От встречных скирд и построек (их видно сверху только в два измерения) в неоглядной степи ложатся черные, густые тени. Пейзаж внизу кажется как будто двойным: плоские прямоугольники и квадраты построек, плоские и круглые и овальные зеленые пятна деревьев и черные их отражения, по которым только и можно судить, что их оригиналы — дома и деревья.

Лиловые ленты, разветвления и спирали между акварельным разноцветьем живья и пастбищ — грейдерные и проселочные дороги и перекрестки.

И снова река, но уже другая. Кривые синие шашки крутых и узких излучин ее пересекают путь в щедрой поросли лугов, деревьев и плавней. По ее берегам, в зелени садов, белеют там и здесь вольно раскинувшиеся колхозные станицы. Это Кубань.

Самолет пролетает над рекой. Ровно через час десять минут, нырнув раз-другой в воздушную яму и вновь накренив землю, самолет опускается на аэродроме.

Вскоре я опять поднимаюсь в воздух на открытом бипланчике «ОП». Встречный ветер усиливается, сечет лицо и изрядно болтает утлую воздушную лодку. Но легкий четырехкрылый аэроплан, ни на секунду не сбиваясь с курса, идет упрямо к цели. Вот уже проплыли подо мной и скрылись кривые лезвия Кубани, просторные луга и поля кубанской долины. Начались волнообразные подъемы кудрявых лесных предгорий. Бипланчик минует их и летит над светлой широкой поймой реки Белой. Далеко впереди на фоне синего неба чуть выделяются зигзаги Главного Кавказского хребта.

Самолет пересекает проложенное вдоль поймы железнодорожное полотно, реку и, сделав круг, снижается и бодро прыгает, как кузнечик, по Майкопскому аэродрому.

...Следующим вечером я выехал поездом из Майкопа до станции Хаджох и отсюда на поляну Гузерипль, где находится управление заповедника.

Со мной едет заместитель директора и секретарь партийной организации Кавказского заповедника Николай Феофанович Федоренко — член Тульского райкома партии и депутат Хамышкинского сельсовета. С ним



я уже встречался в Тебердинском заповеднике накануне войны. Он был тогда директором заповедника. Во время оккупации Теберды гитлеровцами Федоренко воевал против фашистских захватчиков в партизанском отряде, действовавшем в скалистых ущельях Гуначхира и Домбая. Вместе с ним была и вся



его семья: жена Наталья Степановна, семилетний сын Олег и четырехлетняя дочь Лиля. Первый бой с фашистами партизаны вели в альпийском лагере ЦДК на Гуначхире. Под вражеским огнем и бомбежками с воздуха не раз по пояс в ледяной воде они переходили вброд бурные горные реки. В этом же партизанском отряде находились научные работники заповедника, и среди них — бывший старший лесничий Кавказского заповедника Владимир Николаевич Степанов, командовавший одной из групп партизанского отряда, его жена Зоя Владимировна Ломаккина, по мирной своей специальности энтомолог, и комсомолка Мария Валентиновна Курапова — охотовед.

...Остановившись под вечер в Хамышках, мы ужинали. Стукнула дверь и в комнату вошел одетый в синий, военного покроя костюм юноша. На голове его была такого же цвета фуражка, сдвинутая на затылок. Из-под нее выбивался чуб темных волос. По живому, смелому блеску глаз, косоватому разлету почти черных бровей и какой-то особенно открытой улыбке я узнал старшего сына Якова Лукьяновича Бородавкина — Николая. Только он стал взрослей, шире в плечах и груди по сравнению с тем, как он выглядел при нашей встрече два года назад.

Я спросил у него о младшем брате, учившемся в офицерской школе.

— Игорь кончил школу. Он теперь в Берлине, — ответил Николай, — а я, как видите, все здесь, инвалид... Но родных гор не забываю. Притягивают они меня к себе, зовут. Вот в августе прошлого года я ходил проводником с ростовским геологом Михайловым по Березовой на Чугуш. Забрались в самые кручи и камень. Вы знаете, какие там скалы! В одном месте Михайлов чуть не погиб: сорвался при переходе через расщелину с отвесной стены, а внизу — прямо бездна. Чудом задержался, и мы с коллектором успели втащить его наверх.

Тогда мы поднялись на вершину Чугуша — это было, помню, седьмого августа. Мы увидели в альпике множество туров и серн. Они мирно паслись. Вдруг в присколках появи-

ше раздался рев вроде оленьего, только иной все же — грубый. Следом с присколков оказался барс. Дымчато-серого цвета, толстоголовый, с широкой кошачьей мордой, коротко-лапый. Хвост его, с полметра длиной, был вытянут, как палка. Барс быстро спустился широкими прыжками.

Туры растерялись от его рева, заметались бестолку. Барс прыгнул в середину стада, схватил молодого туренка и унес его в скалы. Все это происходило метрах в полтора от нас, не больше. Мы были без оружия и немедленно ушли от туда.

*Хамышки—Гузерицль,
24 августа*

Когда после почевки мы выезжаем из Хамышкова, вместо легих лошадей, которые везли нас из Даховской, я вижу мулов, высоких и почти одинаковой гнедой масти. Только длинные уши одного стоят торчком, а у другого раскинуты врозь.

Подхлестывая бегущую ровной сильной рысью пару, наш возчик, молодой паренек Петя, весело восклицает:

— Два мула — все равно, что автомашинка, Катись с горы на гору: сначала уши, потом морда!

До Гузерицля не близко, и в пути я беседую с Федоренко о жизни заповедника за последние годы. Николай Феофанович говорит:

— Вся наша научная работа направлена на то, чтобы скорее восстановить естественные богатства заповедника, очень пострадавшие от гитлеровцев, увеличить их и помочь государству в социалистическом преобразовании природы путем глубокого исследования жизненных процессов в животном и прежде всего растительном мире.

Растительность гор Западного Кавказа — основа жизни животных этих районов. Вместе с тем она дает ценнейшую древесину и охраняет воды, задерживая снег, предотвращает смывание и сползание почвы, регулирует режим огромных речных бассейнов: Белой, Большой и Малой Лабь, Мзымты, Головинки (Шахе).

Неудивительно, что ее изучение занимает первостепенное место в нашей научной деятельности. Уже полностью обследованы высокогорные луга заповедника.

Найдено много неизвестных на Западном Кавказе видов. В списке растений заповедника, без Хостинской рощи, — 1500 видов, а девять лет назад их насчитывалось 1072. Флора заповедника очень богата эфирными маслами и медоносами, дубильными, лекарственными и декоративными растениями.

На полянах Гузерицль и Сенная, в обходе кордонов Цице, Киши и Бабук-Аула найдены бересклеты. Семена наиболее

гуттаперченосных кустов высеяны в питомнике для наблюдения за сохранением и развитием гуттаперченосности в потомстве. Старший лесничий Николай Елизарович Лаврентьев, — он руководит этими работами, — говорит, что среди кустов европейского бересклета встречаются рекордисты, дающие до тридцати процентов гутты.

Я задаю Николаю Феофановичу вопрос, насколько за это время двинулось восстановление кавказского зубра и вообще фауны заповедника.

— Работа по выведению кавказского зубра, которой, как вы знаете, мы заняты с 1940 года, — единственный в мире опыт возвращения к жизни путем ингабитации полностью исчезнувшего с лица земли вида животного.

Стадо зубро-бизонов уже достигло двадцати голов. Кроме того, пять животных отправлено в зоопарки СССР. После уничтожения фашистами зубро-бизонов в Аскания-Нова и в Крыму Кавказский заповедник — единственное место в стране, где они сохранились.

Ингабитация зубра — одно из ярких и смелых проявлений советского творческого дарвинизма, возглавляемого школой Мичурина — Лысенко. Она имеет не только научно-культурное, но и большое хозяйственное значение, хотя бы для охотничьих высокогорных районов нашей страны.

Сейчас из Польши нами получено пять зубров в обмен на большую партию белок, медведей, лосей, верблюдов и бобров. Четыре из них, беловежские, направлены в центральный зубровый парк Серпуховского заповедника под Москвой, а пятый, кавказский, — в зубровый парк Кавказского заповедника.

Как говорят наши научные сотрудники, уже видевшие его, это могучий, красивый бурый бык, по всему облику горный зубр. Он имеет крайне интересную родословную. Сорок лет назад, весной, егерь Кубанской охоты Телеусов поймал на территории нынешнего Кавказского заповедника, на склоне Пшекиша, в пихтах, только что родившегося зубренка-бычка и выкормил его. Подросший зубренок был потом привезен в Гатчину. Отсюда он попал в Германию к известному торговцу дикими зверями Гагенбеку, а из Германии в Польшу.

От этого бычка и беловежских зубриц и произошли зубры кавказской крови. Наиболее породистый из них, правнук пойманного Телеусовым, снова вернется в родные горы Кавказа, в тот самый район, где появился на свет его прадед.

В заповеднике появились новые виды животных.

В 1948 году в Загедане, на границе Восточного отдела Кавказского заповедника, лесником была убита белка, проникшая сюда из соседней Тсберды. Зимняя пепельно-серая шкурка ее хранится у нас в научном отделе. Сотрудник заповедника Таширев видел летом того же года, в районе Хад-



жоха, белку, раздавленную колесом автомашины. Это значит, что белка прошла уже всю территорию заповедника.

Восемнадцатого августа этого же года начальник охраны Малашенко и старший наблюдатель Кипинского кордона Шеховцев, идя по берегу

Киши, увидели метрах в двухстах выше кордона, на речке Беланке, впадающей в Кишу, енотовидную собаку. Енот ловил рыбу. Бывшие с Шеховцевым подростки побежали за енотом, настигли его и принесли начальнику охраны. Это, видимо, был старый енот, тяжелый на ноги, невысокий, с выпяченным животом, с темноволосого цвета длинной шерстью и хвостом, как у волка. Малашенко снова выпустил его в лес. Несомненно, этот зверь проник сюда также из района Теберды. Как и белка, он прошел от Восточного до крайней точки Северного отдела, то есть через весь Кавказский заповедник.

Так за последние восемь лет к фауне заповедника добавилось четыре новых вида: зубро-бизон, зубр, уссурийская енотовидная собака и алтайская белка, выпущенные в Тебердинском заповеднике года за три до войны. Появление в заповеднике этих видов говорит о громадной роли человека в направленном изменении природы.

Наблюдатель Гузерипльского кордона Алексей Федотович Циркунов подтверждает появление в Кавказском заповеднике также барса. Осенью 1947 года Циркунов слышал его рев на горе Джуге.

...Сеет мелкий дождь. Вскоре он зачастил, и мы надели плащи. Заповедник обязательно встречает меня дождем!

Сквозь дождевую сетку синеют ущелья, встают все выше зелено-коричневые хребты. Дождь прекращается, и миллионы сверкающих капель дрожат на хвое и листве столетних деревьев. Гремит, роя каменные теснины, река Белая. Грохот ее кажется весенним громом, и воздух влажен и свеж, как весной.

Мы проезжаем мимо кордона Лагерная. Рядом с пепелищем прежнего дома наблюдателей, сожженного фашистами, возвышается срубленный из еще белых, слезящихся смолой стволов новый просторный дом. Раны войны залечиваются. Большинство кордонов, превращенных в черные головни и золу, уже отстроено. Через Белую, Кишу и другие реки перебросены новые мосты. Расчищены подорванные, минарованные, перекрытые завалами и ставшие непроходимыми горные тропы.

С календаря слетают осенние листки, но в жизни заповедника сейчас весна, возрождение освобожденной природы и творческого труда.

Над горами, обступившими Гузерипль клубятся тучи. Колеса простучали по новым мостам через Белую и Малчепу. Мелькнула справа под крутым берегом Малчепы белая бревенчатая башня только что построенной гидроэлектростанции, за ней — также свежеструганная, дощатая, разбитая упорами и креплениями на звенья, 220-метровая змея лотка, огибающая у самой воды сланцевый выступ берега, и мы остановились под знакомыми древними дубами на дворе усадьбы заповедника.

Жители Гузерипля спешат нам навстречу: газеты и письма доставляются сюда регулярно, и все же живые впечатления побывавших там, за хребтами и лесами, как будто приближают Большую землю, делают ее осязатее.

Метеоролог Иван Андреевич Никитин пригласил нас к себе.

В чисто убранной комнате по углам в кадках фикусы, посредине накрытый белой скатертью стол. Нас встречает пожилая женщина, такая же маленькая и приветливая, как и Никитин, — его жена, Мария Николаевна.

У Никитиных сейчас проводы и оттого по-дорожному хлопотно.

Они отправляют в Москву дочерей-комсомолок, Женю и Галю. Обе девушки участвовали в защите Гузерипля от гитлеровцев, строили дзоты, ходили в караулы и обе награждены медалями «За оборону Кавказа». Теперь Женя кончает институт торговли, а Галя — химико-технологический. Девушки спешат уложить чемоданы, потому что им ехать с обратной подвой, а она скоро уходит.

За чаем Иван Андреевич и Мария Васильевна рассказывают о своей жизни на Гузерипле. Иван Андреевич двадцать один год заведует метеостанцией, и все это время Мария Васильевна является его верным помощником (она штатный заместитель Ивана Андреевича).

Более двух десятков лет в суровых условиях горно-лесной обстановки эти советские труженики ведут свою незаметную, плодотворную работу. Двадцать долгих лет, буквально из часа в час, они, сменяя друг друга, следят за погодой, днем и ночью беспрестанно проверяют показания измерительных приборов, шлют телеграфные сводки. Несколько раз чуть не замерзли во время зимних снегопадов, сбившись с тропы к измерительным приборам, которые установлены в самом конце Гузерипльской долины. Оба они по заслугам отмечены правительственными наградами.

Я устроился в комнате для приезжающих, во втором этаже дома на «новом» Гузериале.

В соседнем доме живет Леонид Иванович Соснин. Я зашел к нему и застал его за письменным столом. Комната была загромождена папками бумаги и досками-зажимами для гербария, образцами срезов древесных пород и разными предметами бытового обихода.

Пожав мне руку и улыбувшись по обыкновенно одним губами, причем глаза оставались внимательно серьезными, Леонид Иванович извинился за походную обстановку нашей встречи:

— Вот видите, сразу спешно дописываю отчет и готовлюсь к поездке. К тому же и самообслуживаюсь. Через день, самое большее два, я отправляюсь на Черкесский хребет: там я должен сделать последние наблюдения по естественному восстановлению пихты, а время позднее; того и гляди в горах выпадет снег.

Леонид Иванович заканчивает сейчас большую научную работу, обобщающую многолетнее изучение им лесов заповедника. Тема труда: «Современное развитие лесной растительности Кавказского заповедника и перспективы заповедного режима».

Но едва Леонид Иванович начинает рассказывать о содержании своей работы, как кажущаяся сухой и скучной скупая научная формулировка расцветается всеми красками живой жизни.

— Я исследую, — говорит Леонид Иванович, — условия естественного восстановления ценных древесных пород заповедника: пихты, сосны, бука, ели и березы. До сих пор думали так: «Вот создан заповедник, положен конец истреблению лесов, и они начнут быстро восстанавливаться». Вы знаете, что на территории заповедника верхняя граница леса почти повсеместно сильно снижена деятельностью человека и прежде всего в результате выпаса скота в субальпике и альпике. Считалось, что с установлением заповедности здешние леса вернут свои позиции в течение каких-нибудь двадцати лет, но на деле оказалось далеко не так. Восстановление лесов, их продвижение в горы за счет отступления высокогорных лугов до их прежних, естественных границ гораздо сложнее, чем думали. Вот взгляните на эту фотографию, которую я заснял, изучая восстановление кавказской сосны на Пшекише.

Леонид Иванович протягивает мне фотографию, взятую им из папки, лежавшей на столе:

— Снятая на ней верхняя опушка соснового леса — это

живая диаграмма естественного восстановления леса. У нас есть две твердые отправные точки, позволяющие безошибочно судить о действительных сроках и скорости восстановления леса: первая — завоевание Кавказа восемьдесят четыре года назад и вторая — создание здесь заповедника двадцать четыре года назад.

Как известно, черкесы из года в год выпасали скот на верхней границе леса и сильно ее снизили. Но вот после завоевания Кавказа в течение долгого времени хребет Пшекиш был безлюден, и лес начал восстанавливаться. Затем снова сюда пришли люди, снова начался выпас скота, и снова прекратилось восстановление леса. Наконец был создан заповедник, и теперь выпас скота окончательно прекращен, и, казалось бы, ничто не мешает восстановлению леса и продвижению его до своей естественной опушки.

Это и отражает фотография. Относительная высота леса за разные исторические периоды показана на ней тремя уступами, снижающимися к верхней границе. Первый уступ, самый высокий, — это трехсотлетние сосны, не затронутые выпасами черкесского скота; следующий за ним, значительно более низкий, — лес, возобновившийся за восемьдесят четыре года после черкесов; и третий, еще более низкий, — лес, выросший в условиях заповедника за двадцать четыре года. Но дальше вы видите сплошное море травы — горного вейника — и отдельные, тонущие в нем, забиваемые им, карликовые деревца — подрост сосны. Горный вейник нашел наиболее выгодную среду для своего развития в условиях, созданных выпасами.

Эта поразительно стойкая густая трава сплошь завоевала позиции, которые когда-то занимал здесь сосновый лес, и теперь отбивает его контрнатупление, угнетает попадающие в ее гущу молодые сосенки: они хиреют, чахнут, поражаются грибом, желтеют и усыхают сверху.

Вот взгляните на образчик сосны, взятой из этого моря вейника на верхней опушке соснового леса: по кольцам на срезе ему не меньше десяти-пятнадцати лет.

В руке у Соснина жалкое, хилое, будто тундровое растение, не больше двадцати пяти — тридцати сантиметров в высоту, с пожелтевшей, явно больной верхушкой.

— Конечно, — продолжает Леонид Иванович, — лес уверенно пробивается вверх до своих естественных пределов. Разбрасывая миллионы семян, он цепляется за каждую «латку», вспаханную кабаном, добывающим корневища иван-чая. Медведи и поисках клубней и личинок перевертывают камни, оголяя землю. Муравьи, землеройки, кроты, прометеева мышь обнажают от травы и рыхлят почву. Вода, ветер и смена температур разрушают камень скал и создают условия для провзра-

тания семян. За все это с необычайной настойчивостью и цепляется лес.

Семена деревьев далеко рассеивает ветер, и еще дальше уносят звери и птицы. Сойки распространяют семена самшита, это установлено Авериним. А. А. Насимович говорит, что куница вместе со сладким околоплодником поедает семена тиса и разносит их.

Я очень жалею теперь, что до сих пор сам недостаточно занимался зоологией. Это совершенно необходимо. Процесс жизни природы необычайно сложен. Условия среды, взаимодействие всех явлений живой и мертвой природы, внутривидовая взаимопомощь, сознательное и бессознательное сотрудничество — все это тесно между собой связано..

*Гузерицль — Партизанская поляна,
31 августа*

Отправился верхом по маршруту через Белореченский перевал на Бабук-Ауд, по другую — южную — сторону хребта. К седлу приторочены рюкзаки — мой и сопровождающего меня наблюдателя Ильи Семеновича Дементеева. Сам Дементеев предпочел идти пешком: он говорит, что так ему привычнее. На час раньше по этому же пути вышла в горы экспедиция Л. И. Соснина.

При въезде на мост через Малчепу я оборачиваюсь и в последний раз окидываю взглядом закрывающий усадьбу заповедника, поросший вековым лесом склон и излучину реки, мчащейся под нами в теснинах сланца. На крутизне склона, среди открытой поляны, тяжелой грудой серых плит выделяется гузерицльский долмен, а внизу, на одной линии с ним, легко поднимается над гремячей водой белая башня гидроэлектростанции: сияющая на солнце, она как будто противостоит древнему долмену. Мертвый, грузно осевший в землю памятник тысячелетий, дошедший из тьмы времен, и разливающая свет в горах, мчащаяся вперед бессмертная жизнь: сегодня вечером вспыхнут цепью белых огней электролампочки, заговорит радио... До сих пор ток подавался с той стороны Белой, из поселка леспромхоза, но там не стало излишка. Теперь Малчепу, впервые взнузданная рукой человека, помчит всю силу бешеного своего напора по коленчатой змее лотка к лопастям гидротурбины и дальше — по тонким нитям проводов.

Вчера я видел в дальнем конце лотка направляющую плотину, оседлавшую Малчепу: два ступенчато расположенных вала зелено-прозрачной и на взгляд стеклянню-неподвижной, а на самом деле стремительно льющейся воды. Перекатываясь через плотину, всплескивают серебряными искрами форели.

Охотясь за ними, куцехвостые, коричневые оляпки ныряют в застывшее стекло водопадов.

...Километра полтора-два мы поднимаемся в горы по плотную узкоколейку леспромхоза, проложенной вдоль ущелья реки Желобной. Вокруг висят старые, многообхватные пихты. Стволы их испятнаны узорами лишайников, а с ветвей свисают седые клоки мха.

Вскоре мы сворачиваем влево от узкоколейки и поднимаемся все выше по рекам Медвежке и Шумной. Отсюда начинается очень крутой, хотя и сравнительно короткий подъем.

Моему спутнику больше пятидесяти лет. Одетый в легкую куртку защитного цвета и такие же брюки навывпуск, в горных ботинках, с карабином за плечами и топориком в правой руке, он идет легко и быстро. Илья Семенович слегка сутулится — привычка ходить в горах с рюкзаком за плечами — и, когда его спрашиваешь, вслушивается с виноватой улыбкой: он глуховат от перенесенной болезни.

Его невысокая, худощавая, ловкая фигура мелькает между стволов, опережая меня, хотя я еду верхом. Илья Семенович на ходу взмахивает топориком, отсекая ветку, не к месту нависшую над тропой, или, приостановившись на мгновение, двумя-тремя быстрыми и сильными ударами перерубает упавшую поперек тропы валежину. Откинув обрубок прочь, он снова легко и ловко движется вперед, и снова то там, то здесь взлетает и падает его неутомимый топорик. Заметив в стороне вывороченную с корнем сосну, Илья Семенович сошел с тропы, отколол от самого корня толстую, маслянисто-желтую щепу и аккуратно, по-хозяйски, спрятал ее в карман рюкзака.

— Ночевать будем на Партизанной, под пихтами: теперь есть чем разжечь костер, — удовлетворенно заметил он.

Работая топориком и отшвыривая прочь камни, о которые копь может споткнуться на крутизне подъема, Дементеев все время ворко приглядывается к смоченной недавним дождем черной ленте тропы.

— Босой лесник прошел, — говорит он, показывая в одном месте топоричем на отиск пятипалых медвежьих подошв на влажной земле внизу. Следы действительно похожи на человеческие, только короче и шире.

На половине подъема мы догнали ушедших впереди нас Леонида Ивановича Соснина и его спутника. Леонид Иванович одет в казакин серого солдатского сукна. На ногах его шерстистые поршни, через плечо полевая сумка и фотоаппарат. Николай Иванович Таширев одет так же, как и Дементеев, только на нем не куртка, а гимнастерка и на голове черная кепка.

Он ведет в поводу лошадь, навьюченную прессами для гер-

барня, рюкзаками и предметами лагерного обихода. Соснии и Таширев идут пешком.

После короткой передышки мы вместе двинулись дальше. Чем ближе к Партизанной поляне, тем мощнее и дремучей пихтовый лес и все больше звериных следов на тропе. Здесь прошли два матерых волка и кабаньи гурток. Тут отпечатались совсем свежие следы волка и медведя, дальше снова потянулся крупный волчий след.

Вот и Партизанная. Уже темнеет. На фоне темносвних молчаливых пихт глаз успокоенно останавливается на светлом овале широкой поляны. Она вся поросла густой травой и огромными, толщиной в руку, зонтичными. В них мог бы скрыться всадник на лошади.

Через полчаса к месту ночевки под старой пихтой подтащен достаточный запас обломков сушняка-ветровала для костра на всю ночь и из стожка неподалеку добыто несколько охапок сена. Сено разложено у костра с подветренной стороны, чтобы не загорелось, — это постели.

Пока в подвешенном над огнем котелке вскипает чай, мы беседуем.

Особенно живое участие в разговоре принимает Николай Иванович. Он невысокого роста, лет шестидесяти пяти, с бритым, не по летам свежим, продолговатым лицом. У него выпуклые глаза под высоким лбом, нос, который принято называть «орлиным», несколько выдающаяся вперед, припухлая нижняя губа. Николай Иванович — бывалый человек, энциклопедист по своим знаниям и опыту. Но он необычайно разбросан и к тому же большой фантазер. Он был учителем и инженером, прекрасно знает математику и теорию музыки. Энтузиаст гитары, как народного инструмента, уже здесь, в заповеднике, в свободные часы Таширев написал интересную работу, рассчитанную на широкий круг любителей — «школу игры на гитаре». Он изобрел и совершенствует новый вид гитары и сам исполняет сложнейшие музыкальные вещи. Николай Иванович любит природу и на должности младшего научного сотрудника заповедника является ее летописцем. Удивляешься, как в свои годы он так легко взбирается по горным тропам.

Непрактичность и фантазерство Николая Ивановича часто вызывают со стороны Соснина, человека до мелочей основательного, довольно едкие замечания.

Пуживая, мы укладываемся вместе с Леонидом Ивановичем на сене, под плащ-палаткой. Илья Семенович решительно отказался от нашей постели, заявляя, что он привык спать у костра летом и зимой, не укрываясь:

— Повернусь спиной к огоньку и сплю. Станет заходяживать с лица, перевернусь, не просыпаясь, на другой бок, отгреюсь и снова перевернусь.



Николай Иванович, выдвинув толстоватую нижнюю губу и недоуменно округляя близорукие глаза, долго прицеливался, отыскивая наиболее удобное место, и, наконец, перетащил свой пай сена к подножью пихты, между двух корней, положил сверху потник и ватник и закутался с головой в брезент.

Согретый теплом костра, засыная, я вижу заставший горы неподвижный синий туман, звездное черное небо над ним и высоко-высоко маленький золотой осколок нижнего края уцербленной луны. Невидимые, над нами пронесется стаи перелетных птиц, и отдаленное серебряное курлыканье льется с темной вышины, как тихая музыка.

Пущенные в траву, всхрапывают и, передвигаясь, топчут во мраке за желтым кругом костра стреноженные лошади...

Среди ночи мы, словно по уговору, проснулись все сразу. От костра несло жаром. Ветер переменился и гнал на нас бесчисленные золотые змейки искр. Край подсохшего сена начал загораться. У Ильи Семеновича, лежавшего спиной к огню, уже затлела куртка.

Мы притушили наступающий огонь и отодвинулись подальше от костра. Только Николай Иванович, на секунду высунув нос из-под брезента, снова, несмотря на наши предупреждения и советы, плотнее завернулся и остался лежать под обстрелом летящих прямо на него искр.

*Партизанная поляна—Армянский хребет—
Белореченский перевал—Бабуи-Дул, 1 сентября*

Мы вышли в дорогу в семь часов утра. Миновали истоки реки Гузерипса и Яворову долину, окруженную широковершинными горными кленами-иворами и сплошь заросшую ги-

гантским доухом белокопытником. Заросли лопухов вдоль и поперек исхожены и местами совершенно примяты к земле медведями.

За Яровой поляной перед нами открылся широкий простор Армянского хребта. На его склоне столпилось в защищенном от ветров затишье десятка два домиков из драни. Этот высокогорный летний поселок называют Армянскими балаганами. Здесь живут пастухи армянских колхозов, пригоняющие скот с Черноморского побережья на альпийские пастбища.

Слева от Армянского хребта уходят вдаль волнами синие и бирюзовые горы. Справа высится отвесная розовато-белая на солнце известняковая стена плоскогорья Лагонак.

На Армянских балаганах мы делаем короткую остановку. Нас гостеприимно приглашает к себе заведующий животноводством молочнотоварной фермы колхоза имени Мясникяна Лазаревского района Саграт Нагапетович Варелужан — молодой темноволосый и темноглазый человек с живым, быстрым взглядом и белозубой веселой улыбкой на подвижном, загорелом до медного цвета лице.

Он угощает нас кислым молоком и очень вкусным сыром. Этот сыр, приготовленный из коровьего молока, сушится на солнце большими кругами. Он напоминает слоеное тесто, так же распадаясь на отдельные листки, но только более упруг и вязок.

Потом пока мы свертываем папиросы из предложенного Сагратом Нагапетовичем душистого сочинского табака и курим, пуская голубоватый дымок, Варелужан, блестя глазами и зубами, рассказывает о делах фермы. Погода в этом году в горах стояла великолепная, и скот хорошо поправился. Вот только ночью и днем волки бродят вокруг стада, режут молодых и нападают на взрослых животных. В здешних горах много джейранов*, и волки сильно уничтожают приплод. Разбойничают и медведи. Медведь, пожалуй, хуже волка: взвалит телка на плечи, увесет и следа не оставит. Надо колхозу и заповеднику наладить сообща борьбу с волками на пастбище.

...От Армянских балаганов мы движемся каменистой тропой по альпийскому дугу, усеянному голубыми, синими и огненно-желтыми поздними цветами. Далеко провожают нас плосковершинные, розовеющие в бирюзе неба известняки Лагонак.

При самом выходе с Армянских балаганов в лицо дует холодный, знобящий ветер. Он гонит с моря густой туман и тучи. С каждым километром ветер все усиливается.

* Местное название серны.

Мы проходим через узкий перешеек между горой Гузериэль слева и Оштеном справа. Гигантский отвесный гребень Оштена, вздымающийся в бездонную голубизну, стремительно завалакивает наплывающие с юга высокие слоистые облака. С этих немислимых круч, иссеченных трещинами и изломами, легкими скачками спускаются серны и перебегают на гору Гузериэль: там находятся их естественные солонцы. У подножья Оштена громоздятся каменным морем огромных валунов и целых скал синие осыпи. На ребристых боках каменных обломков пронзительно выделяются пятна совершенно черных лишайников.

На камнях, как стражи этих пустынных высот, неподвижно сидят сарычи.

Дальше, за Оштеном, еще незатянутые наплывающим туманом, который стер только самый высокий угол хребта, встает в желтовато-белых и розовато-фиолетовых тонких тенях и бликах двугорбый массив Фишта. В огромной чаше его центрального цирка тускло блестят ледники, сползающие почти до верхней границы леса.

Мы спустились к верховьям Мутного Тепляка и перевалили Армянский хребет. Здесь затишье. Прекратился ветер, который до этого хлестал в лицо и леденил кровь.

Отсюда открывается особенно широкая панорама густой сини и зелени и всех оттенков голубизны и лазури волнообразных горных цепей. Параллельные гряды их уходят вдаль, сливаясь на горизонте с туманом и облаками.

Тут мы расстаемся с Сосниным и Таширевым. Они поворачивают налево, к темнохвойной гриве Черкесского хребта, а мы с Ильей Семеновичем по склону реки Белой, оглябая Фишт, идем к главному Белореченскому перевалу.

Наш путь лежит мимо зеркально-неподвижных, сказочно-синих альпийских озер, через прозрачные шумные ручьи и изумрудную зелень лужаек альпийки. Над нами и под нами полосы и пятна не растаявшего за лето снега в каждой трещине и морщине горных склонов. По горбам гулких сугробов, как по мостам, мы переходим потоки. Высокие леса здесь непривычному взгляду представляются в каком-то застывшем вечном движении. Сосны на скалистом уступе над бездной ушелья как будто откинулись назад в испуге. Буковый лес изогнут у основания, и кажется, что и сейчас, напряжь и выгнув грудь, он удерживает на плечах гигантскую толщу зимних снегов.

Я несколько раз спрашиваю Илью Семеновича, когда же начнется спуск с перевала.

И всякий раз Илья Семенович, виновато улыбаясь, отвечает:

— А вот, как кончится Фишт, тут и будет спуск.

Но скалистая мощная стена Фишта неотступно сопровождает нас справа.

У ее подножья и дальше, загроможда всю широкую долину перевала, торчат высоко над землей и громоздятся причудливыми горами обломки и скалы выветрившейся, пепельно-сизой, губчатой породы, похожей на излившуюся и застывшую лаву.

Удары пронизывающего ветра все сильнее. Тут тяга, как в трубе.

С глухим скрипучим криком взлетели две пары огромных воронов. Паря на широких угольно-черных крыльях, они, очертив полукруг, спускаются к пихтовому лесу в налитом синим туманом ущелье.

И снова на пепельно-сизых глыбах то там, то здесь, не шевелясь, что-то сторожат сарычи.

Илья Семенович говорит, что много сарычей остается зимовать и выдерживает до весны. Это те, которые не смогли во-время улететь. Только на зиму они спускаются ниже, в лесную зону.

Наконец мы обогнули Фишт. Вот и спуск. На склоне перевала чернеют землянки. Здесь стоял штаб частей Советской Армии, защищавших в Отечественную войну перевал от фашистов. Выше по хребту всюду были наши минометные и пулеметные точки.

Особенно упорные бои велись на перешейке гор Гузерипль и Оштена. Врагу удалось выйти между Фиштом и Оштенем к Белореченскому перевалу. Но отборные горные части из дивизии «Эдельвейс» были прижаты по ту сторону перевала, и отсюда мы погнали их на запад.

Такие же осевшие под дождем, снегами и ветром землянки и почерневшие балаганы — памятники героической защиты Кавказа — встречались нам по всему пройденному пути: на реке Шумной, на Партизанской поляне, на спуске с Армянского хребта к истокам Белой и на перешейке Гузерипль — Оштена.

— Если бы не наши бойцы, — говорит Илья Семенович, — пропал бы Гузерипль. Никогда не забуду я пулеметчика Ванию Абрамова из роты, которой командовал старший лейтенант Шип. Крепко скроенный был паренек. Небольшого роста и совсем молодой, лет двадцати. Комсомолец. Он первый встретил гитлеровцев скинцом, когда те шли на Гузерипль. Прямо скошил передние ряды из своего пулемета. Фашисты в страхе отпрянули назад, а он все косит, косит... Слышал я, что погиб Ваня за родину, а лейтенант Шип теперь майор...

...Не только людям, зверям и птицам известны перевалы. Знают их ветры и поднимающиеся с моря туманы и облака.

Тут, на высшей точке перевала, ледяный ветер захватывает дыхание. Синебу и бирюзу гор заволокло свинцово-серым давящим туманом. Туман сгущается в низкие хмурые тучи. Черно-дымными валами, громоздясь друг на друга, они перекатываются через хребет.

День померк. Начинается дождь. При холодном, резком ветре в это время года он легко может перейти в снег или ледяную крупу — тогда горы себя покажут! Я вижу, с какой суровой угрозой они теперь обступают нас со всех сторон.

Нужно спешить. Спуск очень крут. Я схожу с лошади и веду ее за собой. Мы спускаемся быстро — через гору Чемплеуику и дальше вниз — по старой военной дороге, вырубленной в каменных скалах хребта, через Прошкину поляну и буковое криволесье — по склону горы Маврикошки.

Чем ниже мы ходим по южному склону хребта, тем реже сетка обложного дождя, тем выше и светлее облака. Угрюмые нагромождения туч и дымное курево туманов зацепились за самые вершины гор, оставленных нами далеко позади старой военной дороги. Широкое каменное полотно ломается зигзагами и круто выется среди похожего на парк леса двадцатиметровых, изогнутых у основания буков.

Дождь прекратился. Тучи рассеялись, и над нами в темном вечерющем небе загораются звезды.

...Сделав с утра больше сорока километров, мы спустились в Бабук-Аул. Идем молчаливыми черными садами к дому, где живут работники заповедника.

С широкой кроны груши с мяукающим криком слетела ушастая сова. Между черных стволов и кустов белеет дощатая калитка. Мы входим во двор, в глубине которого светятся окна дома и ярко горит у крыльца веранды летняя печка. Визгливо залаяли две собачонки, и навстречу нам подымается с обрубка у печки высокий человек в гимнастерке, в галифе и тапочках на босу ногу. Это младший наблюдатель Западного отдела Кузьма Федотович Шабло.

Перекинувшись с ним несколькими словами, Илья Семенович уходит к другому наблюдателю, Гукалову, забрав с собой лошадь, чтобы за ночь хорошо подкормить (Илья Семенович завтра возвращается на Гузерипль и хочет сделать обратную поездку в один день, а я остаюсь здесь ночевать).

Кузьма Федотович ведет меня на веранду умыться с дороги. В углу веранды на сохнувших медвежьих шкурах лежат те две маленькие собачонки, что встретили нас своим залившим лзем.

Пока я привожу себя в порядок, жена Шабло, Ульяна Филипповна, готовит в комнатах ужин.

Вскоре мы сидим за столом над тарелками с дымящейся,

поджаренной картошкой, приправленной помидорами. Очень приятный вкус масла, на котором жарилась картошка, мне показался незнакомым, и я задал по этому поводу вопрос Ульяне Филипповне.

— А вы какое масло любите? — ответила она вопросом на вопрос. — Медвежий жир едите?

— Никогда не приходилось, но хотел бы попробовать.

— Так вы сейчас его и пробуете. Мы на нем всегда жарим. Он приятнее постного масла и никогда не застывает. Вот посмотрите.

Ульяна Филипповна вышла и через минуту вернулась с литровой стеклянной банкой прозрачной маслянистой жидкости: это было, в сущности, чистейшее буковое масло, вытопленное из медвежьего сала.

...После ужина я расспрашиваю Кузьму Федотовича о здешних местах, где он вырос, о том, что ему приходилось интересного наблюдать во время своих выходов в горы.

В светлом круге лампы четко выделяется энергичное, с коротковатой верхней губой, открывающей в постоянной скупой полуулыбке белые зубы, чуть широкое в нижней челюсти и с твердым подбородком лицо Кузьмы Федотовича. Падающие на лоб темнорусые волосы, серые, спокойно и смело глядящие глаза и суховатый, с горбиком и четким вырезом надбровной дуги нос еще больше подчеркивают общее выражение энергии и силы на его лице.

Кузьма Федотович, охотник сызмала и первоклассный стрелок, был на фронте автоматчиком, снайпером, наводчиком противотанкового орудия, воевал под Сталинградом и Курской дугой, дошел до Берлина и Праги. Был в особом гвардейском истребительном корпусе при освобождении Варшавы. Он три раза тяжело ранен и имеет много боевых наград.

Семья Шабло — семья советских богатырей. Восемь братьев Шабло были на фронте Отечественной войны: четыре отдали жизнь за родину и четыре вернулись орденосносцами.

Рассказ наблюдателя Шабло

— Границы нашего Западного отдела проходят по горе Фуко, Лысому хребту, вдоль ледников реки Фишт, у истоков реки Березовой, по горам Большая Чура и Амуко-Аул, реке и горе Бзыч, реке Головинке и над самым Бабук-Аулом.

Это большой, богатый зверем, особенно турами и сернами, и ценным лесом район. О том, сколько здесь было зверя до войны, могу пояснить на примере. В 1937 году на перешейке между горами Фишт и Оштеп, возле альпийского озера Псекодах, во время учета я видел стадо серн в 350 голов, на

следующий год — 427 и еще через год — 562 серны. А в 1940 году — я был тогда вместе со своей женой — стадо выросло уже до 675 голов.

В этот обход жена моя хотела поймать маленького джейраненка. Она была в красной кофточке и с красным платком на голове. Серны обступили ее кругом на крутом скате. Сначала расстояние до них было метров тридцать. Но скоро, гоняясь за сернами, жена незаметно для себя очутилась в самой середине стада. Идет за серненком и зовет его, как домашнего козленка: «Кизю, кизю», а серны придвигаются все ближе, ближе, а потом окружили ее плотным кольцом, как баранта, заняв площадь по каменьям гектара в два.

Тут уж я просто испугался за жену. Серны подходят к ней, плят глаза на красное, стучат копытцами: «тук-тук», шипят и подступают все ближе. Красное привлекает их. То же бывает и с турами. Знакомый черкес говорил мне: «Хочешь убить тура — повесь свой красный башлык, а сам обойди кругом. Придешь — он все будет смотреть на твой красный башлык».

В тот же поход мы встретили гурток джейранов голов сорок на перемычке озера Псекодах. Они позволили жене подойти к ним совсем вплотную. Она распустила по воздуху красную шаль и растянула, раскинув руки, красную кофточку. Все это ветер шевелит, а джейраны — ближе, ближе. Шипят, топчут копытами и не сводят глаз с красного.

В 1947 году этого табуна серн уже не было. Самые большие табуны я встретил в сто двадцать, семьдесят две и пятьдесят семь голов. Но того огромного табуна уже нет: разбился он на мелкие, что ли?

В 1948 году я видел почти одно и то же: пятьдесят семь, двадцать пять, тридцать три головы и меньше. Прошлогодний табуна в сто двадцать голов, должно быть, снова разбился на эти три. Но за последние годы все же прирост есть. В табунах в пятьдесят семь серн было тринадцать молодых этого года, а табуна в двадцать пять серн — восемь голов молодняка.

После войны серн у нас стало значительно меньше. Зато намного прибавилось оленей. Они откочевали сюда из обеспокоенных военными действиями других мест заповедника. Олень появился в верховьях Головинки, где его раньше не было, и спустился до Бабук-Аула и даже в охотничьи районы. Вот сегодня он уже кричал на «Сорока десятинах» — там богатые клычанники и грецкий орех.

Олень во время рева целый месяц ничего не ест. Убиваешь оленя в эту пору: желудок, как пустой кошелек, сжатый, плоский. Ревет олень все время. Вытопчет точок и ревет даже во сне. Сам спит, а надувает щеки, как будто ест. И под глазами темные впадины, как открытые глаза, а глаза на самом

деле закрыты. Ревут олени по-разному: то как медведь точно, то протяжно.

Олени-самцы даже одного возраста бывают разной величины: и большие и маленькие ростом. Маленькие темнее. А есть такие: светлые, рыже-серые. У них будто пятна с детства остались.

Сбрасывает олень рога в ноябре — декабре: месяц после рева отгуляет и сбрасывает. Большой частью не сразу оба рога. Сбросит один — и ходит, наклонив в одну сторону голову. Рогом, который остался, о дерево бьет (он у него чешется возле венчика), пока и этот не отвалится. Недели через две отрастают у него рога как два кулака и мягкие, наполненные, словно холодцом, черной кровью. Потом от каждого из них пошел отросток, точь-в-точь как большой палец. Потом выше еще кулак, и опять от него отросток. И все это сразу покрывается шерстью. А там снова кулак и снова отросток, и так рог растет, раскрывается, будто папоротник. К июлю рога отрастают, но они еще в шерсти. В первых числах августа олень обивает о деревья, начиная с верхних, острых, концов рогов и до основания венчика, лентообразными полосками шерстистую кожу.

Это неверно, что у оленя каждый год на рогах добавляется отросток. Если олень упитан, у него рога толстые, ветвистые и отростки полномерные: семь отростков, скажем, больших, и место, от которого они выходят, широкое. А если олень худой, нехватает соков, и отросток тогда у него бывает меньше и рога беднее, тоньше, и место, от которого идут отростки, узкое.

Бывает часто так, что у одного и того же оленя в этом году пять отростков, но в следующем году он упитан и дает семь отростков. Через год плохая упитанность — и отростков снова пять, а потом — шесть или семь.

...В здешних местах много змей. Среди них есть огромные: они больше живут в непроходимых зарослях самшитника, держидерева, ожины, папоротника.

В 1939 году я служил наблюдателем на кордоне Бзыч. В окрестностях кордона густые самшитники и каменные осыпи. В зарослях и камнях течет речка Бзога, впадающая в Головинку. Дно реки выстлано шифером.

На кордоне у меня, возле зарослей бурьяна и самшита, был огород. Обыкновенно там копались куры с цыплятами. Как-то раз, часов в восемь утра, куры на огороде подняли переполох.

Я выскочил, смотрю: очень большая, темносерая, цвета зола, змея схватила почти взрослого цыпленка и быстро поползла с ним в самшитник. Я бросился в дом за винтовкой трехзарядной и побежал к самшитнику. Он был мелкий, на ме-



сте старой вырубки. Змея уже обвилась вокруг ствола самшита и заглатывала цыпленка. Я видел, как бьется цыпленок, прицелился так, чтобы не задеть его, и выстрелил. Пулей почти оторвало змее голову с несколькими сантиметрами туловища.

Я измерил убитую змею. Длина ее оказалась два с половиной метра, толщина в середине туловища — десять сантиметров. К голове туловище утончалось до четырех-пяти сантиметров, к хвосту примерно так же и дальше переходило в тонкий и острый длинный хвост.

Другой случай был такой. В середине июля прошлого года (я уже работал тогда здесь, в Бабук-Ауле), часов в одиннадцать утра я шел с удочкой по шоссе к реке Ажу, притоку Головинки. Вдруг я увидел недалеко впереди змею, лежащую на солнце поперек шоссе. Голова ее находилась в кустарнике под осыпью, по одну сторону шоссе, а хвост — по другую сторону, тоже в кустарнике. Схватив крепкую большую палку, я несколькими ударами убил змею. Она была черного блестящего цвета, какой бывает у лакированных сапог. Брюхо, будто матросская тельняшка, в чередующихся серых и белых кольцах в два сантиметра шириной. Змея оказалась значительно больше двух метров длиной; толщина ее в середине туловища достигала не меньше восьми сантиметров.

Вырубив палку с развилкой, я повесил на ней у самого шоссе убитую змею во всю ее длину: пусть люди полюбоуются, какие здесь бывают змеи. Кто ни проходит, удивляется: «Вот это гадука: в ней, должно быть, пуд веса». Я отвечаю: «Нет, всего двенадцать килограммов». Неделю висела змея, и все ей удивлялись. Слух о ней дошел до Сочинского музея. Приехал сюда специально научный работник музея, но змея уже разложилась. Он бранил меня: «Если бы мы получили сообщение во-время, прислали бы машину и заспиртовали змею. Это большая научная ценность». Он все-таки взял несколько целевых позвонков и костей.

Я думаю, что эта большая черная змея — полоз. Хотя она и не желтобрюхая, но все повадки у нее, как у полоза. Когда она ползет, то держит голову высоко, круто, как бывает у полозьев саней, поднимая переднюю часть тела сантиметром на

шестьдесят-семьдесят. Остальное туловище, метра подтора два, гнется боковыми извивами, но очень прямо. Она хорошо плавает и быстро. Когда ползет в зарослях, то шум слышен метров за пятьдесят. Множественный шорох (она ползет многими коленами, изгибами) похож на то, как будто продвигается гурток диких свиней.

Есть змея небольшая, до пятидесяти-шестидесяти сантиметров, цвет тела светлосерый, живот красный, как жар. Мы ее называем «золотой гадюшкой». У нее сверху по светлой окраске разноцветные мелкие розетки — голубые, как у селезня, и темносерые пятнышки. Эта змея больше держится высоко в горах, на обрывах. Часто висит, свернувшись в колечко, на кустарниках.

Очень злая змея: шипит, когда еще не дошел до нее метров десяти. Сама бросается на человека, если он недоглядит и близко подойдет.

В совхозе Дагомье, по-над садом, в густых зарослях держидерева, ожины, дикого орешника, масса безногих ящериц-глухарей. Среди них часто попадаются огромной величины: по 8 килограммов и больше. У них короткий туной хвост, страшно толстое тело — до пятнадцати-семнадцати сантиметров. Живот у них желтого цвета, как у медяницы. Мы их называем желтопузами.

Только что вернувшись из армии, я шел в Сочи и, не доходя ста метров до совхозного сада, увидел двух глухарей. Они оба вместе лежали на перелутовавшихся зарослях колочки: один был сантиметров десять в диаметре, другой возмужше.

Они не кусают, но больно бьют по ногам. Старик-рабочий косил в совхозе Дагомье сено, и один глухарь, свернувшись в круг и покотившись по скошенной траве, догнал его и, раскрутившись, так ударил под колени, что сбил старика с ног. Ползет глухарь довольно медленно, а скрутится кольцом, пзкатытся — и не догонишь. Как они умудряются ходить кольцом?

Я делюсь с Кузьмой Федотовичем тем двойственным впечатлением, которое произвели на меня здешние горы — лазурно-воздушные при солнце и такие грозные-суровые в туман и дождь.

— Я здесь вырос и избродил горы вдоль и поперек, — отвечает Шабло. — Знаю вашу природу до корня.

Прошдая зима — единственная за пятнадцать лет такая теплая и малоснежная, а обыкновенно у нас первый снег на перевале выпадает 10 сентября по колено. В позапрошлом же году первый снег выпал 29 августа толщиной в полметра. Тогда погибло много колхозного скота в пути, а на Лагонаках замерзла и люди. Сначала там пошел дождь при сильном холодном ветре, потом повалил снег. Со стадами осталось не-

сколько человек, не пожалевших себя для спасения колхозного добра, между ними старичок-агроном из районного земельного отдела. Уцелел только старик-агроном: с ним был зонтик, он раскрыл его, когда начался дождь и буря, и зонтик спас агронома от обледенения.

Уже теперь, с 1 сентября, все колхозы, выпасающие скот в альпийке, на-чеку: подгоняют стада все ближе к перевалу, спускаются вниз. Если заждется, обязательно к 10 сентября в горах будет снег.

С 20—30 сентября перевал для прогона скота и лошадей становится недоступным. Как упал второй снег, он уже не тает. На него ложится новый и новый покров.

В прошлом году мы с наблюдателем Ефименко ездили в Гузерипль через Белореченский перевал. На обратном пути в ночь под 26 сентября повалил снег. Буря в горах продолжалась двое суток, а внизу в это время шел дождь.

Снег засыпал оба склона: от Партизанной поляны, на северном склоне, и до горы Чемилеушки и Прошквнкой поляны — на южном. На самом Белореченском перевале свежий покров был глубиной в семьдесят сантиметров. Нам на помощь вышли наблюдатели Турбаенко Александр Александрович и Караман Исаа Петрович. Они протоптали ходовую тропу до перевала. Потом начали стрелять. Мы отозвались, стали приближаться к ним навстречу и только так спаслись. Иначе погибли бы и лошади и мы. В то время снег достигал по брюхо нашим лошадям.

В середине февраля 1940 года я с тогдашним начальником охраны заповедника Карлом Яковлевичем Саулшестом проходил на лыжах через Гузерипльский перевал в районе Тепляков. В пути мы доставали воду в верховьях реки Белой. Река была закрыта толщей снега. Мы пробили снег, и после трехметровой снеговой крыши над водой оказалась пустота. Снег, видно, здесь растаял от теплых испарений реки. Чтобы набрать в котелок воды, нам пришлось взять вспомогательную альпийскую веревку в тринадцать метров длины и еще добавить лыжную палку в два метра.

Если учесть откос берега в полтора метра, то действительная толщина вышшего здесь снега была тринадцать с половиной метров. Зимочевая тут же в пихтах, мы рубили горчавинне над самым снегом верхушки деревьев на дрова и для подстилки костра на снегу. Весной на этом месте мы увидели «пеньки» высотой в пятнадцать метров и на этой же высоте наши надписи на коре. Там же зимой буковый лес, достигавший десяти-пятнадцати метров высоты, был весь закрыт снегом, за исключением немногих отдельных деревьев выше пятнадцати метров. От двадцатиметровых буков над снегом были видны только верхушки, похожие на кусты. Огромные

валуны и скалы полностью скрывал снег. Все пространство вокруг представляло сверкающую белую снежную площадь, выравненную ветром. На узких перешейках вершин альпика с востока, откуда дул ветер, на запад нависали паметенные ветром снеговые козырьки, толщиной по отвесу до пятидесяти метров.

Зимой в средней зоне (Бабук-Аул относится к ней) часто снег идет влажный, переходя в дождь и снова в снег. Тогда у нас, внизу, выпадает снег сырой, лапчатый, а на горах — сухой снег, с пургой и поземкой, очень густой и переходящий в ледяную мелкую крупу. Всегда при этом бывает резкий и холодный юго-восточный ветер.

...Меня научил ходить на лыжах Карл Яковлевич Саулисте. Он был прекрасный ходок. Саулисте — латыш-сибиряк, с детства привычный к лыжам.

Я каждый год поднимаюсь на лыжах на перевал для измерения снега. За короткий зимний день могу пройти из Бабук-Аула до Гузерипля. Мы выходим учиться бегать на лыжах на самый перевал. Тут, близко от Бабук-Аула, у нас нет подходящего места, а там — простор. Десятого июня 1948 года я поднялся на Черкесский перевал, и всюду снег лежал уплотненный снег глубиной в четыре метра, а зимой мы проезжая там, установили толщину снегового покрова в семь метров.

Проходя по крутым, до пятидесяти градусов, склонам у самих скал и подрезая лыжами свежий снег, лыжники часто вызывают лавину. Так было при нашей поездке с Саулистом в 1940 году.

Под горой Оштен, на склоне верховьев реки Белой, мы по неосторожности вызвали небольшую лавину шириной от пятидесяти до семидесяти метров и в высоту склона до двухсот метров. Но, на наше счастье, толщина свежевыпавшего, уплотненного снежного покрова на этот раз достигала только пятнадцати сантиметров. Снег был сухой и легкий, и он только прикрыл меня и другого бывшего с нами наблюдателя. Случайно дело кончилось благополучно.

Саулисте проскочил и, когда нас стало засыпать и тащить вместе с покровом свежего снега в балку, дал команду: «Не робей, ребята! Снег легкий, выпутывайтесь». Мы, барахтаясь и притаптывая снег лыжами, выскользнули и пробежали метров десять. Все же влед за тем нас накрыло сухим и мелким, как пыль, снегом в метр толщиной. Но он не мог придавить нас, и мы без труда выбрались. При более тяжелом и глубоком слое свежего снега и неосторожном густом продвижении цепи лыжников они могут быть все похоронены лавиной до полукилометра высотой по склону и выше, так что не останется даже следов, кроме последней лыжи.

Если здесь, в средней зоне, при лыжном выезде было пять градусов холода, то на Белореченском перевале мороз будет не меньше двадцати семи градусов. А при быстром ходе на лыжах и встречном восточном ветре по-настоящему обжигает лицо. Если внизу десять градусов мороза, то на перевале — до пятидесяти: холодно так, что захватывает дух.

Бабук-Аул, 2 сентября

Ко мне зашел старший наблюдатель кордона Бабук-Аула Петр Прокофьевич Гукалов, человек лет сорока пяти, среднего роста, худощавый, с мягкими движениями и мягким серьезным выражением умных глаз и гладко выбритых сжатых губ.

Петр Прокофьевич — один из старейших работников Кавказского заповедника. Он родился поблизости, в Хамышках, и вырос на Гузерипле. Отец его Прокофий Леонтьевич был много лет егерем Кубанской охоты и, единственный из егерей, остался работать наблюдателем Кавказского заповедника. Сын перенял у отца трудное и волнующее искусство следопыта, знатока хитрых звериных повадок. Он с детства полюбил могучую и богатую природу гор Кавказа, научился ловить и понимать ее малейшее живое движение. Но только советская власть могла дать ему возможность стать тем, кем он является сейчас: незаменимым помощником научных работников заповедника и, в свою очередь, творческим работником. При Кубанской охоте, он, как и отец его, несмотря на способности и опыт, был бы всего лишь лесным сторожем и охотником-егерем.

Шестнадцать лет работает уже Петр Прокофьевич в Кавказском заповеднике. За это время немалую помощь по глубокому изучению жизни природы заповедника получали от него десятки научных экспедиций и сотни студентов-практикантов. И сам Петр Прокофьевич в непрерывном общении с ними вырос. Он стал шире, долнее, сознательнее представлять себе природу родных лесов и гор, научно объяснять и находить общую связь отдельных своих наблюдений.

Во время окружения Гузерипля фашистами Гукалов много раз ходил в разведку в тыл врага.

Пока ровно течет его немного медлительная, тихая, но внутренне очень уверенная и ясная речь, я мысленно сравниваю Петра Прокофьевича с другими наблюдателями заповедника, с которыми мне пришлось встречаться за десять с лишком лет; среди них очень много интересных и своеобразных людей. У Гукалова свой облик и особенное в нем — вот эта способность к почти научной точности и ясности изложения и широте обобщений.

валуны и скалы полностью скрывал снег. Все пространство вокруг представляло сверкающую белую снежную площадь, выравненную ветром. На узких перешейках вершины альпинки с востока, откуда дул ветер, на запад нависали наметенные ветром снеговые козырьки, толщиной по отвесу до пятидесяти метров.

Зимой в средней зоне (Бабук-Аул относится к ней) часто снег идет влажный, переходя в дождь и снова в снег. Тогда у нас, внизу, выпадает снег сырой, лапчатый, а на горах — сухой снег, с пургой и поземкой, очень густой и переходящий в ледяную мелкую крупу. Всегда при этом бывает резкий и холодный юго-восточный ветер.

...Меня научил ходить на лыжах Карл Яковлевич Саулнети. Он был прекрасный ходок. Саулнети — латыш-сибиряк, с детства привычный к лыжам.

Я каждый год поднимаюсь на лыжах на перевал для измерения снега. За короткий зимний день могу пройти из Бабук-Аула до Гузерипля. Мы выходим учиться бегать на лыжах на самый перевал. Тут, близко от Бабук-Аула, у нас нет подходящего места, а там — простор. Десятого июня 1948 года я поднимаюсь на Черкесский перевал, и всюду еще лежал уплотненный снег глубиной в четыре метра, а зимой мы проезжали там, установили толщину снежного покрова в семь метров.

Проходя по крутым, до пятидесяти градусов, склонам у самых скал и подрезая лыжами свежий снег, лыжники часто вызывают лавину. Так было при нашей поездке с Саулнетсом в 1940 году.

Под горой Онтен, на склоне верховьев реки Белой, мы по неосторожности вызвали небольшую лавину шириной от пятидесяти до семидесяти метров и в высоту склона до двухсот метров. Но, на наше счастье, толщина свежевыпавшего, уплотненного снежного покрова на этот раз достигала только пятнадцати сантиметров. Снег был сухой и легкий, и он только прикрыл меня и другого бывшего с нами наблюдателя. Случайно дело кончилось благополучно.

Саулнети проскочил и, когда нас стало засыпать и тащить вместе с покровом свежего снега в балку, дал команду: «Не робей, ребята! Снег легкий, выпутывайтесь!». Мы, барахтаясь и притаптывая снег лыжами, выскользнули и пробежали метров десять. Все же велел за тем нас накрыло сухим и мелким, как пыль, снегом в метр толщиной. Но он не мог придавить нас, и мы без труда выбрались. При более тяжелом и глубоком слое свежего снега и неосторожном густом продвижении цепи лыжников они могут быть все похорошены лавиной до полукилометра высотой по склону и выше, так что не останется даже следов, кроме последней лыжи.

Если здесь, в средней зоне, при лыжном выезде было пять градусов холода, то на Белореченском перевале мороз будет не меньше двадцати семи градусов. А при быстром ходе на лыжах и встречном восточном ветре по-настоящему обжигает лицо. Если внизу десять градусов мороза, то на перевале — до пятидесяти: холодно так, что захватывает дух.

Бабук-Аул, 2 сентября

Ко мне зашел старший наблюдатель кордона Бабук-Аула Петр Прокофьевич Гукалов, человек лет сорока пяти, среднего роста, худощавый, с мягкими движениями и мягким серьезным выражением умных глаз и гладко выбритых сжатых губ.

Петр Прокофьевич — один из старейших работников Кавказского заповедника. Он родился поблизости, в Хамышках, и вырос на Гузерипле. Отец его Прокофий Леонтьевич был много лет егерем Кубанской охоты и, единственный из егерей, остался работать наблюдателем Кавказского заповедника. Сын перенял у отца трудное и волнующее искусство следопыта, знатока хитрых звериных повадок. Он с детства полюбил могучую и богатую природу гор Кавказа, научился ловить и понимать ее малейшее живое движение. Но только советская власть могла дать ему возможность стать тем, кем он является сейчас: незаменимым помощником научных работников заповедника и, в свою очередь, творческим работником. При Кубанской охоте, он, как и отец его, несмотря на способность и опыт, был бы всего лишь лесным сторожем и охотником-егерем.

Шестнадцать лет работает уже Петр Прокофьевич в Кавказском заповеднике. За это время немалую помощь по глубокому изучению жизни природы заповедника получали от него десятки научных экспедиций и сотни студентов-практикантов. И сам Петр Прокофьевич в непрерывном общении с ними вырос. Он стал шире, полнее, сознательнее представлять себе природу родных лесов и гор, научно объяснять и находить обычную связь отдельных своих наблюдений.

Во время окружения Гузерипля фашистами Гукалов много раз ходил в разведку в тыл врага.

Пока ровно течет его немного медлительная, тихая, но внутренне очень уверенная и ясная речь, я мысленно сравниваю Петра Прокофьевича с другими наблюдателями заповедника, с которыми мне пришлось встречаться за десять с лишком лет: среди них очень много интересных и своеобразных людей. У Гукалова свой облик и особенное в нем — вот эта способность к почти научной точности и ясности изложения и широте обобщений.

Рассказ старшего наблюдателя Гукалова

— Перед созданием заповедника в 1924 году здесь, в горах, зверя оставалось мало. Он был частью выбит, частью вымер от заразных болезней, частью был разогнан, уйдя с места своего прежнего обитания и кормления.

После организации заповедника и поголовье стало увеличиваться, и зверь — туры, серны, олени — начал возвращаться на привычные места — в альпину, на поляны.

Во время войны произошел примерно такой же процесс. Война не столько истребила, сколько распугала зверей. Зверь умный: он сразу чувствует, где ему неспокойно, и ищет новых спокойных мест. Он во время войны мигрировал. Возьмите Фишт и Ошген. Сколько там было пулеметных и минометных точек! Покажется стадо, открывают огонь — враг. Войска, партизаны, караваны вьючных лошадей проходили через альпину, и в альпине долгое время велись непрерывные бои. Серны и туры переменяли условия мест обитания с высокогорных, альпийских на лесную зону. Спустились в леса, прижились там, приспособились к ним.

Я встречал в лесной зоне большое количество следов серны и даже туров. Там, в лесу, их гораздо трудней выследить. Поэтому очень важен наш учет не только непосредственно после войны, но и сейчас.

Особенно мало зверя было на альпийских полянах два-три года тому назад: там еще скрывалось фашистское охотство, питаясь турами и сернами. Кроме того, вообще зверь еще не уверился в безопасности мест, где он держался до войны и откуда был спугнут.

Олени, например, во время войны прекратили посещение угрожаемых высокогорных, естественных и заложенных нами искусственных солонцов. Они нашли в лесной зоне новые естественные солонцы. Тропы их показывают нам это, как показывают и найденные оленями новые источники минерального питания. Но все же зверь возвращается больше и больше.

Есть еще одно условие, возникшее во время войны и в огромной мере влияющее на жизнь животных заповедника в послевоенное время: небывалое увеличение числа хищников.

Я в недавнем прошлом сгорь-вожатник и должен прямо сказать, что снижение поголовья копытных за годы после войны — это дело не только волка, но и рыси.

Нельзя найти каких-то общих мер для борьбы с этими хищниками. Нужно знать повадки и того и другого и применять к ним.

Волк и рысь по своим привычкам, образу жизни совершенно разные звери. Рысь живет высоко в горах. Она постоянно держится одного места, одного охотничьего района. В запо-



веднике она охотится на серн и на другую дичь, конечно, но главное для нее — серны.

Я ловил рысей в капканы и брал их на отраву, на стрихнин. Когда приходится препарировать рысь, всегда на ней оказывался толстый слой жира. Жир и мясо рыси сильно пахли серной, и жир так же застывал, как жир серны. Я окунал в него капсулы с отравой — стрихнином; он при этом быстро и прочно застывал.

Рысь — свирепый хищник и уничтожает не только серн, но и косуль и оленей.

Зимой 1943 года я, В. М. Татарков и П. И. Комнатный шли по особому заданию в обход в районе реки Теллик. Километрах в полутора от ее впадения в Белую мы заметили оленьи следы и кровь на снегу. Человеческого следа близко не было. Но мы все же решили тропить оленя и выяснить, что с ним станется.

Мы обрезали несколько раз олений след, чтобы обнаружить исходные следы рыси, если только это она ранила оленя, прыгнув на него с дерева. Но рысиных следов не оказалось.

Недоумевая, в чем же дело, мы прошли дальше, и снова только олений след и пятна крови на снегу. Еще дальше, метрах в двадцати, опять след оленя, но теперь уже рядом с ним след рыси. Тогда мы поняли, что рысь вначале, оседлав оленя, ехала на нем и рвала ему шею. Затем спрыгивала с него, бежала рядом и снова вскакивала на оленя, раздирая ему горло. Дальнейшее тропление все это подтвердило.

Вскоре в пихтovo-буковом лесу на берегу Телляка мы нашли труп оленя, убитого рысью. Рысь поела немного оленьи и ушла.

Я не мог отравить стрихнином всей оленьей туши, так как у меня было мало с собой капсуль, и мы решили начинить стрихнином заднюю лопатку оленя. Остальное мясо бросили в реку, и оно уплыло.

Рысь — это не волк. Волк никогда в первую ночь не пойдет прямо на приваду. Он ее десять раз обойдет, обрежет со всех сторон, а рысь в первую же ночь придет и съест приваду, наступит на совершенно незамаскированный капкан и попадется.

На следующее утро, на обратном пути, мы зашли на место, где оставили отравленную приваду, чтобы посмотреть, чем же все это дело кончилось. Часть привады была съедена. На снегу вокруг четко отпечатались свежие следы рыси. Они показали, что, съев приваду, рысь пыталась уйти через реку по кладке — упавшей старой пихте (рысь никогда не идет через реку вброд, она обязательно ищет кладку или узкое место, чтобы перепрыгнуть). По следам на снегу на кладке мы установили, что посредине кладки проглоченный с привадой яд начал действовать и рысь свалилась в воду.

В противоположность рыси волки кочуют из одного охотничьего района в другой по всему заповеднику. Во время войны они из привычных своих мест в предгорьях, где шли боевые действия, мигрировали в леса заповедника. Их здесь теперь очень много.

В июне они откочевывают к стадам домашних животных, когда колхозы пригоняют скот на летние выпасы в горы, в альпину. До этого же они страшно истребляют копытных животных заповедника, главным образом молодняк. Особенно опасен май — время отела оленей. Только того олененка мы считаем нашим, который пережил май.

Кстати замечу, что жизнь оленьего стада — яркий пример взаимопомощи среди животных одного вида.

Самцы хорошо вооружены и поэтому часто живут в одиночку. Самки, особенно с телятами, не могут защищаться и существовать отдельно друг от друга и живут и действуют сообща. Лани, например, покидают стадо только на время отела и пока теленок окрепнет настолько, чтобы следовать за стадом. Потом они возвращаются в стадо.

...После разговора с Гукаловым я зашел проведать наблюдателя Александра Александровича Турбаенко. Он был ранен при недавней автомобильной аварии и еще не выходил из дому. Мне рассказывали о мужественном поведении Турбаенко во время аварии. Когда, сорвавшись с шоссе, машина стремительно сползала задними колесами вниз по каменному двадцатиметровому отвесу (шофер не оставил руля и все время управлял машиной и тормозил ее), Александр Александрович успел выбросить из нее двух детей, которые остались целы. Сам же он сильно пострадал.

Александр Александрович встречает меня на ногах:

ему уже лучше, хотя голова забинтована и рука на перевязи.

Турбаенко — кандидат в члены партии, старый работник заповедника. Он невысокого роста, с виду далеко не крепкого сложения. Открытое смуглое лицо его освещено теплыми глазами и улыбкой. Если бы я не слышал о нем от десятков людей, просто не поверить, что этот, на взгляд, физически не очень сильный человек с женственными движениями не раз во время Отечественной войны по заданию нашего командования пробирался через многометровые снега по головоломным турьим тропам, переплывал незамерзающие бурные реки, выводил группы бойцов и командиров из окружения.

Он провел через Кавказский хребет — с южного на северный склон — в Гузерипль роту лейтенанта Шип, защитившую заповедник. Заносил через линию фронта в его отряд рацию. В этот поход Турбаенко поднимался самыми трудными, почти непроходимыми местами — ущельем Головинки, спускался по скалам с верховьев реки Березовой к реке Белой. Тесной Белой он, где по скалам, где вылавь, проник в Гузерипль, окруженный со всех сторон гитлеровцами.

Однажды он с другим наблюдателем наткнулся на семейных диверсантов. В схватке его товарищ был убит, но Турбаенко вместе с подоспевшими на выстрелы бойцами задержал и разоружил всю диверсантскую банду.

*Бабур-Аул — Солох-Аул,
3 сентября*

Сегодня я вместе с работником лесопожарной охраны Никитой Ивановичем Иванчиным отправился верхом на Солох-Аул.

Мы все время едем левым берегом реки Головинки через впадающие в нее горные речки: Монашку, Ажу, Бзышок, Монетную, Бзыч, Бзугу. На речке Монашке когда-то жили монахи. Монетная, говорят старожилы, названа так потому, что в ее истоках, высоко в горах, был монетный двор Шамиля.

Дорога причудливо вьется изгибами прохладного речного ущелья, то круто поднимаясь, то сбегая вниз. По обе стороны ее светлая зелень каштанов, орешника, буков, грабов, ольхи. На прибрежных, обращенных к югу и затененных с трех сторон влажных скалистых известняках темнеет мелкая и частая, отсвечивающая лаком, коричнево-зеленая листва самшита. Она набухла от недавних дождей.

Чем дальше, тем чаще и гуще самшитовые заросли. Они опутаны кольцами и петлями ломоноса и колючего держидерева. Под тенистым прикрытием их висят трехметровые папоротники.

С отвесной крутизны поросших непроходимым южным лесом известняковых и шиферных стен сливаются тонкие и широкие радужные пленки воды, фильтрующейся через породу: они совершенно беззвучны и кажутся неподвижными. Но в одном месте быстро и звонко с уходящей ввысь аспидно-серой гладкой стены падает узкая вертикальная струйка. Ее принимает внизу вырубленная в камне прямоугольная криничка.

Между гор справа синева отчетливо разделена по горизонтали двумя оттенками: более светлая часть, от половины высоты вверх, — небо, а нижняя половина, туманнее и потемнее, — море.

В пути Никита Иванович, — он хорошо знает эти места и Красную Поляну, — рассказывает мне о своих наблюдениях над здешней природой.

Когда мы проезжаем мимо одного изгиба Головинки, где ножи галечных отмелей рассекают ее стремительное течение на три рукава, он показывает глубокий омут, который называет «Вечной ямой»: тут держится лосось.

Эту большую серебристо-голубоватую рыбу ловят, перегородив два из трех протоков камнями так, чтобы вода фильтровалась через них, а в горле третьего укладывают плоскую плетенку из гибких ивовых прутьев. Придавленная по краям грузом камней на небольшой глубине водослива, на перекате, она направлена немного вверх, и выходной конец ее загнут, образуя ловушку, в которой и задерживается скатывающийся в мелкой быстрине лосось.

Николай Иванович видел пресноводных крабов, путешествующих высоко в горы, от водоема к водоему. Через перемычки они выбирают для передвижения по земле «потные» от просачивающихся подпочвенных вод места, увлажненные лишайники и мхи на щебне осыпей.

В 1937 году он однажды забрался на почти недоступный скальный участок над тоннелем на Краснополяском шоссе, который раньше назывался «Пронеси господи». Неприметную, очень трудную тропу туда, идущую со стороны лесозавода Кепша, ему указал знакомый старик-черкес. На отвесных кручах желтого песчаника, куда с большим риском забрался Никита Иванович, росли редкие невысокие деревца и скудная сожженная солнцем трава. На этом фоне маленькой горной пустыни, недалеко впереди, на скале он увидел зверя кошачьей породы, какого еще не встречал. По размерам и морде зверь походил на лесного дикого кота. Но он был выше и стройнее, остро торчали уши. Совсем другого цвета было и его поджарое гибкое тело, желто-песчаное, с яркими черными полосами, как у зебры, от головы и дальше по бокам до жи-

вота и задней части тела, где они постепенно сливались с основной окраской. Вытянутый прямой хвост был тоже в черных кольцах.

Позже житель Кепши, старый охотник Иван Павлович Горик, говорил ему, что тоже встречал это животное в тех же скалах и что считает его скальным котом — разновидностью обыкновенного дикого кота, приспособившейся и по цвету, и по строению тела, и по образу жизни к условиям особенно крутых и безлесных участков здешних гор.

...На берегу Бзыча нам встретился пешеход с рюкзаком за плечами, в военной фуражке с черным артиллерийским околышем, в пиджаке и брюках навыпуск. Никита Иванович приостановил лошадь и заговорил с ним.

Прежде чем он назвал мне пешехода, я уже сам по короткой верхней губе, открывающей кипень зубов, сдержанно-скупой улыбке и суховатому носу с горбинкой, энергичному вырезу ноздрей узнал старшего лейтенанта Петра Федотовича Шабло, о котором мне рассказывал в Бабук-Ауле его брат — Кузьма Федотович. Только он смуглее своего брата.

Подобно Кузьме Федотовичу, он охотник и следопыт по призванию. Раз ему пришлось даже сойтись врукопашную с медведем. Петр Федотович неудачно стрелял в него. Слегка задетый пулей, зверь поднялся на дыбы и пошел на стрелка. Ножа у Петра Федотовича, как на трех, не было. Он ткнул стволом ружья в пасть медведя. Одним ударом лапы медведь выбил и отшвырнул прочь ружье с переломленным прикладом и снова пошел на охотника, стремясь его облапить. Держа поодаль от медведя голову и живот, Шабло сунул ему в рот одну руку и стал крутить зверю язык, а другой сдвигал горло. Медведь напирал, пытаясь схватить противника и добраться до его живота и головы. Шабло не давался, а медведь жевал и грыз ему руку, царапал когтями бока и плечи. Они долго кружились так на месте. Наконец Петру Федотовичу удалось оторваться от медведя, столкнув его с откоса, и заскочить за толстое дерево. Медведь обежал за ним вокруг ствола несколько раз, но поймать не смог. Петр Федотович заскочил за другое дерево, потом за следующее — медведь потерял его и ушел.

Когда Шабло доставили в больницу в Сочи, на его теле было сто двадцать четыре раны. На человека, боровавшегося врукопашную с медведем и пересилившего его, приходили смотреть не только врачи, но и многие курортники.

Охотничья зоркость, расчет и самообладание пригодились Петру Федотовичу и на фронте. Он, как и его брат, был и снайпером, и автоматчиком, и артиллеристом.

До войны он был одним из организаторов колхоза в своем селе и председателем сельского совета. Петр Федотович —

инвалид Отечественной войны. Он имеет девять тяжелых ранений и девять правительственных наград, четырежды орденосеи. После победы над Германией он был помощником коменданта Бухареста. Командование предлагало ему и дальше оставаться на этом посту. Но Петра Федотовича неуклонно потянуло на родину, в колхоз. Он демобилизовался. И вот сейчас он скромный сельский работник — заведующий кооперативной базой в своем горном селе.

...Чем ближе мы спускаемся к Солох-Аулу, тем все больше самшита по обеим сторонам шоссе, тем он выше и гуще. Вообще по своей щедрости, яркости и непролазной густине и путанице лиан растительность здесь почти приморская. Во дворах колхозников, когда мы въезжаем в Солох-Аул, я вижу все то, что растет на самом побережье Черного моря: и инжир, и хурму с вечнозеленой листвой. Там и здесь бананы мерно качают на легком дующем с моря ветре огромными светлозелеными мечевидными листьями, растущими прямо из верхушки толстого чешуйчатого ствола.

На южных солнечных склонах этих гор, укрытых от губительных северо-восточных ветров, скоро закруживаются пышные шарообразные кусты новой кубанской культуры — чая, продвигающейся все выше от морского побережья. Сюда проникнут и плодоносные золотые цитрусы.

*Солох-Аул — Дагомыс — Хоста,
4 сентября*

Утром следующего дня добираюсь до отстраиваемого моста через одну из речек, пересекающих горную дорогу, и отсюда на попутном грузовике — до Дагомыса.

Налево, при въезде в Дагомыс, на обращенных к морю, залитых солнечным светом склонах холмистых предгорий тянутся кудрявыми ровными рядами чайные деревья. Это плантации совхоза Дагомыс. Душистый кубанский чай уже завоевал широкую известность своим прекрасным ароматом и вкусом.

Дагомыс — это целый городок, полный зелени, солнца и воздуха. Он расположен на самом берегу моря. Отсюда идут на Сочи катеры — морские трамваи, и от пристани катеров по гладкому гудрону шоссе — рейсовые автобусы.

Меня манит к себе спокойная, чуть затуманенная голубизна моря. Но морской трамвай отходит только через час, и я сажусь в готовый отправиться автобус. Взгляд отдыхает на беспредельной нежной голубизне и ультрамарине вечеряющего моря. Оно все время провожает нас справа. В лицо дышит легкий соленый ветер.

...Пересев в Сочи на другой автобус, я вскоре был уже в Хосте. С рюкзаком за плечами поднимаюсь к домику на

горе, в котором живет заведующий заповедной тисово-самшитовой рощей ученый лесовод Петр Давыдович Лазук.

На середине подъема, поворачивая за поросший густой зеленью выстуд, я столкнулся с человеком в белой фуражке и белом костюме, спускавшимся мне навстречу. Я уже почти мкивал его, как он меня окликнул. По хорошо знакомому голосу и продолговатому шраму, темневшему над правым глазом, отчего бровь, словно выражая удивление, поднималась кверху, я узнал Михаила Сафоновича Пономаренко. Но где же его толстая суконная кепка с задорно заломленным козырьком, выцветшая под дождями и горным солнцем гимнастерка, всегда перетянутая патронташем с медвежьим клычком на нем в деревянных ножнах, и сыромятные поршни наружу шерстью?

Передо мной стоял, несомненно, он и в то же время как будто совсем другой человек: с головы до ног блистающий белизной, чисто выбритый, стройный.

— Привет, Михаил Сафонович! Что это вы так разодеты: отдыхаете в санатории?

— Нельзя иначе. Я встречаю отдыхающих в наших местах и показываю им тисово-самшитовую рощу. Я теперь здесь старшим наблюдателем.

Только тут я обратил внимание, что на околыше его белоснежной фуражки синели эмалью два перекрещенных дубовых листка с бронзовыми жолудями.

— Я скоро вернусь и зайду за вами. Почевать будете у меня. Посмотрите, какой теперь у нас с Анной Емельяновой дом, — узнав, что я иду к Петру Давыдовичу, говорит Пономаренко.

...Я нашел Лазука на веранде. Сквозная решетка ее была вся обвита виноградными лозами, отягощенными янтарно-желтыми гроздьями. Внизу, на садовой зеленой лужайке, стояли домики ульев, и над ними, жужжа, роились мохнатые пчелы. Все это — дело рук Петра Давыдовича: два года назад не было ничего похожего.

Мы беседуем в тени веранды. Петр Давыдович рассказывает мне о том, как он осуществляет свою творческую мечту — преобразить тисово-самшитовую рощу в живой музей природы, и как восстанавливается и развивается замечательная растительность рощи.

Поблескивая круглыми очками на румянном лице и время от времени приглаживая ладонями по-мальчишески взъерошенный светлорусый чуб над высоким лбом, Петр Давыдович говорит с твердым белорусским произношением, которое как-то резко подчеркивает значение его слов:

— Мы сейчас изучаем естественное возобновление наиболее ценных пород: самшита, тиса, дуба, горного клена, каш-

тана, кавказской дубы. Нами заложено двенадцать пробных площадок в различных растительных ассоциациях и на разной высоте. Самая высокая точка роши на склоне Большого Ахуна — пятьсот пятнадцать метров.

Нам прежде всего интересуют самый характер насаждений. Они в Хостинской роше сложные, смешанные, очень многообразные по своему составу. Тут и реликтовые виды, и эндемичные, и встречающиеся в других местах. Кроме того, вечнозеленые, и лиственные, и хвойные с обилием лиан.

Характер насаждений и состав их играют огромную роль. Например, если самшит выставлен на свет (при рубке насаждений), рост его замедляется, а самшит, живущий под пологом леса, дает хороший прирост и развивается прекрасно.

Нам надо знать: насколько успешно идет возобновление реликтовых древесных пород, наблюдается ли смена этих видов другими, которые хорошо растут в местных климатических условиях, например грабом, кленом, ясенем.

На пробных площадках-стационарах ведутся постоянные наблюдения. Оказалось, что самшит возобновляется исключительно хорошо. В наиболее благоприятных условиях роста на один гектар самшита насчитывается до пятисот тысяч штук подростов.

Возобновление тиса требует дальнейших исследований. На перегнойно-карбонатных почвах, где в давние времена успешно произрастал тис, под пологом тисового леса нет его молодой поросли. Тис перекочевывает, переселяется в новые, благоприятные для него условия: на почвы кислые, обычно занимающиеся в приморской полосе буковыми лесами.

В роше наблюдаются также закономерности: в буковом лесу всегда можно увидеть молодняк тиса. В вековом тисовом лесу теневой породы тиса нет, в то же время там появляется светолюбивый ясень.

Возобновление тиса мешает обилие подлеска из лавровишни. Он перекрывает поверхность почвы своим пологом и не дает всходам тиса успешно развиваться. Большой вред приносят и мелкие грызуны. Они поедают рассеянные по земле семена тиса. Зато очень способствуют распространению тиса куница и пернатые, питающиеся его плодами.

На стационарах поставлены опытные посевы семян тиса в различных типах леса. На кислотно-перегнойных почвах тис прекрасно развивается. Прирост его в высоту составляет двадцать сантиметров в год.

Исключительно благоприятный климат и почвенные условия тисово-самшитовой роши позволяют отлично возобновляться и всем другим древесным породам на различных высотах, при различном расположении склонов. Здесь поселя-



ются даже такие породы, как инжир, грецкий орех, виноград, шелковица.

Одновременно мы ведем фенологические наблюдения над древесными породами в насаждениях, расположенных на различной высоте над уровнем моря. Так, найдено, что отдельные деревья самшита в ущельях глубоких балок зацветают в январе, вместо обычного срока — в апреле, благодаря особо мягкой температуре этих участков роши.

...Было уже темно, когда за мной зашел Михаил Сафонович. Я прощаюсь с Петром Давыдовичем, и Пиномаренко ведет меня по крутому склону, все выше, куда-то в непроглядную черноту. Как он находит дорогу в этом мраке да вдобавок указывает мне, где перепрыгнуть через рытвину, где не споткнуться о камень или не ступить на мокрую от росы траву и не поскользнуться, я просто не понимаю. В общем путь к его дому в полной темноте оказался небезопасным путешествием, отдаленно напомнившим мне, как когда-то мы с ним, рискуя сломать шею, брали ночью Сахайский перевал.

Но вот мы сидим за столом, вокруг которого привычно хлопочет Анна Емельяновна, маленькая женщина с серьезными добрыми глазами.

Михаил Сафонович просит меня рассказать все, что я знаю о наших общих друзьях и знакомых — научных работниках, которых уже нет в заповеднике и с которыми я недавно виделся в Москве.

Я описываю ему встречу с неутомимым исследователем звериного царства Кавказского заповедника Андреем Александровичем Насимовичем, лучшим зуброведом в СССР Михаилом Александровичем Заблоцким и большим знатоком мира ялагов и других врагов наших лесов Владимиром Николаевичем Степановым. Говорю о дальнейшей судьбе молодого талантливого зоолога Сергея Сергеевича Донаурова. Все они в Отечественную войну защищали родину. Насимович и

Заблоцкий, как и В. Н. Степанов, работают сейчас в Главном управлении по заповедникам при Совете Министров РСФСР и оба готовят докторские диссертации, а С. С. Донауров — в Беловежской пуше.

— Старая гвардия заповедника! Много они здесь сделали, — качнув головой, произносит Михаил Сафонович.

И, на минуту задумавшись, он добавляет:

— Помните место на Уруштене, где мы под тремя пихтами несколько дней переждали непогоду? Вы там еще свою любимую трубку потеряли, и мы никак не могли ее отыскать. Я часто думал: куда она делась? Когда я ходил в разведку, в тыл к гитлеровцам, я побывал на этом месте и все перевернул, но трубки так и не нашел. Видно, она скатилась в кустер и сгорела.

Мне хорошо понятен на первый взгляд неожиданный ход мыслей Пономаренко: воспоминания взбудоражили впечатлительную, поэтическую натуру Михаила Сафоновича, и перед его глазами сейчас, как на киноленте, проносится до мелочей пережитое им в походах по заповеднику вместе с людьми, ставшими для него наиболее близкими, и «мелочи» согревают живым теплом эти воспоминания.

Хоста, 5 сентября

Утром мы идем с Михаилом Сафоновичем в тисово-самшитовую рощу мимо высоких зарослей кукурузы с поднимающимися среди нее зелеными кронами фруктовых деревьев.

Пономаренко снова весь в белом, но за плечом у него трофейный немецкий карабин.

По пути Михаил Сафонович показывает на старую с широкой верхушкой сливу, вокруг нее кукуруза изломана и вытоптана:

— Сюда повадилась ходить медведица. Позавчера вечером возвращаюсь, а она здесь орудует с медвежатами. Пришлось ее пугнуть выстрелом.

В мае, ночью, при хорошем лунном свете, я встретил ее с двумя совсем еще маленькими медвежатами на берегу Хосты, у Белых Скал.

Медведица вздыбилась и ревнула, чтобы меня напугать. Мне тоже для острастки пришлось щелкнуть затвором. Она опустилась на четвереньки и потрусилась прочь. Медвежата — за ней. Один отставал, и она снова поднялась на дыбки и ревнула. Тут оба медвежонка подбежали ей под брюхо, и она успокоилась и ушла с ними.

Очень большая любовь у медведицы к детям: как она о них заботится! Идешь в первой половине марта — снежок выпал. Видишь — медвежий след. Потом появляются три следа.

Только два очень маленькие: дети одномесичные, мелочь. Или по берегу реки идешь: медведь зашел в воду и выпел — один след. А еще метров десять пройден — два-три следа, в том числе крохотные. Значит, медведица малышкой на себе перевозила, а потом на землю спустила.

Эта медведица, когда и наткнулся на нее, стояла у самой воды и, должно быть, ловила рыбу, потому что утром на камнях на этом месте я нашел рыбу-черноплуза. Если в ноябре, когда идет перест лососей на реке Лауре, медведя убьешь, он рыбой пахнет. Я находил и остатки съеденных лососей.

Интересно бывает наблюдать, как проходит здесь, на южном склоне, осенний гон у медведей. Первый гон у них в апреле и мае, второй — с десятого по двадцатое ноября.

Перед осенним гоним они долго лежат под густыми, низкими, высокогорными пихтами, ничего не едят. Берлоги тут же, совсем готовые: круглые, как арбузы, пещеры, и иногда в две комнаты.

После гона в двадцатых числах ноября медведи уже прочно залегают в берлогах и лежат три месяца. Медведица приносит детей в берлоге — маленькие такие пальчики, видели?

Пономаренко еще раз останавливается у белого домика на опушке:

— Тут живет колхозник Поляков Данила. У него есть большой серый кот. Этот кот приоровился ловить зайцев. Никогда не видел и не слышал, чтобы домашние коты на зайцев охотились. Вон тропка сворачивает за угол дома и к винограднику. Зайцы ее протоптали. Там поляковский кот караулит их за углом и ловит. Неделю назад поймал маленького зайца, а вчера хозяин услышал шум, выбежал и видит: кот вился в затылок здорового зайца и уже приканчивает его. Поляков отнял зайца чуть живого.

Мы входим в заповедную рощу. Меня встречает знакомая влажная прохлада, которая здесь держится даже в самый жаркий день. Идем по самшитовому «кольцу». Еще рано, и посетителей нет.

Я говорю Пономаренко:

— Какая тишина!

— Приехали бы месяца на два раньше, — отвечает он, — в роще полно было черных и серых дроздов, особенно по утрам. Здесь множество улиток. Дрозд схватит улитку клювом за мантию, найдет чистый камушек и начинает разбивать ее.

Мы переходим через глубокие лабиринты балок по новым мостам. Дорожки расчищены, выравнены и плотно убиты щебнем и ракушечником. На ветках, стволах и стеблях самых интересных представителей растительного мира рощи висят таблички с номерами, латинскими и русскими названиями вида, с обозначением возраста, высоты, диаметра и полезных свойств

дерева. Да, Петр Давыдович за два года выполнил свое обещание и превратил тисово-самшитовую рощу в живой, культурный и умный музей природы. А рядом со входом в рощу уже строится живописное здание, где будут собраны образцы растений и зверей всего Кавказского заповедника.

Возвращаемся на площадку у выхода и присаживаемся на скамью под шатром огромных буков и тысячелетних тисов.

— Вот с этого дерева, — Михаил Сафонович поднял глаза на старый высокий бук против нас, — с десятиметровой высоты падала на землю змея. Большой, метра полтора, полоз. И не один раз. Шлепнется о землю животом и как ни в чем не бывало быстро уползет в самшит. С такой же высоты и ящерицы падают на брюшко — и хоть бы что. Значит, и змея и ящерицы забираются на деревья. Змея, видно, охотится там на птиц: недавно одну убили, а внутри у нее целая сойка.

Как может тяжелая змея упасть с такой высоты и не убится? Ну, у ящерицы, у той лапки есть: лапки спружинит — и ей ничего. А змея ведь падает прямо на живот. Я думаю, у нее другое. Змея, когда ползет, опирается на кончики ребер. Наверно, когда она падает с дерева, кончиками ребер натягивает кожу, парашют делает и словно летит в воздухе, а упадет — на кончики ребер, как на пружины, опирается.

...К роще подъезжают одна за другой санаторные машины. Группы людей, молодых и старых и совсем юных мужчин и женщин, предводимые экскурсоводами, направляются к входу.

Михаил Сафонович поднимается со скамьи. У него начинается рабочий день.

27 июня 1937 года — 5 сентября 1948 года
Кавказский заповедник — Ростов-Дон



СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Лето</i>	3
<i>Осень</i>	37
<i>Зима</i>	50
<i>Весна</i>	69
<i>Олений месяц</i>	103
<i>Семь лет спустя</i>	142
<i>Через Белореченский перевал</i>	207